Татьяна Шамякина

Традиционный китайский календарь и славянские мифологические параллели

KAMINKA.org

2010

УДК 398.221 (=58=16)
ББК 82.3 (0)
Ш 19

Рекомендовано кафедрой белорусской литературы и культуры Белорусского государственного университета (протокол № 2 от 10 октября 2006 г.)

Рецензенты:
доктор филологических наук В.А. Максимович
кандидат филологических наук, доцент И.Л. Шевлякова-Борзенко

Шамякина Т.И. / Шамякина Т.И. Китайский народный календарь и славянский мифологический бестиарий. Параллели. – 2009. - с.

Книга оригинальная и по содержанию, и по форме. Она состоит из 12 очерков, объединенных темой восточного народного календаря. Но более всего автора интересует связь культур, отношение славян к соответствующим животным-символам, которые и определяют специфику китайского календаря. Через оценку этих символов лучше познаются европейские этносы. Каждая статья книги представляет собой культурологическое эссе, насыщенное исключительно богатой и малоизвестной широкой публике информацией. При том, что все статьи читаются легко, по стилю они выглядят по-разному: в одних больше научности, в других – философичности, третьи проникнуты легким юмором. Ценность работы – в высказанных автором многочисленных гипотезах, интересных допущениях, которые касаются мифологического наследия европейских и азиатских народов, в проведенном типологическом анализе, в широком привлечении фактов из истории литературы и искусства. Основная задача книги – в исследовании генезиса образности, поиске основ символизации культур народов Европы и Азии.

Книга рассчитана на школьников, студентов, преподавателей, на всех, кто интересуется мифологией, древней и современной культурой народов мира.

ВСТУПЛЕНИЕ

Мир животных издревле смыкается, взаимодействует с миром людей и потому на протяжении всей истории является объектом нашего пристального внимания и осмысления. Животные неизменно входят в круг человеческих интересов, удовлетворяя самые важные потребности человека: они помогают в труде, употребляются в пищу, используются для производства одежды, оружия, бытовых вещей. Они чужие, далёкие, и в то же время близкие, нередко – друзья. Люди и животные – единственные на сегодня известные одушевленные существа на Земле.

Человек всегда ощущал свою глубинную близость к животному миру, ко всем живым существам, включая не только естественные, функциональные связи с ними, но и связи собственной души, разума, духа. Где-то в истоках бытия все Божьи создания, в том числе homo sapiens, очень близки между собой. Наша связь – именно по истоку жизни, по одушевленности, по общности судьбы на Земле.

Человек в общении с животными, в своем стремлении понять зверя или птицу, в конце концов, начинал лучше понимать и сам себя. Через описание животных (в эпоху Средневековья такое описание называлось “бестиарий”) он психологически “овладевал” ими и миром в целом.

На протяжении последних столетий связи человека с природой, особенно со звериным царством, в значительной степени ослабли. Возвращение к мифологическому наследию (а в мифологии такие связи ощущаются особенно явственно), возможно, поможет нам, людям, углубиться в недра жизни, в собственную природу, найти смысл существования, увидеть себя частью мирового целого. Тем более, что в XX–XXI столетиях были не только потери в наших отношениях с животными, но и значительные приобретения. Мы стали понимать, что звери живут не только инстинктами. Заслуга русского физиолога Ивана Петровича Павлова в изучении живых существ огромна и бесспорна, но необходимо иметь в виду, что он делал опыты над животными, от рождения вырванными из привычного окружения, изолированными в искусственной среде, не имеющими опыта выживания в природе. И в таком случае исследования академика не могли все же объективно рассказать о действительном разуме животных. А их разум часто просто поражает – особенно разум тех, кто живет рядом с человеком. Сегодня мы понимаем, что и животные владеют своеобразным интеллектом, а тем более чувствами. Их чувства часто даже более возвышенны, чем

человеческие, как ни парадоксально это звучит. И хотя о животном мире написаны тысячи книг, мы его мало знаем. Видимо, потому, что смотрим на животных как бы с высоты ощущения своего величия, не делаем попытки понять их и объяснить, проникнуть в психологию живого существа.

Беда и в том, что мы плохо помним собственную человеческую культуру, поскольку наши предки свои представления о животных – справедливые или не совсем – отразили все же очень широко, в огромном количестве форм: в мифах, искусстве, законодательстве, философии, науке. Изменение отношения определенной части (но, к сожалению, не всей) общества к животным – с прагматического на более сердечное – произошло как раз во многом благодаря искусству; особенно велика здесь роль художественной литературы, созданной на протяжении последних двух столетий.

Часто животные представали в качестве аллегорий и символов. Известный русский журналист и писатель Василий Песков, который всю жизнь пишет о животных, напоминает о некоторых из этих символов: “Лев – на гербе Англии, орел – США, Польши, двухголовый – России. На гербе Австралии – страус эму, в Новой Зеландии – бескрылая птица киви, в Танзании – жираф, в Уганде – журавль... Берлин и Ярославль – герб медведя, Нижний Новгород и Ростов – оленя. Знаки природы на деньгах: австралийский доллар – эму, в Норвегии – лось, дрозд и белка, белорусские “зайцы”. Образ природы – часто рекламная находка. Например, морская ракушка – “Шелл”, зубр – МАЗ, мороженое – пингвин, салоны для молодоженов “опекает” аист...” [83, 8.]. Еще более глубоким символическим смыслом обладает традиционный восточный календарь животных.

Календарь был создан первоначально в Китае почти пять тысяч лет назад, а затем распространился практически по всей Восточной Азии. Составителями календаря считаются полулегендарные личности Си и Хэ, которые по заданию императора обобщили огромный корпус астрономических данных и географических наблюдений в разных областях страны. Начало летоисчисления в этом циклическом календаре животных ведется с 2397 года до нашей эры.

В Китае, как и в других цивилизациях древнего мира, становление календаря было связано главным образом с сельскохозяйственными потребностями. Даже иероглиф “ци”, который означал “время”, графически представлял идею вырастания под солнцем заложенного в почву зерна. Китайцы издавна открыли эклиптику солнца и двенадцать зодиакальных созвездий, которые все носили названия, связанные с животными. Именем определенного животного

называлось не только созвездие, но и год, месяц, период суток. Но самая важная единица времени – все же год. Циклы по двенадцать лет каждый – характерная особенность именно восточной культуры. Цикл начинался с года мыши (крысы), кончался свиньей. Сутки, кстати, тоже строились соответственно и кончались часом свиньи (в китайском часе – два принятых в западном мире часа). Половина животных знаков ассоциировалось со светлым, или мужским, началом “ян”, другая половина – с темным, или женским, началом “инь”.

Новый год в Китае отмечается в первое полнолуние после вхождения солнца в созвездие Водолея, что в переводе на привычный западный календарь происходит не ранее 21 января и не позднее 19 февраля. Например, в 2009 году – году Быка – Новый год наступил в понедельник 26 января. Кроме двенадцатилетнего, существует шестидесятилетний, более полный, цикл – пять раз (5 – священное число в Китае) по 12. Этот период связан с так называемым «великим соединением» планет Юпитер и Сатурн в созвездии Водолея. Астрономы эпохи Хань – китайской «античности» – имели представление и о более грандиозных циклах. Так, они полагали, что полный мировой оборот делается за 23639040 лет. Видимо, имелся в виду оборот Солнечной системы вокруг центра Галактики. Вообще Космос, Небо, звезды в древнем Китае играли колоссальную роль, астрономия была необычайно развита. Даже простые люди знали основные созвездия и умели найти их на небе. В конце концов, не случайно Китайская империя названа «Поднебесной».

Наличие в наше время космического цикла животных, восточного “сказочного” календаря, на первый взгляд кажется архаическим и наивным. На самом же деле китайский календарь передает какие-то важные ритмы или вибрации Космоса и создает единую космогоническую систему, которая интегрирует в себе собственно понятия линейного и циклического времени. В основе такой системы – вера в циклическое “разворачивание” и “сворачивание” Вселенной, о чем свидетельствует также и современная физика (так называемая *сингулярность*). Возможно, это – одна из причин популярности китайского календаря не только собственно на Востоке, но и на Западе, в том числе, в последние десятилетия – в России и Беларуси.

Наш разговор о том или ином животном, которое символизирует определенный год по восточному календарю, проистекает из желания вернуться к истокам человеческой культуры, к первопричинам истории и основаниям психики. Психологический мир человека рожден из мифа: эта та духовная формула, которая

образы подсознания переводит на язык практического бытия. Чтобы понять душу человека, необходимо знать мифологию, тем более, что мифологическое сознание господствует и сегодня. (Правда, это уже другая мифология. Но принцип ее действия – тот же, что и в глубокой древности.) С другой стороны, возвращение к архаическому календарю животных позволяет приблизиться к религиозно-социальной истории человечества. В истории культуры отразилась душа человека, племени, нации, потому задача книги – синтезирующая: объединить субъективное и объективное, духовное и материальное, через одно явление – календарь – попытаться породнить страны и народы.

Рассказывая о животных – знаках-символах восточного календаря, – мы не имеет в виду руководствоваться астрологической наукой, тем более заниматься предсказаниями, определять “характер” того или иного года. Цель у нас совершенно другая: утвердить национальный, а конкретно, белорусский взгляд на восточный календарь, найти первоосновы – архетипы человеческой культуры – и отсюда – элементы схожести в, казалось бы, далёких между собой славянской и китайской цивилизациях. Все это, можно надеяться, будет работать на укрепление дружбы между нашими народами.

Обращение к китайскому календарю – основание и для того, чтобы выяснить истоки символизма некоторых популярных анималистических образов в мировой культуре. Символ – знак не нашей, прагматичной, буднично-серой, приземленной реальности, а иной – той, что сохраняет былое единство знаний о Боге, Природе и социальной жизни людей.

Цикл очерков о календарном бестиарии имеет целью расшифровку смыслов, которые стоят за определенными образами, и поиск причин широкого употребления тех или иных персонажей-животных не только в календаре мудрых китайцев, но и в фольклоре, литературе, искусстве других народов. Художественная анималистика, как и художественная дендрология, в значительной степени расширяет круг символов культуры и дает возможность лучше понять художественное творчество и законы действия человеческой фантазии. Кроме того, образы животных могут в значительной степени обогатить преподавание литературы в базовой школе и ВУЗе – расширяют кругозор детей и молодежи, учат видеть в жизни прекрасное. Для того, чтобы ориентироваться в китайской народном календаре, напомним, что наиболее близкие по времени годы в конце XX и начале XXI столетия имели или будут иметь следующие значения:

1996, 2008 – годы мыши (крысы)

1997, 2009 – годы быка
1998, 2010 – годы тигра
1999, 2011 – годы зайца (кота)
2000, 2012 – годы дракона
2001, 2013 – годы змеи
2002, 2014 – годы коня
2003, 2015 – годы овечки (козы)
2004, 2016 – годы обезьяны
2005, 2017 – годы петуха
2006, 2018 – годы собаки
2007, 2019 – годы свиньи

ТОТЕМИЗМ

Прежде чем непосредственно знакомиться с животными китайского календаря, представляющими тот или иной год, обратимся к некоторым теоретическим аспектам данной темы – мифологическим представлениям древних людей.

Отношения человека и животного зафиксированы в самом раннем из человеческих верований – тотемизме, который, в свою очередь, является базисом формирования мифологии и очень многих форм культуры.

Тотемизм возникает еще в палеолите, то есть не менее чем 40000 лет назад, а, возможно, и еще раньше – в среде неандертальцев.

Напомним, что человек в XX веке, как бы утверждая свою окончательную власть над природой, назвал зверей “братьями нашими меньшими” (Сергей Есенин). Но люди эпохи архаики считали животных не младшими, а старшими братьями, более того, предками. Они постоянно искали аналогии своих чувств и побуждений с природными объектами, стремились понять первопричины буквально всех вещей и явлений в мире, в том числе, самих себя. Ближе всех для наблюдения были звери. А поскольку они были сильнее и быстрее бегали, чем люди, последние стремились быть на зверей похожими.

Тотемизм – обожествление животных, признание их своими родственниками, предками, вера, что семья, клан, род или племя происходят от животного. Явление тотемизма очень сложное, многогранное: генезис рода мог вестись и от растения, и от других природных объектов, но наиболее распространенные предки – все же животные.

Почитание предков (сначала животных) – самый ранний, как было сказано, тип верований. Тотемистические мифы – это истории

происхождения тех или иных семей, родов, племен, народов. Именно благодаря своему названию, идущему от имени животного предка, этносы отделялись друг от друга, стали ощущать свою особость. Произошла первая в истории человечества *социологизация*.

Тотемизм – мировое явление, причем и сегодня фиксируется у многих племен Африки, Южной Америки, Австралии, Полинезии. В произведениях писателей, описывающих завоевание аборигенов Северной Америки белыми пришельцами (например, в романах Фенимора Купера, Майн Рида), индейцы постоянно с гордостью говорят: "Мой тотем – орел", "мой тотем – койот", упоминают и другие тотемы, то есть – своих предков. Значит, тотем – еще не бог, а предок. Тотемизм предусматривает и отправление определенных обрядов, где миф играет роль сценария.

От "реального" животного предка рода, племени, народа – путь к символическому воплощению данного этноса. Например, древние римляне называли себя "детьми волчицы"; Беларусь ассоциируется с аистом, Россия – с медведем, Австралия – с кенгуру. Часто животные, с которыми связана данная страна, выбираются в качестве символов Олимпийских игр. Так, последние из них – в Пекине – прошли под знаком панды.

Заметим, что во многих европейских сказках герой рождается от животного, чаще медведя. Данный эпизод является обязательной преамбулой наиболее древнего пласта волшебных сказок. Причем последующие действия героя никак с его происхождением не связаны, однако сказки всех народов упорно сохраняли этот композиционный элемент, значит, он был чрезвычайно важен, имел "этикетное" значение. Кроме того, звери-помощники героя в сказках – безусловно, тотемные предки. Иногда на этом основан весь сюжет сказки (европейская "Кот в сапогах" или китайская "Господин персикового дерева").

Проявления тотемизма, связь человека и животного нашли отражение в очень многих явлениях культуры. Например:

1.Пищевые пристрастия. На Рождество у германо-скандинавских народов на праздничном столе красуется украшенная свиная голова, поскольку у германцев тотем – вепрь (дикий кабан). Впрочем, не только у германцев. Славяне тоже любят изделия из свинины, и раньше закалывали свиней обязательно перед праздниками. Это – память о ритуальной еде. Приверженность украинцев к салу вошла в анекдоты. В Украине уже выпускают "сало в шоколаде". Индейка на Рождество у американцев имеет определенные мифологические и социальные корни.

В противоположность кушаньям из тотемного животного в ряде местностей существовал *табу* (запрет) на ту или иную пищу. Это очень серьезно, так как является основным догматом таких религий, как *индуизм* (запрет на говядину, поскольку корова – священное животное), *иудаизм и ислам* (запрет на свинину, так как свинья – наоборот, нечистое животное).

2. Одежда, украшения часто используют части тела животных – шубы, кожаные изделия, бусы и кулоны из клыков, лап. Некоторые виды одежды – ритуальные: роскошные украшения из перьев на головах и спинах американских индейцев, у шаманов – плащи из перьев, рога на шлемах викингов.

3.Декоративно-прикладное искусство чрезвычайно широко использует изображения животных. Существует отдельный жанр в живописи и скульптуре – *анимализм.* Сюда же примыкает и *геральдика*: гербы многих родов, городов и стран включают в себя изображение животных. Это – тоже непосредственное отражение тотемистических представлений. Скажем, медведь – на гербах Берлина, Берна (сам корень “бер” означает – медведь, отсюда русское слово “берлога”), белорусского города Сморгони, российского Ярославля. В Китае изображения дракона встречаются повсеместно.

4.Использование изображений животных в архитектуре. Так называемые *букрании* – капители колонн в виде голов быков и других животных (изобретены в Греции), львы у входов, причем как в Китае, вообще на Востоке, так и на Западе (на этом даже основан сюжет фильма “Необыкновенные приключения итальянцев в России” режиссера Э.Рязанова). Львиная капитель (лотос, со стоящими на нем четырьмя львами) является национальной эмблемой Индии. В Кёльне есть здание библиотеки в виде фигуры слона. В Киеве внимание туристов неизменно привлекает дом, всю внешнюю поверхность которого занимают скульптуры различных животных

5.Календарь животных у восточных народов. Названия созвездий у всех, практически, этносов Земли. В значительный степени “звериным” можно назвать и вавилонско-античный Зодиак, которым пользуются западные народы.

6.Из тотемизма ведут происхождение *тропы*, в частности сравнения в фольклоре и литературе. Это связано с тотемистическими представлениями об оборотнях. Люди верили не только в животного предка, но и в то, что некоторые члены племени могут превращаться в него. У белорусов это явление называется *волколацтвом* и нашло отражение в невероятном количестве быличек, преданий, легенд. Впрочем, не только у белорусов. Оборотничество – мифологема

мировая. Так, на Востоке наиболее популярен человек-тигр, в Африке – человек-леопард, в Америке – человек-ягуар. Итак, некто мог быть человеком, но легко становился, скажем, тигром: “человек-тигр”. Отсюда недалеко до сравнения – “свиреп, как тигр”. Сказки разных народов наполнены образами оборотней: ударилась уточка о землю – превратилась в красну девицу. То же – в литературных сказках: “Калиф-аист”, “Карлик-нос” Вильгельма Гауфа, “Двенадцать лебедей” Г.Х.Андресена. Образы оборотней встречаются и в художественной литературе, особенно в китайской (здесь чаще всего оборотень – лиса), а в белорусской – в “Шлихтиче Завальне” классика XIX столетия Яна Борщевского.

7.Явление *реинкарнации* также ведет свое происхождение от тотемизма. В индуизме, буддизме реинкарнация, то есть вера в переселение души из тела в тело, – основной догмат. Если человек грешен, его душа может вселиться в тело животного. Все зависит от *кармы* – наработанных за жизнь добрых или дурных поступков, которые и определяют человеческую судьбу. Великие мыслители Античности тоже верили в реинкарнацию, например, Пифагор. Но он предполагал, в отличие от индуистов, что перемещения души происходят автоматически: она последовательно проходит через все царства природы – бывает в камне, растении, насекомом, рыбе, птице, млекопитающем животном, наконец – в человеке, затем весь цикл повторяется. Христианство отвергает реинкарнацию, здесь душа и тело человека неразрывно связаны; после Второго Пришествия Христа тела праведников восстановятся (говоря научным языком, душа, видимо, запоминает матрицу своего тела)

8. Во многих из мировых религий боги воплощались в животных. Например, в древнеегипетской мифологии Баст – богиня веселья – чаще всего выступала в облике кошки, бог солнца Гор представал в виде сокола или с головой сокола. В христианстве, религии мозговой, наиболее философичной, осколков тотемизма осталось меньше всего – Агнец Божий, Дух Святой в образе голубя.

9.Чрезвычайно часто встречаются животные как персонажи литературных произведений. Некоторые образы, особенно коней и собак, вошли в общий фонд мировой культуры: Буцефал Александра Македонского, Росинант – конь Дон-Кихота, Холстомер и Фру-Фру у Л.Толстого, Изумруд у Александра Куприна, Муму Ивана Тургенева, Каштанка А.Чехова, Монморанси у Джерома Клапки Джерома – и еще десятки примеров.

Тотемизм – явление необычайно древнее, но настолько важное, что сохранило свое значение и в последующие эпохи. Это универсальное

верование – один из важнейших этапов в развитии мифологии и религии – стало основой, как мы убедились, многочисленных процессов и форм в культуре.

МЫШЬ

Согласно традиции, цикл китайского народного календаря начинается с года мыши, или крысы (но поскольку европейский человек испытывает к крысам стойкое неприятие, то будем больше говорить о мыши). Такая большая роль в звездном зодиаке именно мыши, в принципе существа совершенно незначительного, ничтожного, на первый взгляд неинтересного, может вызвать удивление. Однако жители древнего Китая уже не раз выявляли свою глубокую мудрость в разных сферах жизни, тем более в такой важной, в сущности, культурообразующей, как календарь; нам же необходимо понять, чем они руководствовались, начиная космический цикл именно с мыши.

Мышь, по мифологическим представлениям, символ богатства и благосостояния, в Китае слова “мышь” и “счастье” обозначаются одним и тем же иероглифом “фу”. Мышь считали такой могущественной, что ее старались всячески задобрить. Существовало поверье о свадьбе мышей. На третий день нового года китайцы рано ложились спать и не зажигали свет, чтобы не мешать мышам веселиться и не возбуждать их гнев. В монгольской юрте, разделенной на двенадцать секторов соответственно как раз восточному календарному циклу, в секторе “мыши” находится все богатство семьи, домашний скарб, ценное имущество. Этот же уголок и наиболее украшен. Вот почему год мыши – год собирания богатства – в принципе счастливый для человека, каждой семьи, народа, страны. Стол под год мыши должен быть особенной богатый. Но напомним, что восточный календарь – лунный, нефиксированный на определенных датах и совсем не совпадает ни с григорианским, ни с юлианским, потому и Новый год в каждом цикле приходится на разные числа.

Новогодний антураж – вещь занимательная, и на нее в основном и обращают внимание мировые СМИ перед началом каждого года. Однако задача исследователя-мифолога – заглянуть в первоисток явления. И тут относительно мыши мы сталкиваемся с довольно значительными трудностями.

Видимо, древние люди отметили значение мыши в распространении злаков. Полевая мышь делает в земле

многочисленные ходы и как бы кладовки-камеры, где находятся припасы зерна. Многие из этих зерен весною прорастали. Кроме того, мышь, как никто из млекопитающих, чрезвычайно быстро размножается. Так, мышь полевая (житник) дает за лето пять приплодов по пять-шесть мышат [127, III, 420].

В древности людей было мало, и плодовитость – плодовитость как таковая, символом которой стала мышь, – необычайно ценилась. Китайцы подняли мышь в Космос, ввели в календарь для того, чтобы она посодействовала в прибавлении населения, даровала детей. Вот где, как нам кажется, первоисточник почитания мыши у восточных народов. Что же касается мифологии, то тут объяснение значения мыши следующее. Однажды Будда позвал к себе всех животных, из которых первым к нему бежал бык, но на его загривке примостилась мышь, и пока лидер отряхивался от воды, переплыв речку, мышь с него соскочила и первой оказалась у Будды. Пророк оценил ее находчивость и ввел в календарь. Однако миф на то и миф, чтобы красиво объяснить прозаические, в сущности, вещи.

Персидские маги именно мышь из всех животных в наибольшей степени относили к религии. Возможно, потому, что еще в самых ранних мифологических системах мышь считали рожденной самой землей, отсюда ее и почитание – как и змеи по той же причине. У китайцев известен чрезвычайно древний миф о мыши и птице. Они выкопали в горе нору, в которой жили в полном согласии: птица на поверхности искала пищу, а мышь под землею занималась домашним хозяйством. Жили такие разные – из противоположных сфер – существа, как дружные супруги, у них даже родилась дочь [64, 77–78].

Миф – всегда образное обобщение. Приведенный китайский архаический миф, скорее всего, символизирует союз земли и неба. Поскольку мышь рождена землей, она способна как бы концентрировать в себе земную силу. Возможно, поэтому в русской сказке о репке мышь помогает совершить то, на что не способен целый коллектив, – вытянуть огромную репу. А фантастической величины овощ – тоже, видимо, символ богатства. Кроме того, сказка утверждает важную философскую мысль: даже маленькое и ничтожное (существо, вещь, событие) может привести к значительным результатам.

Интерес вызывает и сказка о курочке Рябе. Самая, на первый взгляд, детская, примитивная сказочка оказывается для разгадывания ее генезиса необычайно сложной, поскольку в основе ее, скорее всего, – космогония. Яйцо, снесенное Курицей, как

полагают многие исследователи, представляет собою Солнце. Мышь, разбивающая яичко, в данном случае – порождение хтона, то есть тартара, преисподней, проще говоря, силы, солнцу враждебной. Возможно, сказка о золотом яичке была обрядовой и рассказывалась накануне Святок, когда солнце на небе пропадало, и люди боялись его окончательной смерти. Ведь в полном тексте сказки на самом-то деле описывается случившийся от разбивания яйца полный хаос, крах привычного мироустройства: “Мышка бежала, хвостом вернула, яичко приломала. Об этом яичке дед стал плакать, бабка рыдать, вереи хохотать, курицы летать, ворота скрипеть, сор под ногами закурился, двери побутусились, тын рассыпался, верх на избе зашатался...” Не исключено и другое объяснение сказки о курочке Рябе: во всех народных традициях разбивание яйца символизирует процесс создания мира, в котором участвуют, как в китайском мифе, птица (курица) и мышь. Но акт первотворения как раз и происходит каждый новый год, на Святки, поскольку время наши предки воспринимали исключительно цикличным.

Кстати, первый день нового года у восточных народов тоже является днем мыши, как и первый час суток. Крестьяне-корейцы в этот праздничный день сжигают на лугах старую прошлогоднюю траву, солому, листья. Считается, что обряд сжигания, который сопровождается играми, песнями, танцами, уничтожает мышей или прогоняет их [46, 96]. Обычай свидетельствует о том, что на Востоке довольно рано почувствовали: мышь не столько распространяет, сколько уничтожает зерно, потому и исполняют соответствующий обряд. Собственно, для развитых земледельческих народов, которые сами занимались подготовкой семян, севом, культивированием растений, первоначальная функция мыши запасать зерно являлась уже несущественной, более того, мышь в этом плане стала конкурентом человеку. Но могущественная сила мифологическо-календарной традиции продолжала действовать и сохранилась до нашего времени, потому и остается мышь на Востоке символом богатства. Народы Европы – беднее на поля под посев, чем народы Азии в архаический период с их громадными территориями, потому европейцы и острее ощущали вредность мыши, уничтожающей урожай. Вот почему авторы фундаментального энциклопедического словаря “Славянская мифология” однозначно оценивают мышь негативно, во всяком случае, факты приводят исключительно отрицательного смысла. Однако в таком авторитетном научном издании явно игнорируется сказочная традиция. Сказки же, видимо, отразили более ранние мифологические представления, поскольку

мышь в них часто предстает, на наш сегодняшний взгляд, положительным персонажем. Так, в русской сказке “Ведьма и солнцева сестра” мышонок предупреждает Ивана-царевича об опасности и спасает от ведьмы [75, I, 110]. То же самое в белорусской сказке “Дедова дочь и бабина дочь в избушке на курьей ножке”, где в жмурки с медведем вместо героини играет мышка [112, II, 237–243]. В русской сказке “Баба-Яга” мышки научили падчерицу, как перехитрить чудовище [75, I, 124]. В белорусской сказке “Ох и золотая табакерка” мышь вместе с котом и рыбкой помогает Янке [112, I, 265–269]. Впрочем, отнесение сказок к определенным этносам здесь достаточно условно: подобные сюжеты есть, по существу, у всех славянских народов. Названные сказки, как нам кажется, выявили еще доземледельческую стадию мифологического сознания, когда мышь вредной не казалась, наоборот, маленькая и шустрая, выглядела даже симпатично. Эффект тут заключался в контрасте существ могущественных и огромных (ведьма, медведь) и зверька крошечного, незначительного, который, тем не менее, их обманывает. Победа мыши давала и человеку надежду на преодоление природных (а возможно, и социальных) сил. Кроме того, такие древние сказки могли быть связаны и с культом предков: мыши – души умерших. Не исключено, что мышь – тотем довольно могущественного этноса. Однако повторяем: здесь разговор идет о глубокой архаике.

В так называемый арийский период нашей истории переосмысляются многие прежние мифологические представления, а значит, и персонажи, утвердившиеся в мифологии еще в период палеолита. Мышь остается популярным действующим лицом сказок, загадок, заговоров, но отношение к ней земледельцев-арийцев уже более негативное: на первый план в оценке мыши выходит уничтожение ею урожая, а также связь с хтоном (подземной сферой) – местопребыванием вредных духов и грешных душ. В белорусской сказке “Воробей и мышь” названные в заглавии существа, как и в китайском предании, вновь живут вместе, но живут уже не в согласии: хитрая мышь обманывает простака-воробья. Между ними возникает война. В конце концов, сокол (в мифологии он всегда воплощает Солнце), позванный на помощь воробьем, уничтожает мышиное войско. Как видим, славянская сказка явно перекликается с китайским мифом о дружбе птицы и мыши. Но наши предки рассказывают о, так сказать, результате совместной жизни – войне между птицами и зверями, иначе говоря, войне между Небом и Землей, которые обычно находятся в гармонии – согласно мифологии, в брачных отношениях (так называемой *иерогамии*). Заметим, что

битва двух биосферных царств является не только отдельным сказочным сюжетом, но и прологом к некоторым русским, белорусским, украинским сказкам, тема которых с этой битвой абсолютно не связана. Значит, оставляя в сказочном эпосе такого рода мотив, предки считали его необычайно важным. Можно думать, что тут в символической форме отражено воспоминание о планетарной катастрофе, когда Земля, скажем, сотрясалась от землетрясений. Возможно, мышь в какой-то момент развития сознания индоевропейского этнического субстрата заменила собою дракона-змея, персонажа, во всех мифологиях мира чрезвычайно распространенного. Как и почему произошла подобная трансформация, такое удивительное образное измельчение прежде могущественного существа, сказать пока трудно. Может быть, успокоилась земля, прекратили извергаться вулканы с их огненной лавой, текущей, словно страшный Змей Горыныч? Но все же отрицательное отношение к инкарнации дракона – мыши – осталось, потому в эпоху Средневековья мышь – особенно летучая мышь, а также крыса, – стала считаться воплощением дьявола, а значит, вобрала в себя все зло мира.

Даже в наше время у многих народов сохранилась примета: массовые переселения мышей и крыс – к войне. Рационально объяснить это явление не так и сложно: обычно миграции мелких животных происходят в период солнечной (раз в одиннадцать лет) активности, которая, скорее всего, и в людях возбуждает агрессивность. Во всяком случае, известный советский гелиобиолог Александр Чижевский, ученик Константина Циалковского, связывал с активностью Солнца многие войны и революции. Уже не в первый раз наука подтверждает народную мудрость.

Наблюдательность наших предков ярко отразилась и в другой примете: если мышей бывает много зимой, то на лето можно ожидать хороший урожай. Мыши и крысы прекрасно чувствуют климатическую перспективу, изменения в погоде и соответственно этому размножаются. Их исключительная живучесть и, действительно, удивительная возможность предвидения (крысы покидают корабль, который должен утонуть, мыши оставляют дом перед пожаром) тоже содействуют мифологизации. Отсюда бесчисленное множество примет, суеверий, советов. Так, невеста должна была ехать на венчание не поев, чтобы мыши ничего не погрызли в ее доме [101, 270]. Кого мышь покусает, того ждет несчастье, потому женщины всегда боятся мышей [92, 271]. Если в

доме заводится множество мышей, значит, они кого-то выживают – ожидается смерть или отъезд одного из членов семьи [13, 179].

В принципе все подобного рода приметы тоже можно легко объяснить. Мыши и крысы переносят многочисленные бактерии, от них действительно существовала и существует реальная угроза разного рода болезней. Кошмарные эпидемии чумы в средневековой Европе связывают как раз с крысами, завезенными с Востока: от них начался мор, который выкосил третью часть населения всех европейских стран (кроме славянских – благодаря большей склонности наших предков к чистоте, еженедельному мытью в банях). В европейской трагедии в какой-то степени виновата и инквизиция, вешавшая и сжигавшая кошек, так как полагала, что в них превращаются ведьмы. Между тем, в Древней Египте за тысячелетия до эпохи Средневековья кошки – скорее всего благодаря их выдающимся охотничьим качествам – считались священными животными. Отсюда вопрос: кто был мудрее – египтяне или инквизиторы, а также: что такое прогресс? Возможно, именно после чумы мышей и крыс стали соотносить с дьяволом. В “Фаусте” Иогана Гете крыса изгрызает защитную пентаграмму на двери, чтобы открыть дорогу Мефистофелю [22, 179].

В духе народных традиций создана удивительная рождественская сказка для детей “Щелкунчик и мышиный король” немецкого писателя Эрнста Теодора Амадея Гофмана. Один из самых выдающихся романтиков в мировой литературе, Гофман с удивительной силой фантазии выдумывал собственную мифологию – с не менее яркими образами, чем герои античной или народной славянской мифологии. В названной сказке, хорошо известной еще и благодаря созданному по ее мотивам гениальному балету Петра Ильича Чайковского, силы зла и разрушения воплощает мышиный король и королева Мышильда. Сказочные персонажи наделяются здесь яркими, хотя и отрицательными, психологическими чертами.

Еще более выразительные характеры в сказке также всемирно известного сказочника Ганса Христиана Андресена “Суп из колбасной палочки”. Удивительный синтез юмора и поэзии, сатиры и идиллии придает исключительно своеобразный колорит интересному и для детей, и для взрослых произведению. В рассказе каждой из четырех мышей, которые отправились на поиск рецепта супа из колбасной палочки, в предельно сконцентрированном виде выявились разные взгляды на жизнь, разная философия, мораль, ценностные приоритеты. Без скучной дидактики, легко, иронично, не избегая, однако, ярких живописных описаний, знаменитый сказочник дает

возможность сравнить поэтический мир эльфов и мещанскую дурость, ограниченность, духовную узость мышиного царства. Из такого же обывательского, сытного, но пошлого мышино-кротового угла вырывается к свету, солнцу и цветам одна из самых обаятельных героинь Андерсена – Дюймовочка.

Таким образом, лучшие европейские писатели XIX столетия, оставаясь в рамках мифологического сознания (мышь – житель подземелья, злая, связана с припасами, богатством) значительно обогатили фольклорные традиции, придали издавна известному персонажу яркие характерные черты, национальное своеобразие, колорит эпохи. Действительно, мышиное царство – яркий символ потребительского общества, во всяком случае, – обывательского существования. Следовало бы не забывать уроков народного творчества и мировой классической литературы.

В европейской фольклорной и литературной традиции есть еще один чрезвычайно популярный сюжет, имеющий историческую основу. Это легенда о Гамельнском Крысолове. Дело происходило в 1284 году в городе Гамельне в Пруссии. Неизвестно откуда взявшийся Крысолов пообещал горожанам избавить их от невероятно расплодившихся крыс. Словно загипнотизированные звуками его серебряной дудочки, крысы повылазили из всех своих нор и пошли за музыкантом в реку Везер, где и утонули. Однако жители пожадничали и не заплатили Крысолову. Тогда он таким же способом, что и крыс, увел из города всех детей. По одной из версий, они утонули, по другой канули в горной пещере, по третьей – убежали от страшного незнакомца и построили в какой-то райской долине прекрасный город, по-четвертой – переложении для детского чтения – благополучно возвратились домой после оплаты музыканту. Видимо, два реальных факта – избавление города от крыс и исчезновение детей – слились в один и породили удивительный исторический миф, которому до сих пор не могут найти более или менее приемлемого объяснения. Зато прекрасно-пленительный сюжет оказался просто находкой для художественной литературы: о Крысолове писали Иоган Гете, Генрих Гейне, Сельма Лагерлёф, Марина Цветаева, Александр Грин. Пишут и современные авторы, в том числе исследователи, но тайна – кем был Крысолов (явно – исчадие ада) и что стало с детьми – до сих пор не раскрыта.

В изобразительном искусстве среди сюжетов, связанных с крысой, наиболее сильное впечатление оставляет картина русского художника XIX века С.Флавицкого “Княжна Тараканова”, вызвавшая в свое время своей антитиранической направленностью чрезвычайно

мощный отклик в демократических кругах общественности. Княжна Тараканова – историческая личность, самозванка, выдававшая себя за дочь российской императрицы Елизаветы Петровны и тем наносившая удар по престижу, по легитимности царицы Екатерины II. Последняя, заполучив обманом княжну в пределы Российского государства, заключила ее в Петропавловскую крепость. На картине запечатлен эпизод наводнения в Петербурге: несчастная женщина стоит в тюремной камере на кровати, прижавшись к стене, к ней подступает поднимающаяся вода, а вместе с ней – отвратительно злобные твари… В то же время, в отличие от крысы, образ мыши широко используется даже в иллюстрациях к детской литературе и не вызывает отторжения. Кстати сказать, Ф.Достоевский самого своего кроткого героя в романе «Идиот» назвал Мышкиным.

В индустриальную эпоху мышь остается важным образом в разных видах искусства, в целом культуры. Так, в центральной России есть маленький городок Мышкин, жители которого открыли музей мыши – единственный такой в мире, который вошел в десятку самых необычных музеев. Достаточно назвать и культового для США анимационного Микки Мауса. В советской детской литературе популярными были “Сказка о глупом мышонке” Самуила Маршака и трогательная сказочка о мышонке Пике – как раз житнике – писателя-натуралиста Виталия Бианки. Осталась и игра “кошки-мышки”. О “мышке”-манипутяторе постоянно помнят пользователи компьютеров. Обычно название приспособления, которое помогает быстро бегать по экрану монитора, объясняют особой живостью нашей героини. Но в пространстве всех мифологических представлений, которые закрепились за мышью, в невинном, казалось бы, техническом термине можно видеть и особый символический смысл…

БЫК

Бык – один из самых сложных образов мифологии как с исторической, так и с психологической точки зрения. В эзотерической традиции индоевропейских народов бык – тотемное животное гиперборейцев.

Гиперборея – таинственная мифологическая страна, известная из эпохи Античности: по мнению греческих авторов, Гиперборея – арктический регион, откуда прилетает северный ветер Борей; это также родина богини Лето (Латоны) – матери могущественных богов-близнецов Аполлона и Артемиды; счастливый, богатый край, где

жители всегда здоровы и веселы. В произведениях античных писателей, по подсчетам крупнейшего российского мифолога XX века Алексея Лосева, Гиперборея встречается не менее шестидесяти раз; туда, на родину, по представлениям простых эллинов, улетал каждую зиму бог солнца Аполлон. Сами гиперборейцы очень долго сохраняли традицию передавать грекам некие дары (неизвестно что), обязательно завернутые в солому. Посещал Элладу и видный гиперборейский жрец – Елень (Олень). Уже в XX веке, и особенно в последнее время, даже научная мысль – вслед за многими мыслителями Античности – склоняется к признанию когда-то существовавшей большой цветущей страны на месте нынешнего Северного Ледовитого океана – Арктиды. В частности, в конце 90-х годов научная экспедиция “Гиперборея” под руководством доктора философских наук Валерия Демина обследовала многие районы Кольского полуострова и севера Сибири. Существует мнение, что, когда в XI–X тысячелетии до н.э. произошла космическая катастрофа – столкновение нашей планеты с астероидом или перемещение земной коры по ее пластическому подстилу – астеносфере – ось Земли сместилась (планета как бы наклонилась набок), поменялись ее магнитные и географические полюса, и райская Гиперборея с ранее изумительно приятным климатом покрылась нетающим снегом и льдом. Народ, живший там, двинулся на юг – как полагают, вдоль Уральского хребта. Раскопанный недавно на южном Урале очень древний город Аркаим, который в 2005 году даже посетил президент РФ В.В.Путин (явление беспрецедентное в отношении археологического объекта и, значит, знаковое), возможно, был одной из двенадцати религиозных столиц гиперборейцев после их исхода с прародины. Примерно в VII–V тыс. до н. э. часть гиперборейцев пошла на Алтай и далее на юг, оказав, возможно, влияние и на формирование китайской цивилизации; другие, как раз аркаимцы, которые сами себя называли арийцами, двинулись в Индию и Иран; а третьи, медленно продвигаясь на запад, в IV–III тыс. до н. э. дошли до территории современной Украины. Движение последних, известных в истории как *ямники*, хорошо зафиксировано археологами. Путешествовали ямники на быках, а конь был приручен позже – уже в степях Причерноморья. Именно здесь кочевники-ямники смешались с местным, чрезвычайно культурным земледельческим населением – *трипольцами*, и дали начало народу (позднее – семье народов), известному под научным названием *индоевропейцев* – предков славян, а также многих других этносов Европы и Азии.

Приведенная историческая схема, безусловно, не претендует на истину в последней инстанции и на полноту (есть версия, что часть гиперборейцев сразу после катастрофы двинулась на север Западной Европы), но, повторяем, к ней склоняется все больше исследователей. Во всяком случае, никто не оспаривает тот несомненный факт, что крупный рогатый скот был приручен раньше коня и что первые кочевники, те же ямники, двигались именно на быках (волах). Еще раньше древние охотники Евразии и Америки охотились на зубров, бизонов и огромных быков – туров. Шедевры первобытной живописи, которым 20-40 тысяч лет, представляют как раз в большинстве именно этих животных, причем с удивительным мастерством и абсолютным знанием их физиологических особенностей и поведения.

Ученые полагают, что процесс одомашнивания животных, даже во всех его стадиях, им известен досконально, Так, распространенный художественный мотив – корова, облизывающая своего теленка, встречающийся по существу по всей Азии, “возвращает нас назад, ко времени одомашнивания скота, когда в момент доения было необходимо держать теленка возле матери; точно также Циклоп в “Одиссее” подкладывал при доении ягненка каждой овце” [81, 327]. Со временем коровы научились давать молоко не только во время вскармливания теленка, а на протяжении всего года. Однако нам кажется, что исследователи несколько поверхностно подходят к этому важному и чрезвычайно сложному вопросу. Впрочем, можно не сомневаться, что понимание людьми биологических особенностей крупного рогатого скота стало составной частью его мифологической семантики.

Уже в палеолите, а позднее и в мезолите бык, судя по некоторым наскальным рисункам, воплощал собою мужскую оплодотворяющую силу, вообще творческую силу космоса. Поскольку в мифологическом сознании мужское начало – всегда небо, а женское – земля, бык не случайно стал олицетворять оплодотворяющее Небо. Вот почему образ быка в связи с образом женщины – как воплощении Земли – проходит буквально через тысячелетия (!). Эта линия, протянутая из неолита, нашла отражение в античных мифах о любви Зевса-быка к Европе; о связи Пасифаи, дочери Солнца-Гелиоса, с богом Посейдоном-быком, от которого родилось чудовище Минотавр. (Напоминаем, что все эти образы – сугубое порождение фантазии).

В менее антропоморфных, чем античная, культурах, например, в Индии, где особенно уважительно относятся к животным, прапредками живых существ считаются бык и корова. В философии индуизма и сегодня названные животные – воплощение активного и

пассивного начал бытия. Древние шумеры, создавшие первую цивилизацию в Месопотамии, настолько почитали быка, что о своих богах говорили: “дикий бык”, “горячий бык”, “мужественный бык” [9, 310]. В свадебной поэзии русского народа жениха и невесту иногда называли быком и коровой [110, 332].

Вообще ареал почитания быка поражает своей пространственной широтой: вся Азия и Европа. В одном из самых древних городов мира, раскопанном археологами в Малой Азии, – Чатал-Гуюке (VIII тыс. до н. э.), найдены капища с изображениями головы быка.

Религиозные чувства возникают и постоянно подпитываются самим существованием неба, которое всегда над головой – далекое, безграничное, влекущее душу. Небо – Абсолют. Однако сознание простого человека во все времена требовало более конкретного воплощения излишне сложной абстракции – Абсолюта, Божественной Сущности, Мирового Разума. Потому издавна символ и неба, и солнца – привычный, важный в хозяйстве, могучий и прекрасный бык.

Значение тура-быка особенно возросло, когда в результате важного для Земли астрономического явления – *прецессии* – точка весеннего равноденствия в IV тыс. до н. э. вошла в зодиакальное созвездие Тельца и находилась в нем на протяжении 2160 лет. Как раз на этот период приходится расцвет древних цивилизаций Востока, а в них – культ крупного рогатого скота.

В Древнем Египте, где наравне с чрезвычайно утонченным мистицизмом жрецов сохранялись и народные верования, идущие от тотемизма, бык Апис воплощал собой бога Солнца. Его культ существовал до начала христианской эпохи. После смерти очередного быка жрецы искали нового Аписа, причем он должен был удовлетворять определенной характеристике: иметь белый треугольник на лбу, пятно в виде орла на боку и в виде месяца – на шее. Апис жил в храме, где даже пророчествовал [73, 46]. Сначала каждый бык имел свой особый могильник, но знаменитый фараон Рамсес II в XIII столетии до н. э. приказал хоронить священных быков в общем некрополе – так называемом Серапеуме. В 1851 году Серапеум нашли и раскопали французские археологи. Там мумии быков, украшенные и аккуратно забальзамированные, лежали в огромных саркофагах из розового гранита, высота которых достигала 4 м, а вес – 70 тонн [118, 11–12].

В Индии одного из наиболее почитаемых богов – Шиву – всегда сопровождал бык Нанди. Христианская церковь видит в Шиве бога-разрушителя, по существу дьявола. Однако в действительности Шива

уничтожает все старое, отжившее, мешающее движению вперед, в той же степени он – и созидатель. Амбивалентность образа индуизм объясняет так: на самом деле ничто не уничтожается полностью, а только трансформируется, переходит из одной формы в другую. Бык Нанди как раз подчеркивает созидающую силу Шивы и сам воплощает мужское оплодотворяющее начало. В Индии можно часто видеть огромные скульптуры черного быка около многочисленных храмов Шивы [6, 64].

Культы Аписа и Нанди – высшее, наиболее ярко выраженное почитание конкретного животного, символизирующую божественную сущность. Культ быка выявился и в декоративных вещах, и в архитектурных элементах, поскольку архитектура на Древнем Востоке была по существу главным из видов искусства. Так, на священных вратах богини Иштар в Вавилоне (а эти врата – шедевр мирового искусства и сохраняются сейчас в Берлинском национальном музее) с большим мастерством выложены из желтого кафеля многочисленные изображения быков. Вход в религиозную столицу Персидской империи город Персеполь, разрушенный Александром Македонским, охраняли колоссальные человеко-быки и крылатые быки [68, 67]. На Кавказе тысячелетиями использовали амулеты с изображением бычьих голов. В Античной Греции на стенах домов вывешивали черепа быков, которые, в конце концов, высеченные из камня, превратились в архитектурно-декоративную деталь – букранию (капитель колонны в виде двух бычьих голов) [24, 52]. У всех народов Азии и Средиземноморья головы быков украшали посуду, мебель, оружие. Пожалуй, ни один образ животного не встречается в архаическом искусстве так часто.

Большая группа исследователей из разных стран, например, А. Крапп, А. Голан, связывают культ быка не с солнцем, а с месяцем – на том основании, что его рога похожи на серпик месяца. Так же воспринимает месяц русский поэт: “Бык, беседуя с природой, // Удаляется в луга. // Над прекрасными глазами // Светят белые рога” (Николай Заболоцкий).

В связи с семантикой самого образа быка рога стали означать мужественность. В Передней Азии не только боги, но и некоторые цари показаны с рогами. Гениальный скульптор эпохи Возрождения Микельанджело создал свою знаменитую скульптуру пророка Моисея именно с рожками. Рогатыми были шлемы у воинов некоторых народов, например, у германцев. Искандером Двурогим называли в Азии Александра Македонского. Даже женские головные уборы еще в XIX столетии в Иране, России, Беларуси имели что-то похожее на

рожки. Правда, мы связываем подобные украшения скорее с магией (а на самом деле – с физикой), поскольку подобная форма головного убора – хороший рассеивающий контур, который “снимает” негативную энергию, низкие частоты излучений, вредные для человека. Безусловно, данная гипотеза требует основательных научных доказательств.

Мы придерживаемся мнения, что бык – все же солнечный символ, во всяком случае, у индоевропейцев. Испанский исследователь символизма Х.Э. Керлот предлагает альтернативный, более по-философски широкий вариант: бык соответствует переходной зоне между стихиями Огня и Воды, он, возможно, символизирует связь Неба и Земли [53, 103]. Компромиссная теория Керлота соединяет символизм, поэтичность мифа с рационально-прагматичным отношением наших предков к крупному рогатому скоту. Быки широко использовались в земледелии по всей Европе и Азии; кроме того, представители белой расы всегда употребляли говядину, в которой много железа, и пили молоко. Естественно, что благодаря такому питанию индоевропейцы, которых сегодня все чаще называют арийцами, были могучими, сильными, высокими людьми. Вот почему именно они завоевали огромную территорию – фактически полмира, во всех регионах растворяя в себе местный этнический элемент, – как правило, намного более мелкий в теле.

Индоевропейцы, жившие на территории Беларуси, да фактически и всей Европы, дикого быка называли “туром”. Ученые-биологи отмечают: “Первобытный бык тур – вымершее млекопитающее животное… Предок домашнего крупного рогатого скота… До начала XVII столетия встречался в Беловежской пуще, в лесах Принемонья и Прибужья. В природных условиях последний бык был убит в 1627 году…” [127, IV, 176–177]. “Тур”, безусловно, чрезвычайно древнее индоевропейское слово, которое широко используется в ономастике. У древних германцев верховный бог Тор как раз и означал “бык” и имел вид богатыря с рогами. У белорусов один из самых древних городов и притом сакральных центров – Туров, у итальянцев – Турин (где хранится знаменитая Туринская плащаница), в Финляндии – Турку; во Франции есть область Турень, в Австрии – Тюрингия. Нельзя не вспомнить название целой страны – Турции, этноса – тюрков. В Беларуси есть Туравейское озеро, речка Туравлянка, село Турасы. Можно привести буквально сотни географических названий, а также этнонимов в Евразии, связанных с туром.

Другое название тура – “бык” – имело и форму “бук” и совпадало с названием дерева бука. У тюрков тоже есть “бука” (бык), что говорит о чрезвычайной древности слова, поскольку встречается и в индоевропейских, и в тюркских языках. Могучее дерево бук растет во многих странах, а в Беларуси есть речка Буг, но, впрочем, такой же гидроним встречается и в других местах Европы.

В Украине выхолощенного быка называют “вол”. Этот же корень входит в слово “буйвол” (у белорусов – “бавол” [76, 11]). Первая часть слова “буйвол” также имела определенный смысл: в греческом “bu” – “огромный”, “похожий на быка”, в древнеславянском языке “буй” – “мужественный”, в белорусском языке “буйны” – “большой”, “бугай” – “бык”. Кроме того, у белорусов Буган – дух-опекун домашних животных (Пинский, Слуцкий районы). В “Слове о полку Игореве” один из героев произведения, брат Игоря – Всеволод, – характеризуется как “буй-тур”. Российские исследователи высказали соображение, что отсюда же происходит имя Баян, белорусское “баять” (“рассказывать”) и, может быть, “батька”. Наличие большого количества синонимов для обозначения быка (а еще же – зубр) свидетельствует о бесспорной древности культа быка у восточных славян, в целом у арийцев.

Из глубокой древности происходит и другой корень в языке – “go” – “говяда”: под таким названием славяне понимали быков и коров. Но в санскрите слово “go” обозначало также и “небо”, и “солнечные лучи”, и “глаза”, и “землю”. Для арийцев домашний скот – главное богатство. Корова и сегодня в Индии – священное животное. Но главное не это, а то, что одно слово действительно соединяет земное и небесное, означает как практически-материальное, так и возвышенно-поэтическое. В древнем памятнике арийцев Ведах говорится; “Утренняя звезда выгоняет на рассвете своих белых коров” [5, 157], под которыми понимались облака. Такие сравнения могли возникнуть только в среде пастушеских племен – ариев, которые, продвигаясь в разных направлениях по Евразии, гнали перед собою тысячные стада быков и коров. Из касты пастухов у арийцев позже, когда они осели в Индии и Иране, сформировались кулинары (забой, приготовление еды), ремесленники (изделия из шкуры и костей), со временем – купцы, наконец – техническая интеллигенция. Эта высшая каста *вайшьей*, которая дала столько профессий, сохранилась в Индии до нашего времени. Собственно слово “пас-тух” великий русский поэт Сергей Есенин поэтически объяснял как “пас дух”. “В древности, – писал он в своем эссе “Ключи Марии”, – никто не распоряжался временем так свободно, как пастухи. Они были первые

философы и поэты, о чем говорит Библия и апокрифы других религий. Вся языческая вера в переселение душ, музыка, песня... – все проистекает из прозрачных пастушеских дум…”.

В Китае профессия пастуха также всегда была очень востребованной. Здесь издавна выращивали буйволов, причем разных видов, значительно отличающихся от диких индийских буйволов – чрезвычайно свирепых. Китайцы называют буйвола водяной коровой, так как он очень любит купаться. Именно сидящем на буйволе всегда в китайской иконографии изображается основатель религии *даосизма* великий пророк Лао-Цзы. В Тибете широко – в основном как вьючное животное – используется як, называемый хрюкающим быком. Кисточками из хвоста яка украшены знамена и щиты, различные культовые предметы. Собственно коровы – так называемые горбатые, тоже повсеместно встречаются в Китае. Существует традиция использовать их как тягловых животных. В западных странах распространено мнение, что в Китае мало пьют молока. Это так и не так. Сырое молоко действительно употребляется редко, но китайцы очень любят кислое молоко с уксусом и сахаром. Из молока делается также сыр и масло. В последнее время питание китайцев становится гораздо более разнообразным, в том числе население приучается к употреблению молока, и в результате молодые люди в Китае уже подросли на несколько сантиметров.

Однако практическое использование тех или иных животных лишь косвенно затрагивает тему нашего разговора – мифологический бестиарий. Хотя конкретные качества того или иного животного, безусловно, всегда учитывались в ритуалах. Верховные жрецы, маги персов, халдеев, этрусков, китайцев, славянские волхвы, занимаясь предсказаниями, колдовали по костям домашних животных, а также по их поведению. Рождение знаменитого персидского пророка Зороастра еще за три столетия до этого события якобы предсказал священный бык, который вдруг заговорил человеческим голосом. Случай, безусловно, уникальный, исключительный, но ведь речь идет о будущем основателе первой (именно так!) из мировых религий – *зороастризме*.

Все народы, которые разводили крупный рогатый скот, возвеличивали его не только в мифологии, магии, космогонии, но и в обрядах. На Дальнем Востоке, где, собственно, и сохранился восточный календарь, издавна самый почетный приз победителям в спортивных состязаниях – бык. Моления об урожае весной сопровождались театрализованными представлениями, где участники выступали в масках быков и коров. Торжественные шествия с быком

широко практиковались в Китае. На Новый год в Корее делали деревянные скульптуры быков, которые выставлялись у дорог. Такие бычки – пожелание будущего урожайного года [47, 157]. В Беларуси, также у дороги, у границы Минской и Брестской областей, установлена огромная, не менее 20 метров, бетонная скульптура зубра.

Исключительным богатством ритуалов отличался культ быка на острове Крит во II тыс. до н. э., когда там расцвела высокоразвитая и во многом до сих пор загадочная цивилизация: как говорят сегодня – цивилизация наследников атлантов. И сегодня на Крите на каждом шагу встречаются изображения быка или его рога – как бы напоминание о большом цикле мифов, связанных с Зевсом-быком, Европой, их сыном – царем Крита Миносом, человеко-быком Минотавром, который жил в Лабиринте. Исследователи неоднократно высказывали оображение, что, возможно, победа Тесея над Минотавром символизирует переход точки весеннего равноденствия из созвездия Тельца в созвездие Овна. Тем не менее, и после этого, исключительно важного космического события, культ быка в Средиземноморье, у арийцев, в Египте и Азии оставался. И неслучайно: бык лучше любого животного воплощал собою земную созидательную энергию (хотя эта энергия связывалась с небом). Недаром на Крите, который считался “пупом Земли”, родился именно Зевс и его быкоподобные потомки. Зевс как верховный бог в наибольшей степени воплощал собою центр Мира, тот пункт, в котором сходятся все противоречия, он – дух, соединенный с материей. Минотавр – воплощение, главным образом, стихийной силы Земли. Он символизирует чрезвычайно архаическую культуру, в которой духовность еще заключена, словно в темнице, в животном начале, имевшем сакральный характер. Сегодня мифологи и психоаналитики объясняют Лабиринт как место, где юноши и девушки проходили инициацию (в мифе их приносили Минотавру в жертву). По мнению неоплатоников, Лабиринт – грехопадение. Соответственно, выход из него, который удался Тесею благодаря влюбленной в него Ариадне, – возвращение к духовным ценностям. Действительно, дар Ариадны – клубок ниток – символ могущественной силы любви [6, 157].

На фресках раскопанного древнего Лабиринта – Кносского дворца в предместье столицы Крита Ираклиона – множество рисунков, изображающих какие-то чрезвычайно опасные игры, акробатические упражнения молодых людей, юношей и девушек, с быком. Видимо, это входило в обряд инициации. Хотя одновременно

не исключало и жертвоприношения. Известная английская современная писательница Мэри Рейс в романе "Тесей" пишет:: "Случалось, что бык уставал раньше, чем убивал кого-нибудь... Тогда говорили, что бык доволен и на этот раз не хочет жертвы. В результате самые умелые и ловкие юноши жили дольше и учили своему мастерству остальных... Просто уклонится от рогов – уже было неинтересно, необходимо было сделать из этого грациозный танец и никогда не показать своего страха, а играть с быком так, будто ты его любишь... Молодежь Крита шла на арену из любви к искусству, а также чтобы почтить бога и завоевать себе славу" [89, 164]. Коррида в Испании и в Латинской Америке, видимо, почти не изменила приемы и движения с того далекого времени.

Пусть и не в таком разработанном (но одновременно и опасном) виде, подобные игры, зрелища с быком, с коровами существовали во многих странах Европы. На Карпатах распространены игры под названием "туры". У чехов 1 мая – праздник коров. В Швейцарии подготовка к подъёму на альпаж сопровождается демонстрацией коров и их поединком за право быть "королевой" стада. Королеву-победительницу украшают, и она гордо ведет стадо в горы [33, 72].

Но и у белорусов был подобный (хотя и без коровьих боев), чрезвычайно важный праздник – "запасывание говяды": первый вывод домашнего скота весною на луг. Он сопровождался многими ритуалами. Например, перегоняли животных через огонь, чтобы освятить и сохранить от "нечистой силы"; обливали водой; перебрасывали через стадо камни; погоняли скот освеченными ветками вербы; шептали заговоры. Обычно "запасывание" приурочивали к празднику Юрия – святого опекуна домашних животных [38, 182–187]. На Юрия налаживали и игры пастухов, которые на самом деле были не чем иным, как обрядовой магией [66, 99].

Летом на Ильин день (2 августа) во всем восточнославянском регионе приносили в жертву быка, которого до этого вскармливали всей общиной, и так же коллективно съедали. Наши предки полагали, что жертвенный бык, обязательно рыжий, обеспечивает (через пророка Илью) ясную погоду во время сенокоса и уборки урожая [100, I, 273]. Пророк Илья принял на себя, как известно, функции прежнего бога Неба, бога-громовника, аналога Зевсу.

Вообще-то ритуалов, обычаев, прочих элементов народной культуры, связанных с коровой и быком, значительно больше. Это говорит о внимании и любви наших предков к животным, без

которых не мыслили своего существования. “Домашняя ферма, количество животных на сельском подворье издавна были своеобразной мерой богатства. И каждый, насколько мог, стремился расширить свое животноводческое хозяйство. Это и понятно: скот и птица были опорой крестьянской семьи. В свое время эти маленькие фермы не только кормили страну, но немало давали и для экспорта. Даже в советское время. Когда появились крупные коллективные хозяйства, домашнее животноводство продолжало активно пополнять пищевой фонд. Но, к сожалению, этот жизненно важный источник стал приметно исчерпываться” [128, 366]. И все равно в менталитете белорусов прочно закреплено: корова – опора домашнего хозяйства, от нее и молоко, и навоз, и приплод, и мясо. Академик Иван Павлов назвал молоко чудесной пищей, приготовленной самой природой. Можно сказать, что на этой белоснежной жидкости возросла вся белая раса. В Ведах – религиозном памятнике арийцев – Млечный путь не что иное, как молоко, разлитое небесными Коровами. И в наших сказках рай всегда представлялся молочными реками с кисельными берегами. Совершенно так же представлял рай и в то же время свою родину самый русский из всех русских поэтов XX века Сергей Есенин: «Перед воротами в рай // Я стучусь: Звездами спеленай // Телицу-Русь. // За тучи тянется моя рука, // Бурею шумит песнь. // Небесного молока // Даждь мне днесь». Даже сама Богородица, «накинув синий плат, // У облачной околицы // Скликает в рай телят». Или же: «С небес через красные сети // Дождит молоко».

С коровами связаны многие поверья. Так, считалось, что ведьмы выдаивают по ночам коров у соседей. Существовали ритуалы, связанные с отгоном персонифицированной “коровьей смерти”, с отелом. Слово “корова” не случайно близкое к слову “каравай”, а каравайный обряд – один из важнейших в восточнославянской свадьбе. Он снова-таки связан с представлениями о богатстве, благосостоянии, плодовитости.

Мифопоэтический облик коровы приближается к образам первопредков, которые заботятся о живых. Тут наиболее яркий пример белорусские, русские, украинские сказки (типа “Хаврошечки”) о корове, которая помогала сироте выполнять разные домашние работы, заданные мачехой. По существу умершая мать оставляет вместо себя корову (или же душа матери воплощается в корову). В белорусской сказке “О быке и его друзьях” сложно рассмотреть мифологическую основу, но она есть. Бык пугается тумана и бежит на край света, где строит себе дом [8, 40–45]. В его побеге можно видеть исчезновение солнца в зимний период – сюжет, аналогичный сказке

“Финист- ясный сокол”. Не менее характерна сказка “Из рога всего много”. Действительно, благодаря, говоря фигурально, рогу можно получить буквально все.

Таким образом, сказки вернули нас к тому, с чего мы начали: бык (корова) был у арийцев и некоторых других народов тотемным животным. Культ его является той первоосновой, на которой возрастали богатые культуры белой и желтой расы.

ТИГР

2010 год будет находиться под знаком самого восточного из всех животных китайского календаря – тигра.

Тигр – животное, безусловно, не славянского региона и даже не близких к нам соседей. И тем не менее нет, пожалуй, белоруса, который не видел бы тигра или, во всяком случае, не представлял его. То же касается жителей европейской части России. И чувства тигр у нас вызывает сложные, потому что, действительно, животное – исключительно интересное и во многим противоречивое.

Посмотрим сначала, что говорят биологи, знатоки тигриной природы. Охотники называют его джентльменом. Тигр благороден тем, что перед атакой рыком предупреждает будущую жертву. Леопард же и рысь бросаются молча и обычно сзади или сверху. Тигр редко употребляют падаль (пантера в этом смысле не такая разборчивая). Тигр аккуратный: и в логове у него чисто, сухо, и внутренности добычи обычно не ест, вытянет их и отнесет в бок. Оставив дичь на следующий день, почти всегда прикроет ее ветвями от мух, ос, шакалов. Любит воду, как все кошки: много пьет, хорошо и охотно плавает. Большие реки, например, Ганг тигры переплывают без труда [1, 207].

Однако уважение к зверю, даже почитание тигра ему не помогли. Он уничтожен почти повсеместно. Редко встречается в Индии, Китае, Иране, Бирме. На Кавказе последнего тигра убили в 1932 году. В Средней Азии их уцелело немного. В Приморском и Хабаровском крае живет, как полагают ученые, около двухсот тигров, хотя подсчитать очень трудно, да в наше время этого, видимо, и не делают. А значит, положение на самом деле еще хуже, чем свидетельствует статистика. Уссурийский тигр, который водится на Дальнем Востоке, и самый большой из всех.

Было время, когда тигры встречались даже на севере Сибири – вплоть до Якутска. А десятки тысяч лет тому назад они жили на Новосибирских островах – архипелаге между морями Лаптевым и

Восточно-Сибирским: там нашли кости древних тигров, которые мало отличаются от современных. Это еще одно неоспоримое доказательство того, что до всепланетной катастрофы за Полярным кругом был совсем иной климат и, вероятно, жили люди – наши предки-арийцы.

Тигр бродяжничает днем и ночью: ареал его владений огромен – сотни квадратных километров. Он идет по джунглям или по Уссурийской тайге, и, заметив его, птицы, олени, обезьяны разлетаются и разбегаются. От рыка тигра обезьяны даже падают с деревьев. В его огромном теле, медлительном и важном, 300 кг [1, 209]. В нем дикая сила и напряженная страсть. Недаром даже человек, еще не увидев тигра, не ожидая его появления, чувствует особую, странную тревогу, смятение. Возможно, эмоции зверя па какому-то неизвестному пока физическому полю передаются человеку.

Страх и уважение – основные чувства, которые вызывает тигр. Услышав его рык, и звери, и люди буквально дрожат. Кажется, тигра тяжело любить. Но профессиональные дрессировщики говорят иначе: “Тигры не проявляют так бурно свою радость, как собаки. Их эмоции сдержанны. Но они способны долго помнить, уважать и любить человека” [104, 64]. Потому, хотя с ними необычайно тяжело, но все же очень интересно работать в цирке. В советское время на всю страну прославился тигр Пурш, воспитанник прославленной дрессировщицы Маргариты Назаровой. Это был исключительно умный и послушный зверь, полностью преданный Назаровой. Именно он играл главные звериные роли в любимых зрителями и сегодня кинолентах “Укротительница тигров” и “Полосатый рейс”.

Тигр – животное, конечно же, царское, и потому он абсолютно справедливо занял свое место на небе в звездном зодиаке. На Востоке его и называют царем зверей и безусловным хозяином леса. В Индии тигра считают почти таким же умным, как и слон, а слона по интеллекту ставят выше человека (!) В Китае он – не только царь зверей, но и угроза для злых духов, потому его часто изображают на стенах жилых домов. Знаменитые чародеи, сражающиеся с нечистой силой, разъезжают, как правило, верхом на тигре. Тигр символизирует также военную доблесть. Его голову рисовали на щитах воинов, на воротах военных укреплений для устрашения врага. В древние времена воины в тигровых шкурах устремлялись на неприятеля, имитируя тигриный рык.

В Китае, Японии, Корее тигр – важнейший из образов живописи и декоративного искусства. Входы в монастыри,

общественные здания, богатые магазины, дворцы феодалов часто украшали – для оберегания – каменными изваяниями тигра. На всем Дальнем Востоке, на российском Амуре его буквально обожествляют. Вспомним: местный охотник нивх Дерзу Узала из известной книги, названной его именем, русского писателя-натуралиста Владимира Арсеньева безгранично, фанатично, так, что нам даже тяжело и представить, уважал тигра, считая его во всем высшим существом. Правда, в другом популярном произведении – сказке “Маугли” английского классика Редьярда Киплинга – тигр Шер-Хан – отрицательный персонаж, антипод всем зверям – друзьям Маугли. Но тут мы имеем дело с взглядом на животное западного человека (а писатель Киплинг – западник во всем, хотя и любил Восток), к тому же представителя той нации, которая, прежде всего, и ответственна за уничтожение тигров в Индии. Главная забава английских колониальных чиновников и офицеров – охота на тигров. В результате животные почти полностью исчезли. Сегодняшнее правительство Индии осуществляет масштабный государственный проект “Тигр”, в результате чего количество тигров в Индии уже увеличилось с 300 до 3000 (а в начале XX столетия – до почти полного уничтожения в середине века – их было 50000).

Обожествление тигра сделало его не только персонажем традиционного календаря, но и объектом поклонения в обрядах, героем многих преданий, мифов, сказок. Особые обряды связывались с представлениями об огромной жизненней силе зверя. Вот почему женщины в Средней Азии, жаждавшие иметь детей, ели мясо тигра, прыгали через его шкуру, почитали даже его следы [71, II, 511–512].

Легенды об оборотнях – значительная часть фольклора практически всех народов мира. Причем в Европе в основном сочиняли былички о волке, а в Азии – почти исключительно о тигре. От брака тигра и женщины происходят здесь, согласно тотемистическим преданиям, многие племена.

Образ тигра на Востоке играет ту же роль, что лев в африканской и европейской культурах. Заметим, что многие боги и мифологические герои украшали себя шкурами льва, тигра или леопарда. Такие шкуры – атрибут бога Диониса, силачей Геракла, Самсона, героя Тариела из классической грузинской поэмы “Витязь в тигровой шкуре”. Правда, сам Тариел объяснял свое одеяние тем, что его возлюбленная своей красотой была похожа на тигрицу; в ее честь он и сшил плащ из шкуры тигра. На самом деле, одеяние-шкура здесь – важный символический знак каких-то высших возможностей: произошел перенос со зверя на человека качеств зверя. У

мифологических героев такими качествами считались магические способности и невероятная физическая сила. У литературного персонажа, каким является Тариел, все же более важный фактор – эстетический: шкуру он носит и как напоминание о прекрасной любимой, и для собственной красоты [93]. Хотя, скорее всего, действует здесь и извечный архетип, проявленный у героя подсознательно: поскольку такая шкура – свидетельство высших возможностей человека, витязя, прошедшего очень сложную инициацию, значит, можно ожидать успеха в любви, в поиске любимой девушки. Недаром же название произведение, буквально культового для грузин, акцентирует внимание именно на этой примете.

В восточных сказках тигр предстает по психологическим характеристикам очень разным, как, кстати, и у славян волк. В белорусских и русских сказках волк часто глуп, хотя в реальной жизни человек, боясь зверя, часто негодуя на него, безмерно его уважал. Тигра тоже боялись, но в фольклоре азиатов страх не очень-то и чувствуется. В сказках народов Индонезии и Малайзии существует цикл о приключениях маленького мышиного олененка кончиля. Его можно сравнить с нашим зайцем. Этот невзрачный, слабенький кончиль – благодаря своему уму и хитрости – постоянно обманывает тигра. Например, однажды, спасаясь от хищника, он сел на кольца удава, спавшего после обеда, а тигру сказал, что сторожит пояс пророка Сулеймана. Тигру очень захотелось обкрутиться “поясом Сулеймана”. Когда он это проделал, удав проснулся и начал душить тигра – тот едва освободился. А кончиль, естественно, убежал. Другой раз тигр пожелал поиграть на дудочке, которой его снова-таки искушал кончиль. В результате бамбук прищемил тигру язык – и снова олененок спасся. [18, 19–24]. Тут тигр вызывает улыбку – немного ироничную, но и снисходительную. Его даже жаль, как и нашего волка в известном мультипликационном сериале “Ну, погоди!” Кроме того, невольно начинаешь уважать любознательность тигра, его стремление самому все узнать и попробовать. В китайской сказке “О глупом тигре” зверя обманывает уже человек, поначалу показавшийся молодому тигру слабеньким, никчемным существом, с которым справится очень легко (хотя умный старый отец и предупреждал сына, чтобы тот никогда не имел дела с человеком) [55, 46–49]. Собственно, тут осуждается не столько глупость, сколько агрессивность, эгоизм, право сильного унижать слабого. То же, что в наших сказках о волке.

Белорусский исследователь Янка Крук пишет: “… доминирующей функцией сказок о животных, видимо, была дидактическо-познавательная” [62, 21]. Сказки рассказывались во время обряда инициации и должны были внушать подросткам, что не только силу нужно развивать, но и разум – исключительно на силу полагаться нельзя; возможно, поэтому и унижен носитель мощи – тигр. Были и сказки для взрослых, и проводили они более широкие и более по-философски углубленные аналогии. Для примера возьмем замечательное произведение мировой литературы “Панчатантру” – сборник притч и сказок, написанных на санскрите в начале нашей эры в Индии. Книга уже в раннем Средневековье исключительно широко распространилась на Востоке и Западе. Именно ее можно рассматривать – о чем публика не догадывается – как основу сюжетов колоссального количества европейских басен и новелл. “Панчатантра” также имела дидактическо-морализаторский характер. Основная цель ее – научить разумному и нравственному поведению. В одной из притч бедный брахман (имеется в виду принадлежность к высшей касте брахманов, для которых богатство часто не имело никакого значения) в лесу на дне засохшего колодца нашел упавших туда тигра, обезьяну, змею и человека. Животные попросили брахмана вытянуть их, мотивируя просьбу благородным моральным постулатом: спасти живое существо – значительная заслуга. Когда брахман вытащил животных, они обещали ему во всем помогать, но одновременно высказали просьбу не освобождать человека: ему нельзя доверять. Брахман все же спас несчастного, который оказался ювелиром. В дальнейшем животные, действительно, часто помогали брахману в разных жизненных ситуациях, а ювелир предал его, осудив на смерть [82, 91–95]. В данном произведении тигр выступает исключительно разумным существом и верным, хорошим другом, который своими рассуждениями утверждает идею о том, что милосердие и самоотречение придают смысл жизни, а неблагодарность является самым страшным из грехов.

Аналогом тигра в славянских сказках является лев. Льва неизменно во всех произведениях называют “над всеми зверями царем”. Но именно в белорусских сказках лев – и об этом, что удивительно, говорится прямо – из-за неприспособленности к жизни в непривычных условиях, из-за незнания окружающей реальности вынужден был покинуть нашу страну. Факт интересный. Он говорит о том, что предки белорусов – арийцы – раньше жили в других природных условиях, но климат на их родине кардинально изменился. Все же они сохранили память о зверином царе их родной местности.

Вообще же арийцы всегда любили больших кошек. Более того, возможно, даже имя “русы”, который вошел и в этноним “белорусы”, раньше звучало как “рыси”, “рысичи”, потому что народ выводил свое происхождение от рыси. Эту гипотезу высказал замечательный российский ученый и исследователь Владимир Щербаков. Арийцы-рысичи во II тыс. до н. э. пришли в Индию, где уже не рысь, а тигра сделали своим национальным символом. Косвенным доказательством этой теории является то, что у древних этрусков (также корень “рус”, а сами себя они называли “тирренами”) важнейшим мифологическим, а значит, прежним тотемным животным был леопард. Напомним, что этруски вместе с латинами – основной субстрат италийского (римского) этноса. Это, безусловно, арийский народ, который пришел в Италию или из Малой Азии, где во II тыс. до н. э. процветала могущественная индоевропейская Хеттская держава, или, по утверждению современных украинских исследователей, из Приднепровья. Этруски оставили после себя исключительно богатое художественное наследие, притом на многих вещах их быта и культа предстает леопард [77, 176–177].

Из произведений европейской живописи XX века с изображениями тигров наиболее известна картина Сальвадора Дали «Сон, навеянный полетом осы над гранатом за секунду до пробуждения».

Для современного человека, в том числе западного, тигр остается царем зверей, воплощением благородства, величия, красоты, удивительным соединением силы, могущества, напряженной энергии и утонченности, изящества.

Наше обращение к животным Зодиака имеет целью еще и еще раз показать бесконечное разнообразие и красоту земной природы, удивительные соотношения природы и культуры, своеобразное переосмысление природных явлений в фантазии разных народов, разных поколений людей. Животные китайского традиционного календаря – хороший повод, чтобы напомнить человеку о его огромном культурном наследии.

ЗАЯЦ И КОТ

Огромный круг жизни – Зодиак – такое же древнее понятие, как собственно человеческая культура. В определенно-буквальной и тайной символике зодиакального круга отражена вся древняя космогония с ее представлениями о начале и конце мира, о Золотом веке, райской жизни, смене эпох. Бриллиантовый звездный пояс – тот

исток мистического чувства, который сопровождал человечество на протяжении тысячелетий.

2011 год – год зайца по китайскому народному календарю и год кота по индокитайскому.

Выбор зайца для зодиакального созвездия и соответственно года может вызвать удивление своей как бы (на первый взгляд) мифологической неинтересностью, чуть ли не примитивностью. Однако в этом, видимо, и заключена разгадка появление зверька в календаре. В египетской иероглифической системе стилизованное изображение зайца обозначало просто понятие “существо”. Видимо, сакрализация животного связана с его широким распространением. Действительно, как утверждают биологи, зайцы встречаются на всех континентах Земли, кроме Антарктиды [34, VII, 165–180].

Индейцы Северной Америки считали Большого Зайца животным-*демиургом*, то есть создателем мира. В сказках жителей евразийской и американской тундры заяц – один из центральных персонажей. В американском животном эпосе о братце-кролике он предстает хитрецом, юмористом, веселым, остроумным лукавцем, способным предвидеть будущее. А в чукотской сказке “Кто солнце найдет?” за солнцем, выкраденном чудовищами, община зверей посылает именно зайца как самого быстрого на ногу и отважного. И заяц выполнил возложенную на него задачу: выкрал из подземелья солнце, послал его на небо, да еще из кусочка светила создал Луну [88, 71–76]. Сказка, безусловно, сохранила древний космогонический миф, широко распространенный в Азии и Америке.

Китайцы и американские аборигены (пришедшие, по официальной версии, из Азии в Америку по Беринговому «мосту») прямо связывали зайца с Луной. Средневековая эзотерическая европейская традиция также считала зайца атрибутом всех божеств Луны и посредником между людьми и лунными богами. С биологическими особенностями зверька это, скорее всего, мало связано, разве что имелся в виду белый цвет беляка. Действительно, заяц везде символизирует свет (потому и солнечный отблеск от зеркала назвали “солнечным зайчиком”). У германцев богини Луны всегда являлись в сопровождении зайцев, которые несли в лапках факелы.

Факт появления зайца на Луне объясняет буддистская мифология. Однажды, когда Будда был голодный, заяц предложил себя в качестве еды и сам прыгнул в огонь. За такое самопожертвование Будда и отправил его на Месяц. Соответственно в Китае с зайцем связано все то же, что и с ночным светилом: женская

сила “инь”, жена императора, долгожительство. Сюжетом многих произведений живописи и рельефной скульптуры в странах китайского влияния является заяц с пестиком и ступкой, в которой он толчет элексир бессмертия [63, 96].

Как можно объяснить связь зайца с Луной? Возможно, дело в том, что Луна на Дальнем Востоке выглядит несколько иначе, чем в нашем европейском регионе, и одно из пятен ночного светила действительно похоже, в представлении китайцев, на зайца со ступкой. Добуддистский миф рассказывает, как жена знаменитого героя Шэнь И по имени Чан Э нашла у мужа таблетку бессмертия и проглотила ее. В результате она стала очень легкой и полетела на Луну. На холодном и безлюдном спутнике Земли она выплюнула оболочку от пилюли бессмертия, которая и превратилась в белого зайца. С тех пор он и пребывает вместе с Чан Э на Луне [16, 164]:

Ты увидишь, как восходит луна
На закате в вечерний час.
А придет рассвет -- не заметишь ты,
Что уже ее свет погас.
Белый заяц на ней лекарство толчет.
И сменяет зиму весна.
И Чан Э в одиночестве там живет –
И вечно там жить должна.
Мы не может теперь увидеть, друзья,
Луну древнейших времен.
Но предкам нашим светила она,
Выплыв на небосклон.
Умирают в мире люди всегда –
Бессмертных нет среди нас.
Но люди всегда любовались луной,
Как я любуюсь сейчас.

(Ли Бо)

В связи с темой бессмертия, мотивом жизни-смерти сразу возникает ассоциация со смертью Кощея в восточнославянских сказках Местонахождение (именно так!) его смерти соотнесено с важнейшей моделью Мироздания – Космическим Яйцом. В сказке кощеево яйцо сохраняют представители всех природных стихий: вода (океан), земля (остров посреди океана), растение (дуб, растущий на острове – аналог Мирового Древа), животное (заяц, который находится в сундуке, висящем на дубе), птица (утка, находящаяся в зайце). Таким образом, как и в египетской мифологии, заяц тут

воплощает собою фактически всех животных – “существо” как такое.

Знаменитый специалист по славянскому язычеству академик Борис Рыбаков пишет: “В славянском фольклоре заяц занимает особое место. Заяц табуирован; его нельзя употреблять в пищу; если заяц перебежит дорогу, необходимо вернуться. Зайца нельзя вспоминать, плывя по воде, так как водяной устроит бурю и т.д. В Ипатьевской летописи есть сообщение о литовском заячьем боге Диверикзе… Заяц понимался славянами и литовцами как представитель недоброго начала, что и объясняет его роль в сказках – заяц охраняет Кощея, его смерть” [94, 334].

Отрицательное отношение к зайцу можно объяснить влиянием на славянскую мифологию семитской культуры, в которой заяц, как и свинья, – нечистое животное. Известно, что племя родимичей – предков восточных белорусов – в IX–X веках выплачивали дань Хазарскому каганату, где государственной религией в то время был иудаизм и откуда могла прийти на нашу землю идея негативности зайца. Кроме того, начиная с эпохи Средневековья, уже около пятисот лет, на территории Украины и Беларуси, рядом со славянами, проживает и еврейское население. В свою очередь, евреи отказали зайцу в положительном значении, возможно, в противовес большинству населения Хазарского каганата – тюркам, поскольку известно, что у тюркских народов заяц – такое же воплощение животного царства Земли, как лягушка – преисподней, а сова – неба, иначе говоря, заяц – глубокий этнический символ. С другой стороны, в наших славянских сказках, собственно говоря, нигде не акцентируется внимание на отрицательных качествах зайца. Более того, заяц в некоторых вариантах волшебных сказок о Кощеевой смерти даже помогает герою: сначала медведь как самое могучее животное наших лесов выворачивает дуб; из сундука, помещенного на дубе, выскакивает заключенный туда заяц, но его догоняет когда-то спасенный Иваном другой заяц (скорее всего, тотемный предок) и разрывает кощеевого зайца. Из того вылетает утка, но ее, в свою очередь, догоняет орел. Из разорванной утки яйцо падает в море, а достает его щука. Тут все ясно, кроме одного: в оппозиции разные стихии представляют разные существа, и только зайца догоняет заяц же, давая основание говорить об амбивалентности нашего героя. Или может быть, не было в представлениях наших предков животного более быстрого, чем заяц? Действительно, в средневековой Европе заяц стал аллегорией быстроты и верной службы. “На многих готических могильниках он предстает именно в таком контексте” [53,

205]. Хотя возможно и другое объяснение. Представим, что весь сказочный эпизод с кощеевой смертью символизирует какие-то космические объекты и процессы (возможно, катастрофические). Заяц с глубокой древности воплощает Луну. Два зайца – две Луны на небе, но одна разделяется на части (взрывается – ?) и гибнет.

Почему же все-таки в народе с брезгливостью относятся к зайцу (как и к рыбе сому) и во многих районах Беларуси не едят его? На этот счет нигде в научной литературе объяснений нет, да и вообще о зайце говорится очень мало. Одну из возможных версий (за неимением лучшей) мы привели: влияние еврейского народа, с которым белорусы долго живут вместе. Другая версия – также наша собственная: сказки о животных сложились намного раньше, чем волшебные сказки, и вот тогда заяц, как и многие другие животные, был тотемом. Может быть, многочисленные сказки о волке, лисе, медведе, зайце передают не действительные качества этих биологических существ (волк, например, совсем не глупый, как во многих сказках, а, наоборот, чрезвычайно умный и сообразительный), а характеристики тех племен, родов, семейных кланов, которых они тотемистически персонифицируют? Возьмем известную восточнославянскую сказку “Заяц, петух и лиса”. Тут у зайца – лубяная избушка, а у лисы ледяная. Весною избушка лисы растаяла, и она заняла зайцеву, а его самого выгнала. И никто из могучих зверей не мог ему помочь – только петух [75, I, 26–27]. Тут, как нам кажется, речь идет о борьбе разных племен, причем лиса воплощает, возможно, финно-угорский этнос, заяц – тот неолитический народ, который жил на европейской территории до прихода индоевропейцев, петух же – типичный ариец: смел, воинственен, справедлив. Сказанное кажется шуткой, и, действительно, во многом шутка, но, с другой стороны, иначе не объяснишь сказочную специфику мифологических персонажей. И в белорусских сказках, в противовес утверждению уважаемого Б. Рыбакова, заяц вызывает жалость, а совсем не отрицательную реакцию. Это потому, что он воплощает этнос, ассимилированный другим, более пассионарным, активным, этносом. Но табу на употребление тотемного животного осталось, потому что пищевые склонности – вообще очень консервативная вещь.

В отличие от Беларуси с ее робкими и пассивными зайцами, в Польше сохранилось, видимо, очень древнее сказание о Матерых Зайцах в Сокольских лесах, которые не поддавались ничему и никому и сами пугали охотников, владея магией, умением превращаться в разные другие существа [85, 298–300]. Такая легенда могла сложиться

именно во время активного завоевания индоевропейцами Европы, где они встретили мощное сопротивление со стороны местных племен.

В Западной Европе отношение к зайцам довольно своеобразное. В средневековом бестиарии (аллегорическом зверинце) зайцу отведено не самое почетное, но весьма приметное место. Если медведь похож на человека физиологически, то заяц скорее психологически.

В средневековом искусстве воплощены негативные, греховные черты зайца – трусость, излишняя сексуальность (потому кролик – эмблема журнала “Плейбой”). А вот в славянском фольклоре плодовитость зайца воспринималась исключительно положительно и, например, в свадебном обряде воплощало будущее благосостояние и счастье новой семьи. Широко использованы изображения зайца как символа возрождения и в пасхальной обрядности. Кушанья из зайца любят французы.

Подобно бабочке и птице образ зайца в Европе часто понимался как символ человеческой души. В искусстве заяц замещает человека, его суетливую душу, которая постоянно как бы куда-то стремится – бежит. Нам хочется расширить понимание образа: парадоксально соединяя грехи и положительные качества, заяц в традиции становится символом не столько души, сколько человека как такого, вместе с его греховным телом, – слабого, бесприютного, метущегося.

Именно в таком ракурсе можно рассматривать образ зайца в западной литературе Нового времени. В “Алисе в стране чудес” Луиса Керролла заяц вечно спешит и вечно опаздывает. А американский писатель XX века Джон Апдайк (умерший в начале 2009 года) в своем знаменитом романе “Кролик, беги!” прямо называет главного героя, обычного обывателя, зайцем, который последовательно во времени познает жизненную мудрость.

Одно из лучших воплощений зайца в живописи – гениальная гравюра немецкого художника эпохи Возрождения Альбрехта Дюрера “Заяц”. Дюрер достигает тут необычайно глубокого проникновения в природу своего объекта, наделяя его чертами символическо-мистическими – как раз теми, о которых упоминает мифологический европейский бестиарий.

Снова возвращаясь к художественной литературе, в частности российской детской, вспомним поэму “Дед Мазай и зайцы” Николая Некрасова, “Жалобы зайца” Константина Ушинского, “Аленушкины сказки” Дмитрия Мамина-Сибиряка, пьесу-сказку Сергея Михалкова “Зайка-зазнайка”, рассказы-сказки Виталия Бианки. В стихотворении

“Перепутаница” Корнея Чуковского только один заяц – на фоне общего хаоса – остался самим собою, сохранил свою сущность, не претендуя на другие роли. Может быть, в этом и заключена глубинная, мистическая сущность зайца? Классик белорусской литературы Змитрок Бедуля выбирает именно Зайца в качестве мудрого рассказчика своей известной повести-сказки “Серебряная табакерка”. Во время перестройки в СССР большой резонанс вызвала повесть-притча ироничного российского писателя Фазиля Искандера “Кролики и удавы”: она была буквально переполнена кукишами в кармане, однако в наше время представляется мелкопроблемной и абсолютно неактуальной.

Как видим, мифологическое наполнение образа оказалось настолько богатым, что и в современной литературе заяц встречается в основном в литературных сказках и в произведениях мифологического направления. В нашей современной жизни “зайцы” – не только безбилетные пассажиры в транспорте. Не случайно пользуется народной любовью исключительно талантливый мультипликационный сериал советского времени “Ну, погоди!” Заяц в фильме – архетипически как бы каждый из нас, и его остроумный выход из любой сложной ситуации, показанной в сериале, безусловно, вселяет оптимизм.

Еще более амбивалентный персонаж – кот, но его вряд ли можно отождествлять с человеком – слишком это сложная индивидуальность (правда, ученые утверждают, что генетически человек, как ни удивительно, ближе к кошке, чем к обезьяне). И если заяц в представлениях американцев – обычный обыватель, хотя и со своей специфической мудростью, то кот, безусловно, аристократ животного мира.

Ученые-биологи почти единодушны в мнении, что кот – последнее из прирученных домашних животных. В древних арийских Ведах ничего не говорится о кошке, значит, во II тыс. до н. э., когда арийцы (ирано-славяно-балто-кельто-германский субстрат) вышли на международную арену, кошка еще домашней не была. Более того, даже античные, периода классики, авторы не упоминают о ней – и это в то время, когда в соседнем Египте буквально царил культ кошки!

В Древнем Египте кошке были посвящены роскошные храмы, ей служили жрецы и большое количество верующих. Умерших кошек бальзамировали и хоронили на специальных кладбищах. В XIX ст. археологи около города Бени-Хасам нашли некрополь, на котором

было похоронено 180000 кошек, причем каждая в отдельном саркофаге. В образе кошки египтяне почитали богиню радости, веселья, плодовитости и Луны Баст. Кошка-Баст была родной сестрой самого бога Солнца Ра. В “Книге мертвых” даже сам верховный Ра назван Великим Котом. В таком случае, становится понятным, что объединяет зайца и кота как мифологических существ: оба – демиурги, творцы мира (Ра – именно демиург), оба связаны с Луной и чрезвычайно плодовиты.

Культ кошки в Египте действительно впечатляет. Она считалась добрым духом дома, ее любовно берегли. В случае пожара прежде всего спасали кошку, а потом уже все имущество. Смерть домашней кошки считалась большим несчастьем. А убийство кошки, даже нечаянное, каралось смертью без права мумификации. С течением времени, уже тогда, когда исчезла древнеегипетская цивилизация и на смену ей пришла арабская, кошка сохранила свое привилегированное положение. Да даже сам пророк Мухаммед обожал кошек! А один из султанов Египта – знаменитый Бейбарс (XIII ст.), которого сравнивали с Цезарем по смелости и с Нероном по жестокости, так любил кошек, что завещал для их проживания в окрестностях Каира огромный сад и значительные средства на содержание [31, 41–45]. В Египте кошек почитают до нашего времени: считается, что в них вселяется добрый дух, приносящий счастье.

Как видим, мифологические представления, связанные с тем или иным животным, оказываются очень живучими и не зависят от этнической принадлежности и конфесии.

Из Древнего Египта кошек нельзя было вывозить под страхом смерти. Потому в других странах она появилась достаточно поздно. Но мы полагаем, что не только Египет был центром одомашнивания кошек. Возможно, то же произошло на юго-востоке Азии, потому и год был помечен знаком кошки. Во всяком случае, кот не только в Индокитае, но и в Китае известен с древности и так же, как и тигр, считался грозой демонов. “В некоторых местностях коту даже приносили жертвы в специально устроенных для этого кумирнях. Потеря домашнего кота воспринималась как признак несчастья” [39, 79]. Впрочем, и появление чужого кота – не к добру. Значит, отношение к коту в Китае двойственное – и почтение, и страх.

В Европу кошка попала в I ст. н. э. – впервые о ней упоминает греческий историк Плутарх [31, 46–47]. Уже в V ст. котов можно видеть в росписях посуды и рельефах на монетах. Возможно, распространению кошки в ее основной функции охотницы на мышей

мешали соперники – ужи и ласки, которые приручались и жили в домах Античного Рима. На белорусском и украинском Полесье ужи и сегодня поселяются под полами домов. А на знаменитой картине Леонардо да Винчи “Дама с горностаем”, которой так гордятся в Польше (она находится в Кракове), показана именно ласка, а не дикий горностай. Но все же кошка как домашнее животное упорно вытесняла своих конкурентов. И неудивительно, разве может сравниться милая, пушистая, ласковая кошечка со скользким, неприятным ужом! По славянскому преданию, однажды Бог заметил мышь и бросил в нее свою рукавицу, которая тут же превратилась в кошку. Вот почему кошка так приятна человеку, так любима им.

Во многих странах Европы так же, как и в Египте, кошек считали священным животным. У нас не случайно в новый дом сначала впускают кошку – она должна обеспечить благосостояние и сохранить от смерти членов семьи, как бы беря опасность, исходящую от духа нового места, на себя. Убивать кошку нельзя – семь лет не будет счастья. По поведению кошки в деревнях гадали: моется – к приходу гостей, царапает пол – к метели или дождю, прячет под себя голову – к морозу и т.д. В Германии кошки были посвящены богини любви Фрейи, и девушки перед замужеством подкармливали кошек лакомствами, чтобы обеспечить благосклонность к себе богини. Во всей Европе кошкам приписывали магические лечебные способности, о чем сегодня свидетельствует и наука.

Помнится время, когда в деревнях абсолютно в каждом доме жила кошка. А в городах их растят уже часто и для показа, для участия в выставках. Есть любители, которые даже в малогабаритных квартирах держат по нескольку котов, причем часто подобранных на улице.

Но насколько кот почитался в народе, настолько он вызывал гнев религиозных фанатиков. “Охота на ведьм” в Европе (а начата она была не Церковью, а, как ни странно, университетами) сопровождалась и преследованием всего, что было связано с язычеством (поскольку оно упорно не сдавалось), особенно черных котов, в обликах которых начали видеть нечистую силу. Кроме того, кошка обожествлялась на Востоке, а все, что шло оттуда, считалось еретическим и вредным. Кот же не без причин вызывал сомнения: имел черную шерсть и блестящие глаза, бродил по ночам, передвигался неслышно... Кошек начали сжигать, закапывать живыми в землю, топить. Только в Британии к ним относились снисходительно.

В народной культуре восточных славян тоже сохранились негативные приметы, связанные с черными кошками: они как будто жили вместе в ведьмами и могли в них превращаться (как в “Вие” Николая Гоголя), а если перебегали дорогу – это считалось к неудаче. Но у нас кошек не уничтожали. И вообще отношение к ним было более приязненное, любовное, хотя в пословицах встречается всякое, как и в жизни: “Стар кот, а масло любит”, “Не все коту масленица, будет и Великий Пост”, “Есть и сало, да не про кота”, “Взяло кота поперек живота”, “Битому коту лишь лозу покажи”, “Ложка не кошка, рта не оцарапает”, “Кошку бъют, а невестке намеки дают”. Впрочем, все это достаточно невинно.

Сказки говорят о коте-баюне, который ходит по столбу, обкрученному золотой цепью, рассказывает сказки, пугает и даже уничтожает людей [5, I, 156]. Александр Пушкин помещает “кота ученого” на дубе, который, без сомнения, как и сказочный столб, символизирует Мировое Древо – Ось Мира. А значит, и у русского поэта-классика кот-баюн – демиург. Но кот-сказочник – существо более таинственное, чем кажется. Кот – близкий родственник рыси, а рысь, можно думать, тотемный предок некоторых славянских племен. Более того, как уже отмечалось, этноним-название “русы”, возможно, происходит от “рысы”, то есть имеются в виду рысичи, дети рыси.

Возникают и другие соображения, связанные с необычным образом кота-баюна, который кажется намного более древним, чем появились реальные кошки на нашей территории (примерно в VIII столетии). Баюн так рассказывает-поет свои сказки, что как бы наркотизирует слушателей, ввергает их в сон. Этим он похож на мощного шамана: с помощью каких-то своеобразных звуковых комплексов гипнотизирует народ. Иногда люди даже гибнут – когда информация идет на низких частотах, как известно, чрезвычайно вредных для человека. Такой же эффект производит былинный Соловей-разбойник, который пользуется свистом. Видимо, не случайным выглядит и близость корней в словах: Буян (райский остров посреди Океана в фольклоре) – Баян (основатель поэтической традиции в Древней Руси) – Баюн (волшебный кот, который зомбирует людей).

В народных сказках человек способен превращаться в кота. Таким героем является Иван Попелов в белорусской сказке. В некоторых русских сказках упоминается Иван-Кошкин сын или Кот Котович, брат Ивана Царевича. Причем, Иван Попелов – победитель чудовищ, значит, типичный змееборец. Отсюда вытекает, что кот имеет отношение к основному индоевропейскому мифу

космогонического цикла – о змееборстве: сражении солнца с тьмой, лета с зимой, добра со злом. В других традициях, например, литовской, черный кот – сам противник бога-громовника Перкуноса. Это еще раз свидетельствует о двойственной функции персонажа и о безусловной важности его в мифологии.

В сказках кот пугает всю общину лесных зверей (то есть он-таки ж Баюн), а также спасает слабых существ от хищников, например, петуха от лисы. Необычайно популярную восточнославянскую сказку “Кот, петух и лиса” можно рассматривать и в историческом плане (как борьбу племен), и в космогоническом, где Петух – символ Солнца, Лиса – Огня (или кометы, или грозовой тучи), Кот – Месяца. Но разъяснять их отношения с точки зрения астрологии мы не отваживаемся.

В мифологии важное значение имел цвет персонажей. И если черный кот воплощал черта, и его, в самом деле, боялись, то золотисто-рыжий был связан с солнцем (заяц тоже символизировал свет, хотя и не прямой, а отраженный от солнца). В одной из наиболее характерных белорусских сказок “Коток – золотой лобок” кот живет на дубе, символе Мирового Древа, и имеет как золотые, так и серебряные атрибуты, что указывает на его связь и с Солнцем, и с Луной (вспомним египетскую Баст: она символизирует Луну, но прямо связана и с Солнцем как его сестра). Кот Максим в белорусской сказке и Кот в сапогах из “Сказок братьев Гримм” своим умом и хитростью всего достигают для своих ленивых и глуповатых хозяев, делая из них богатых и счастливых людей.

Кот, безусловно, архетипически связан с благосостоянием, с уютом дома. Иногда его мещанско-эгоистическая природа даже преувеличивается, как в романе “Житейские взгляды кота Мура” Э.Т.А. Гофмана. В других случаях он воплощает мудрость, как Чеширский кот у Луиса Керролла.

Чтобы понять характер кота, вернемся к его биологической природе. Кот, в отличие от волка-собаки, не жил в стае, не имел вожака, это зверь-индивидуалист. И все же кот-эгоист пришел к человеку, стал жить с ним, служить ему. Как и почему это произошло, мы не знаем, хотя и есть на этот счет философская сказка Редьярда Киплинга “Кошка, гуляющая сама по себе”. Кошка – гордый, независимый, самолюбивый зверь, но она, конечно же, привязывается к хозяевам, к месту проживания. Известны случаи, когда кошки проходили сотни километров и возвращались домой. Это животное разумное, отважное и очень организованное. Она, как ни странно, легко приручается, дрессируется – вспомним цирк кошек

Юрия Куклачева. Особенно интересно то, что в последнее время кошки, живущие в домах, стали имитировать человеческую речь, подобно попугаям или скворцам. Речевой аппарат кота лучше приспособлен к произношению звуков речи людей, чем аппарат собаки. Так, широко прославился кот Меси из столицы Азербайджана Баку, который научился произносить около двадцати слов.

Зафиксировано немало случаев, когда коты спасали детей от ядовитых змей. Дети, как правило, очень любят кошек. Потому зверек часто встречается и в детской литературе, кино. В известной сказке Вильгельма Гауфа “Маленький Мук” у старухи – хозяйки героя – жило шестьдесят кошек, которых она называла своими деточками. Однако в сказке немецкого романтика кошки довольно противны. А вот кота Матроскина из книги Эдуарда Успенского полюбили все. Также и кота Леопольда из советской мультипликационной ленты. Пользуется популярностью американский анимационный фильм “Том и Джерри”.

Все же главный подвиг кошки – защита людских поселений от мышей и крыс. Возможно, это и стало основной причиной широкого распространения котов в Европе. Правда, в последнее время кошки теряют охотничий инстинкт, но уже одно их присутствие в доме пока пугает грызунов. Профессоры и студенты Парижской Сорбонны за борьбу с мышами поставили перед университетом памятник коту. А в Японии есть храм кошек. И все же действительное значение этих животных пока не оценено человечеством.

ДРАКОН

Дракон – единственный не реальный, а мифологический персонаж в восточном зодиаке. Правда, существо встречается в мифах такого большого количества народов, что ученые не без оснований считают, что драконы когда-то жили на земле. В большинстве случаев их прототипами видят динозавров, хотя те вымерли как будто бы задолго до появления человека – 65 миллионов лет назад. Но не все так просто в этом вопросе.

Поскольку основываемся мы на китайском календаре, то и начинаем с Китая. Тут ни один Новый год, да и вообще любой праздник, не обходится без украшенных цветными лампочками макетов, скульптур, живописных картин, которые представляют величественных и, по мнению местных жителей, очень красивых драконов. Этот персонаж – центральный в китайской культуре. Древняя “Книга гор и моря” – основной источник сведений по мифологии Китая – сообщает о колоссальном драконе с лицом

человека, который раскинулся на весь мир. Собственно, он и есть первоначальный мир. Когда дракон закрывает глаза, опускается ночь, когда открывает – наступает день. Когда он дует, набегают облака и идет снег, дыхнет – солнце начинает печь и возвращается лето [64, 31]. Этот фантастический дракон Чжулунь обладает многими чертами первосоздателя мира. Но этот образ, как можно полагать, наиболее архаический в китайской мифологии. Все же в более позднем народном представлении Небо и Землю сотворили другие – снова-таки змееподобные существа – брат и сестра Фуси и Нюйва. Фуси умел подниматься по дереву, которое росло в центре мира, на Небо для общения с богами, а Нюйва из глины вылепила первых людей. Еще один претендент-демиург – Паньгу – изображался в разных обличьях, но в некоторых регионах Китая – как существо с телом змеи и головой дракона, которое родилось из Космического Яйца. По преданию, Юй – основатель династии Ся, был драконом, и с помощью драконов усмирил Потоп (миф о Потопе – центральный в мифологической системе Китая) [39, 374].

С драконом связаны все наиболее значимые объекты природы. “За Воротами Холода // Властвует грозный дракон; // Свечи – вместо зубов, // Пасть откроет – и светится он”, – пишет гениальный Ли Бо, значение которого в китайской литературе можно сравнить со значением Данте в европейской. Однако что скрывается за образом дракона в стихотворении китайского классика?

“Существовали четыре типа драконов, – пишет российский исследователь: небесный дракон, охранявший обители богов; божественный дракон, посылавший ветер и дождь; дракон земли, определявший направление и глубину рек и ручьев; дракон, охранявший сокровища” [98, 36-37]. На самом деле видов дракона в культуре Китая, по-видимому, еще больше.

“Иногда дракона изображали в виде большой змеи или животного, напоминающего одновременно и тигра, и лошадь. Часто вокруг дракона рисовали облака, густой туман или бушующие волны, чтобы создать представление о его необычайной силе и способности вызывать стихийные бедствия. Дракон взмывал в небо и парил в облаках, скалил клыки и выпускал когти. Дракон обладал способностью к перевоплощению: он мог бегать, плавать, летать. Изображение дракона использовалось в качестве геральдической эмблемы на знаменах знатных родов. В средневековом Китае дракон был символом императора, его изображали на троне, на халате государя” [39, 73]

В целом дракон как существо химерическое выступает в Китае создателем буквально всех важнейших природных процессов и явлений. Крупнейший китайский исследователь-мифолог XX века Юань Кэ не объясняет причины этого, не рассматривает генезис образа. А нас сегодня уже не может удовлетворить простое описание фактов мифологии, пусть и чрезвычайно занимательных.

Пока же обратимся к тем самым фактам. Дракон как первотворец-демиург из космогонического существа в дальнейшем трансформируется в духа предка. Предки в виде драконов "в Китае считаются не монстрами, а добрыми божествами, которые управляют дождем и руслами рек" [116, 46]. И хотя могучие реки Хуанхэ, Янцзы, Сицзян, на берегах которых сформировалась китайская цивилизация, отличаются изменчивым, непредсказуемым нравом, тем не менее дракон – их воплощение в Китае – существо исключительно положительное (в отличие от Европы), защитник страны и охранитель каждого рода как его первопредок. В связи с этим отметим, что на украинском и белорусском Полесье вплоть до XX века домовик (образ которого синтетический: он одновременно и первопредок, и дух очага, и персонификация как бы "атмосферы" дома) выступал в виде ужа [101, 169], то есть существа змееподобного, каковым всегда являлся и дракон. Что же касается водной стихии, то напомним, что "на территории Полесья... одна из рек, приток Припяти, называется Вужа" [78, 37] ("уж" по-белорусски "вуж"). А другой приток Припяти – Горынь – реку, которая характеризуется особенно "интенсивным паводком" [127, I, 570] в сравнении со всеми другими речками Беларуси – можно соотнести с именем популярного сказочного персонажа – Змеем Горынычем.

В Китае образ дракона претерпел более всего трансформаций. И все же основное значение образа, которое выступает в виде цепочки смыслов (молния – дождь – радуга – река – плодородие), сохранилось практически во всех обрядах и изобразительном искусстве.

Китайский мифологический дракон состоит из примет девяти реальных животных: верблюда, оленя, зайца, быка, игуаны, лягушки, карпа, тигра и орла. "Сочетание черт различных животных указывает на то, что в образе соединились остатки древнейших анимистических культов" [16, 184]. Собственно, какую бы культуру мы ни взяли, дракон – это обязательно химерическое, гибридное создание, составленное из разных частей, которые символизируют разные, иногда противоположные, стихии и явления, причем обязательная примета – змееподобие. Но первоначальное греческое значение слова

“дракон” совсем другое – “прозорливец” [80, 68]. Может быть, потому и змей считали мудрыми, о чем напоминает даже Христос в Библии.

Таким образом, основная, характерная черта образа – химеризм. Это может означать единство духа и материи, а также вечное превращение всех природных форм, перетекание одной формы в другую. В таинственном еврейском учении Каббале на этот счет говорится: “Камень становится растением, растение – животным, животное – человеком, человек – духом, и дух – богом” [12, 108]. Тут, видимо, имеется в виду, что жизнь на планете Земля – это подъём сознания от низших форм материи к высшим, потому что, действительно, жизнь есть даже в камнях, где идет процесс возникновения минеральных видов, чем-то похожий на метаморфозы живых существ. Материя – едина, и все ее части взаимодействуют. Сотканная в одно, одним способом, который, однако, от стежка к стежку, никогда не повторяется, ткань Универсума создает целое. Образное архаическое мышление и воплотило Универсум в образе дракона.

Змееподобность его – вторая характерная примета. Собственно, наши реки и носят такие названия, как Вужа, Горынь, потому что очень извилистые – змеистые. Но Змей потому важнейший персонаж всех мифологий, что воплощает не только реку, но и вообще воду, влагу, волну. Волнообразные движения тела означают силу, энергию, созидательные ритмы природных элементов. Возможность змея скручиваться ассоциируется с кругом, который всегда считался самой совершенной из геометрических фигур. Дракон, кусающий себя за хвост, – гностический Ураборос – символ всех циклических процессов, и в частности времени (время в народных представлениях славян, а также в современной восточной культуре неизменно понимается как циклическое).

Дракон отождествляется, с одной стороны, с водой, с другой – с вершинами гор, вообще высью, небесами. “Буддисты полагают, что драконов трудно сосчитать обычным образом, обозначая определенными цифрами, их количество выражается только священными цифрами. Люди больше верят в драконов, чем во множество богов, потому что слишком часто их видят, – ведь почти в каждом облаке при желании можно различить хвост змеи или огромную безобразную голову, посчитать, что она принадлежит дракону” [16, 185]. В целом персонаж выступает земным владыкой, с которым приходится сражаться герою-созидателю, чтобы освободить воду или землю. Три головы дракона, которые обычно имеет русский сказочный Змей Горыныч или белорусский Цмок, означают три

принципа: активность, пассивность и нейтральность. А возможно, еще что-то, ведь число три в европейской культуре – сакральное.

Символика дракона вообще феноменально богатая и сложная. Безусловно, основой ее могли послужить некоторые природные процессы, например, круговые морские течения, атмосферные вихри, смерчи, тайфуны, вулканическая лава, радуга, полет метеора, комета и много чего другого. Нельзя исключить и существование так называемых морских змеев, неизвестных пока науке реликтовых существ, которые, вполне вероятно, сохранились в глубинах Мирового Океана, еще фактически не изученного. В науке зафиксировано более шестисот встреч с ними на протяжении истории мореходства. Из этого же ряда – легендарная Несси (реликтовый ящер в шотландском озере Лох-Несс). Именно она – мировая знаменитость, но таинственные существа огромных размеров встречались и в других водоемах или болотах на Земле: в Якутии, Казахстане, Китае, Африке. Их видели наши современники.

Есть и исторические сведения. Академик Б. Рыбаков на основе изучения древних летописей утверждает, что когда-то в болотах Полесья водились колоссальной величины ящерицы, похожие на варанов или крокодилов. Память о них якобы осталась в детской игре “Ящер”, зафиксированной в этом регионе. Стоит отнестись к народным легендам серьезно, учитывая, что и гигантских варанов Индонезии, так называемых “драконов острова Комодо”, открыли только в XX веке. Древние предания повествуют, что когда-то в Европе водились страшные чудовища – цмоки, похожие на драконов. С ними сражались сказочные богатыри, а позднее – средневековые рыцари, освобождая от страшилищ не только девушек-красавиц, но иногда целые города и страны. Как свидетельствует Б. Рыбаков, в 30-м томе Полного собрания русских летописей под 1582 годом есть удивительная запись: “В лето изыдоша коркодилы лютии из реки и путь завориша, людей многих поядаше...”. Дело происходило под Великим Новгородом. Загадочные существа зафиксированы и в мемуарах австрийского посла в Московии Сигизмунда Герберштейна, который, проезжая через Беларусь (тогда Великое княжество Литовское), с удивлением отмечал, что будто бы язычники-литвины кормят огромных ящеров. Тут же в 1589 г. агент английской торговой компании Джером Гарсей видел на берегу реки мертвого крокодила [95, 284–382]. Загадочное существо (то ли крокодила, то ли доисторического динозавра) нашли в русском городе Арзамасе в начале XVIII столетия. Власти заспиртовали монстра в бочке и отправили в Петербург для изучения. Правда, по дороге находка

исчезла [114, 14]. Как видим, разные свидетельства – об одном и том же. Притом это уже даже не народные легенды, а исторические факты, зафиксированные в письменных памятниках. Вообще криптозоология в последнее время открыла много необычного.

Учитывая современные научные открытия, можно по-иному посмотреть на некоторых мифологических персонажей. Змеиное происхождение явно просматривается в образах Кощея, Соловья-разбойника, да и Всеслава-Волхва (в Беларуси его называют Чародеем), о котором ходили слухи, что он родился от Огненного Змея. Смерть Кощея представляет собой цепочку образов (сундук на дубе, в нем заяц, в нем – утка, в утке яйцо, упавшее в море и найденное щукой), которая кажется разнородной и не совсем понятной, если не увидеть в ней динамически развернутую модель мира – верхний, средний и нижний ярусы с соответствующими животными и Мировым Древом (дубом) как осью мироздания. Это такое же соединение разных частей, что и в образе дракона. Сложнее с Соловьем-разбойником. Соловьиное пение и вообще образ маленькой безвредной и даже очень милой птички из отряда воробьиных вызывает в человеке только положительную эмоциональную реакцию. Почему же в былинах и сказках про Илью Муромца под образом Соловья-разбойника выступает чудовище? Одно из объяснений вытекает из обратного прочтения (без окончания) слова: соловей – волос. Волос-Велес – один из самых древних богов не только восточных славян, но и многих народов Северной Европы. В славянско-балтской традиции он, как правило, змееподобный. Ученые отмечают: “Наиболее важным в реконструкции представлений о Волосе-Велесе оказалось открытие “змеиной” природы персонажа. Она подтверждается не только чрезвычайно доказательными данными внешнего сравнения (мифологическими и языковыми), но и более сильными аргументами” [106, 210], например, рисунками и комментариями к ним Радивиловской летописи.

В основании знаменитого языческого Збручского идола, который сохраняется в Польше, вырезанный из камня змееподобный Велес держит на себе Землю. [4, 49]. Как и в Китае дракон Чжулунь, Велес тут – основа, опора мира, властелин сущего.

Велес и Перун – главные персонажи так называемого основного мифа индоевропейцев – мифа о змееборстве. В сказаниях и изографии европейских народов часто представлен бой орла или сокола со змеей. Птицы воплощали небесное начало и бога-громовника Перуна, змея – Велеса [11, 83]. В индийских Ведах верховный бог Индра, именем которого названа страна Индия,

побеждает ужасного дракона Вритру, который закрывал собою всю земную воду (возможно, это была комета, которая подняла, притянула к себе все жидкие фракции).

В Вавилоне верховный бог Мардук побеждает морского дракона Тиамат, из тела которого, как и из китайского Чжулуня, позже произошли все элементы мироздания. В древнем Египте солнечный бог Гор, который иногда выступает в образе сокола, каждую ночь сражается с драконом Сетом – богом тьмы, подземного мрака, преисподней. В греческой мифологии почти все боги и герои – победители змееобразных чудовищ. Например, Зевс побеждает змея Тифона, Аполлон – Пифона, Геракл – Гидру и Ехидну, Персей – Медузу Горгону. И это далеко не полный перечень. В западной культурной традиции (начиная от античных героев мифов Персея и Андромеды) рыцарь спасает от дракона красавицу. Все герои кельтского эпоса о Короле Артуре и рыцарях Круглого Стола сражаются с драконами. Основа сюжета – глубоко мифологическо-ритуальная: в древности многие племена (но наиболее полно это описано именно в китайских хрониках) приносили в жертву невинную девушку Духу Воды, который и воплощался в образе дракона. Украсив девушку как невесту, усаживали ее на помост и отправляли по воде, где она чаще всего тонула, что считалось принятием жертвы и, значит, хорошим предзнаменованием. В какой-то исторический момент молодые мужчины, видимо, восстали против архаического дикого обычая. В аллегорической литературе Средневековья спасти девушку из пасти дракона – значит освободить чистые, добродетельные силы, уничтожив злые, в целом – победить зло [63, 79–80].

В христианской религии дракон выступает как воплощение ада, а сатана назван “великим драконом”. С ним сражаются Христос, архангел Михаил и Георгий Победоносец. Два последних чаще всего представлены в иконографии.

Во всех перечисленных случаях в борьбе витязя с драконом воплощена по существу вековечная борьба духовного и материального, небесного и земного начал, которая происходит и в каждом человеке – борьба его духа и тела. Со временем это стало восприниматься борьбой собственно добра и зла.

При этом необходимо иметь в виду, что “представления об абсолютном зле становятся предметом религиозного сознания на довольно высокой степени развития последнего, когда оно оказывается способным делать нравственные категории своим объектом” [97, 16]. Будем помнить, что древняя мифология отражает

прежде всего отношения человека и природы, а на природу нравственные категории, как известно, не распространяются. Вот почему наиболее архаические мифологические персонажи, в том числе дракон, – всегда амбивалентные. При том, что существо – явно страшное, хтоническое, воплощающее первозданный хаос, оно все же связано с первоистоком жизни (потому что персонифицирует энергию или воду) и знанием, мудростью. В мифах драконы охраняют какие-то исключительные ценности: золотые яблоки Гесперид, Золотое Руно или в германо-скандинавской культуре – Древо Мира Иггдрасиль. Не следует понимать эти образы буквально. Яблоки символически – исток молодости, бессмертия (как и в наших сказках – молодильные яблоки), Золотое Руно – скорее всего секретные знания, которые в виде рун (руно-руна) были записаны на каждом листике Мирового Древа [12, 55].

Необходимо отметить, что все названные объекты находятся в центре Земли или в раю, а значит, и дракон как-то связан с Центром и обязательно с Космическим Древом. Еще китайский Фуси, как мы помним, поднимался по этому древу на Небо. Мировое Древо – ось мира и одновременно глобальная его модель (то, что сейчас представлено в виде глобуса), концентрированное воплощение всех универсальных категорий, земной мудрости. Может быть, драконы потому в центре мира или удерживают его на себе, как славянский Велес, что в глубокой древности (примерно двенадцать тысяч лет тому назад) созвездие Дракона было центром видимого с Земли неба. Кроме того, древние люди считала два конца эклиптики трансцендентными местами проживания человеческих душ. Причем конец, размещенный на севере, как раз в созвездии Дракона, ассоциировался с раем, а другой конец, что на юге, был связан с подземным царством [60, 562].

Древо – Космическая Ось позволяет нам понять внутренние смысловые пласты, что заключены в образе дракона. Рептилия охраняла ось эклиптики – Северный полюс, отсюда и на Земле она охраняет ось земную – Мировое Древо. С этой точки зрения понятно появление дракона или змея (сатаны) в раю на Древе познания добра и зла, которое является вариантом Мирового Древа. Вообще же, значение образа дракона может быть более космическим, чем земным. Но это образ очень архаичный – безусловно, дохристианский, а значит, переосмысленный с началом нашей эры.

Но даже в христианской Европе дракон – не только персонификация зла как такого, но и снова-таки символ целого, который соединяет элементы воздуха, огня, воды и земли [107, 85]. В

консервативной Англии, которая чрезвычайно бережно относится к своему прошлому, в том числе языческому, красный дракон до нашего времени является национальной эмблемой Уэльса, как и дракон в Китае. Кстати, топоним Уэльс происходит от имени древнего европейского бога Велеса-Велса-Уэлса.

Современная психология, идя вслед за художественной литературой, определяет символ дракона как что-то кошмарное, тяжелое, страшное, что человеку обязательно нужно преодолеть. Проще говоря, только тот, кто победит дракона, становится героем. Причем дракон – не только что-то внешнее: самый страшный дракон – в самом человеке. На таком понимании образа основывается и современное искусство. Вспомним хотя бы замечательную киноленту знаменитого российского режиссера Марка Захарова "Убить Дракона", созданную по пьесе советского писателя Евгения Шварца "Дракон". Концепция как литературного произведения, так и фильма, по большому счету, – в рамках мифологического мышления: есть опасность, что тот, кто убьет дракона, сам становится драконом (вавилонский бог Мардук, победив дракона Тиамат, одновременно и разрушителя, и создателя, сам становится драконом). То есть даже побежденное зло рождает другое зло. Но, с другой стороны, дракон сам себя поглощает, как Ураборос. А это можно понимать и так: Природа завоёвывается только самой Природой... Дракон же, конечно, наилучшее *образное* воплощение мудрой, разнообразной, доброй и страшной, непредсказуемой и прекрасной Природы.

Правда, возможно, этот образ – вообще не нашего измерения, а иного – параллельного – мира, и не материальное существо, а энергетическое, которому наша психика придала более-менее привычные формы.

Образ дракона, как видим, исключительно сложный и интересный. Недаром эзотерическая иудейская традиция утверждает, что самое глубокое значение тайны дракона не поддается разгадке...

ЗМЕЯ

Относительно колоссального распространения образа змеи в мифологии и в целом в культуре человечества у автора данной работы есть несколько версий. Одна из них, так сказать, физиологическая. Напомним, что конструкция мозга человека многослойна. Она включает в себя как минимум три эволюционных пласта – мозг рептилии (!), мозг млекопитающего и собственно человеческий мозг (кору больших полушарий). И каждый слой несет соответствующую

информацию – о самотической и психической конституции тех существ, которые населяли нашу планету в разные эпохи. Каким образом снимается (считывается) эта информация – нам неизвестно. Но в измененных состояниях сознания (например, в снах) она каким-то образом всплывает на поверхность в виде архетипических образов. Причем образы и даже сюжеты, с ними связанные, в принципе, одинаковые у всех людей и во все эпохи. Нет, видимо, человека, которому хотя бы раз в жизни не снилась рептилия. По мнению последователей швейцарского психоаналитика К.Г. Юнга, «сны о змеях – предупреждение о зле в разных его видах и формах» [58, 136]. Но можно пойти в рассуждениях еще дальше. Сама молекула ДНК – это двойная спираль, похожая на кадуцей бога Гермеса с двумя змейками. Спермотозоид – также змееобразный. Акт зачатия воплощен в мифах, где действовал змей, – утверждает голландский ученый Ф.Б. Кёйпер [52, 112–146].

Еще одна версия, давно известная в науке, – географическо-климатическая: в виде змеи могли быть воплощены разные природные явления и процессы: грозовая туча, смерч, болид, извержение лавы из вулкана, ледник, река и т.д. Об этом писал крупнейший русский мифолог XIX столетия Александр Афанасьев. Кометы, скажем, как раз и виделись нашим предкам в виде огромных небесных змеев. Так, в русской летописи под 1091 годом записано: “…спаде превелик змей от небес… ужасашеся вси люди…” В 1556 году летопись вновь отмечает: “… бысть знамение – того места, где звезда была на небеси, явился яко змей образом, без главы стояше…”

Есть и третья – новейшая – из гипотез, которую мы называем цивилизационной. Но чтобы начать о ней разговор, нужно напомнить теорию возникновения жизни на Земле. Биосфера на планете появилась, можно полагать, не менее чем три миллиарда лет тому назад. С 570 миллионов лет началась палеозойская эра, которая примерно в 270-миллионнолетии сменилась мезозоем – он тянулся 173 миллиона лет. Те времена мы отсчитываем сотнями миллионов лет по той причине, что не знаем о них практически ничего. В границах таких огромных периодов могли возникнуть, очень медленно развиваться и исчезать разные цивилизации – не обязательно человеческие.

Известно, как долго господствующим классом среди живых существ на Земле были рептилии. Они овладели водным пространством, сушей и даже небесами. В юрский период ящеры господствовали на планете. Хорошо сегодня представляемые – хотя бы по фильмам, они поражают своим могуществом, разнообразием видов

и жизненной силой. Даже если развитие этих холоднокровных шло чрезвычайно медленно, все равно за десятки миллионов лет оно могло привести к закономерному результату – возникновению разума. Природные катастрофы, которые случались в истории планеты неоднократно и уничтожали большую часть фауны, как раз содействовали выживанию самых умных существ [45, 22].

Можно предполагать, что ящеры пережили ледниковый период, а также космический катаклизм XI тысячелетия до н. э., и какое-то время, пока людей было мало, властвовали на Земле. В древнем египетском папирусе под названием “Повесть о потерпевшем кораблекрушение” (2000 г. да н. э.), который сохраняется в единственном экземпляре в России, рассказывается о встрече героя с представителем намного более развитой, чем человеческая, цивилизации змеев. Змей жалуется занесенному на одинокий остров человеку, что все его родственники погибли от упавшей звезды, и он остался один. Ему грустно, тяжко, тоскливо. Владея даром предвидения, огромный змей длиною 30 локтей (примерно 15 м) предсказывает путешественнику его будущее, которое исполняется [19, 288]. Даже если это художественный вымысел, то он показателен. Если же это предание, то оно необычайно интересно тем, что сообщает и о катастрофе, которая произошла, скорее всего, из-за падения на Землю астероида, и о разумных ящерах.

В уникальном литературном произведении чувствуется авторская симпатия и жалость к представителю погибшей цивилизации. С другой стороны, в мифологии Древнего Египта, в котором был исключительно развит культ Солнца, огромный змей Апоп – как раз противник бога солнца Ра. Апоп властвовал над бескрайним подземным царством, плавал по подземному Нилу (а Ра – по небесному) и всячески старался помешать восхождению солнца утром, но каждый раз терпел от него поражение.

Змеи во всех мифологиях – жители подземной сферы, морских глубин или горных пещер. Литовское название такого змея Дугнай даже соотносится со словом “дно”, а сербское – Бадняк – с “адом”.

В Индии, с одной стороны, очень почитают змея Шешу с двумя руками, который создал мир и служит ложем для бога Вишну, но, с другой стороны, герой Вед Индра сражается и убивает змея Вритру, который “не человек и не бог”, но необычайно могучий и держит в себе , “закрывает” всю земную воду. Мы полагаем, что такое противоречивое отношение к змеям в Индии обусловлено разными расовыми предпочтениями: белые арийцы, создатели Вед, поселившиеся в стране, по официальной версии, во II тыс. до н.э.,

воспринимали гадов исключительно отрицательно, а вот для черной, аборигенной в Индии расы – дравидов – как раз был характерен культ змей [14, 283].

Предания о Мировом Змее, который держит на себе мир, саму Землю или же окружает ее, встречаются у многих народов и, по косвенным данным, датируются примерно IX тысячелетием до н. э., то есть по прошедствии трех тысячелетий после возможной всепланетной катастрофы. Людей тогда еще было очень мало, но в дальнейшем они освоились, размножились, почувствовали свою силу и перестали бояться змеев, раньше господствовавших на планете, сохранив, впрочем, к ним почтение. Более того, в мифах некоторых народов змеи – наставники человечества. Так, у эвенков змей Дябдар вместе с мамонтом участвовал в сотворении мира, а потом лечил больных. Вьетнамский Лак учил людей выращивать рис, разводить шелковицу, создал первую державу. На территории Мексики открыли чрезвычайно древний ацтекский рельеф с изображением жреца, который отправляет ритуал под непосредственным присмотром огромного змея, склонившегося над человеком. В верованиях многих американских народов змеи – именно творцы и учителя людей [45, 24]. Причем они не только помогали людям, но и руководили ими. Подобные же взгляды встречаются и на Ближнем Востоке. Так, в Финикии властвовали змеи-цари. Один из них – Кадм – переплыл море и основал в Греции город Фивы. Он же дал грекам алфавит, которым они пользуются до сих пор, да и наш, кириллический, на его основе создан. Конечно, это миф, а на самом деле алфавит финикийцы позаимствовали у шумеров, но все равно змееподобность просветителя и культурного героя Кадма – показательный факт. Греческий бог медицины Асклепий (Эскулап) сначала был змеем, потом приобрел антропоморфный облик, но сохранился в эмблемах всех аптек на земле в виде змеи над кубком с ядом, который в малом количестве лечит. Несколько змеиных поколений (народа, тотемом которых была змея) властвовали в Аттике, да и позже покровительницу столицы Греции богиню мудрости Афину всегда сопровождал змей Эрехтейон (возможно, инкарнация Кадма). Ему даже посвящен маленький, но необычный по архитектуре храм на Акрополе, в котором строители впервые в мире в качестве колонн использовали кариатиды – скульптуры в виде девушек.

Древние предания армян утверждают, что у подножия священной горы Арарат поселились потомки разумных змеев – вишапов, а на вершине горы живет сам Змей-царь. В Индии змееподобные наги считались мудрецами и жили в подземном

царстве, где владели колоссальными богатствами. Вообще все змеи стерегли что-то необычайно ценное, о чем мы упоминали в предыдущей статье. Причем яблоки Гесперид или Золотое Руно, несмотря на “вещественность” их названий, на самом деле вряд ли что-то материальное. Скорее всего, это таинственные знания, оставленные прежней цивилизацией ящеров. Мифы о кладах сложились, видимо, тогда, когда людям и змеям жить рядом уже стало невмоготу. Людей раздражало величие гадов, да и вид их вызывал брезгливость; змеи же устали от человеческой суеты, которая никак не соответствовала их флегматизму (подобно темпераменту удава Каа в “Маугли” Р.Киплинга). Змеи могли переместиться в пещеры, подземелья, залечь на речном и морском дне. Мы писали в предыдущем очерке, что многочисленные встречи с морским змеем зафиксированы документально, значит, сведения о них уже переходят из разряда мифов в историческую реальность.

Впрочем, скорее всего, никакой цивилизации змеев не было – это занимательный современный миф. Но была докатастрофная (в буквальном смысле – допотопная) великая цивилизация, от которой, действительно, сохранились какие-то удивительные знания или вещи, и вот чтобы люди не покушались на места их хранения, для отпугивания, сторожа-жрецы придумали охранителей-змеев. Удивительно, однако, другое. В наше время как-то очень последовательно и неуклонно бизнес и СМИ приучают людей, в частности молодое поколение, к динозаврам: фильмы, анимация, игрушки. Кошмарные динозавры похожи на мифических драконов, но почему современные люди должны видеть в них красоту? Тоже таинственно и непостижимо.

Змеев и драконов в эпосе многих народов часто путают, называют одних именами других. Может быть, это мифические родственники. Скорее всего, змеи – старше, потому что в космогонических мифах очень часто встречается Мировой Змей, живший в начале времен. Большинство героев европейских народных эпосов и сказок сражаются все же с драконами, хотя у славян традиционный персонаж по-прежнему – Змей Горыныч. Решить проблему тождества или отличия змеев и драконов пока сложно. Некоторой подсказкой (кто был раньше) может быть корейский миф о змее Имуги. Он много-много лет неподвижно пролежал на морском дне, потом трансформировался (?), превратился в дракона и вознесся на небо [71, I, 512]. Но что на самом деле это означает – неизвестно. Именно драконов (то есть трансформировавшихся змеев) почему-то особенно почитают на Дальнем Востоке. Впрочем, в Китае дракон –

все же, по самым архаическим представлениям, – более небесное существо, а на земле он воплощается в змея.

Белая же раса, что заселила просторы Евразии, жить со змеями вместе – даже, так сказать, в мифах – не пожелала. Существует мнение некоторых исследователей, что для арийских народов именно Змей символизировал восточных завоевателей-кочевников. Правда, множество фактов свидетельствуют о страхе и преклонении перед действительным, а не символическим, змеиным народом со стороны автохтонов Европы, Азии, Америки, Австралии. Хотя не может не вызвать удивления аналог Великой Китайской стены на территории России, Украины и Молдовы – так называемые Змиевые валы, протянувшиеся чуть ли не на три тысячи километров, которые могла соорудить только высокоразвитая цивилизация и именно как защиту от кочевников.

В великом иранском эпосе "Шах-намэ", созданном гениальным Фирдоуси, говорится о вековечной борьбе Ирана и Турана – арийцев и кочевников за владения Великой Степью – огромным пространством, которое протянулось от Монголии, Алтая в Азии до Венгрии в Европе. Арийцы в мифах неизменно сражаются со змеями и драконами. Зевс хитростью одолел дракона Тифона. Солнечный бог Аполлон победил змея Пифона, рожденного из грязи, оставшейся после Всемирного Потопа, и закопал его в местечке Дельфы (что означает "чрево"). Геракл победил Лернейскую Гидру и сошелся с прекрасной лицом, но змееподобной Ехидной, родившей от героя трех детей. Змееподобные титаны – второе поколение богов после Урана и Геи (именно змееподобными они изображены на знаменитом Пергамском алтаре), – были побеждены олимпийцами и, осужденные на вечные муки, сброшены в бездны. Необычайно активно сражаются со змеями солнечные герои скандинавско-германской мифологии – Сигурд, Рогнар, Ладброк, Зигфрид. Не отставали от них и славянские змееборцы – Илья Муромец, Добрыня, Дунай, Кузнец, Микула Селянинович. Герои кельтского эпоса о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола только борьбой с драконами и занимались, причем не просто с абстрактными существами – каждое из чудовищ имело собственное имя. Племя змеев в Европе уничтожалось повсеместно и неуклонно. Каждый рыцарь считал своей святой обязанностью обязательно убить змея – над этим смеялся выдающийся американский писатель-юморист Марк Твен в своем пародийном романе (пародировался именно кельтский эпос) "Янки при дворе короля Артура". Но в средневековой литературе, в которой не было места шуткам, центральным оказался именно этот сюжет. Люди, как

известно, победили, хотя сегодня буквально одержимы интересом к динозаврам. И все же эпос европейцев, русские былины и славянские сказки о змееборцах отразили какие-то очень важные природные или общественные процессы. Но какие? Ясно одно: огромное количество текстов не могло возникнуть случайно.

Итак, существуют две популярные версии, объясняющие широкое распространение мифологическо-сказочно-литературного сюжета – борьба с реальными змеями-динозаврами и вечное противоборство земледельцев и кочевников, в котором последние символически представлены в обобщенном образе Змея. Первая из приведенных версий о разумных динозаврах (змеях и драконах из мифов), конечно же, фантастическая, невероятная, хотя она совсем не хуже любого современного мифа, который претендует на научность (например, об НЛО). Более того, в пользу этой версии говорят многочисленные факты. Так, фараоны Египта (как и раджи Индии) носили на головных уборах – тиарах, коронах – изображение священного змея Урея, который, можно предполагать, воплощал энергию, магическую силу владыки (его “третий глаз”). В самом известном храме античного мира в Дельфах жрицы-предсказательницы именовались пифиями – по имени закопанного под полом храма змея Пифона, то есть пророчествовали как бы его устами (тем более, что его голова оказалось бессмертной и продолжала дышать под землей – именно надышавшись этими испарениями и начинали вещать пифии). У индейцев Америки пернатый змей Кецалькоатль даровал людям все блага цивилизации (о других подобных культурных героях мы уже говорили). Сам Христос призывал своих адептов быть мудрыми, “как змеи”. На белорусском и украинском Полесье до XX века сохранялся обычай держать в домах ужей как домашних защитников-домовых. Значит, был страх, было отвращение и ненависть со стороны людей к змеям, но было и почитание как чего-то, безусловно, высшего.

Однако все же самое интересное в нашей теме – символическое наполнение образа, разные семантические его трансформации. Тут проблем буквально не счесть. Например, такая. Сразу после мифологической победы над змеями возникает культ волка-собаки. Видимо, волк был уже окончательно приручен и стал домашней собакой. Но почему так много оказалось близкого в функциях змеев и волков? Ничем же биологически не похожи между собою эти существа! Почему они даже смешивались? Достаточно вспомнить первопредка сербов Змея Огненного Вука (то есть Волка) и белорусского Всеслава Полоцкого, известного как Чародей, –

оборотней, рожденных, по народным преданиям, от Огненных Змеев. Эротическая функция – едва ли не главная в этом образе. При этом Змей, сам огненный, уничтожается огнем же – в белорусских и русских сказках либо непосредственно Огнем, либо царицей Маланьицей (то есть маланкой – молнией). Правда, Огненный Змей – может быть, только с виду огненный. А молния – ведь не огонь в привычном смысле слова, а поток направленных частиц, к тому же связанный с водой – грозовой тучей. В том-то и дело, что все эти мифологические существа – Огненный Змей, Огонь, Маланьица – на самом деле из разных сфер и разной природы. Но что реально они означали?

Кстати, многие змеи в сказках дышат огнем. Само слово Тифон (Змей, побежденный Зевсом), означает "дымящийся". Сначала Тифон охватил Зевса кольцами своего хвоста, похожего на клубы дыма, но затем Зевс его победил – именно молниями, своим основным оружием. Мифологи-позитивисты, следуя за А.Афанасьевым, наивно объясняли их бой как символ засухи, которая заменяется дождем. На самом деле, бой двух противоположных начал жизни имел более глубокий космогонический смысл. Скажем, сначала Земля была горячая, и остывала благодаря воде с неба. Или еще шире: Зевс – добро, которое несет Небо, змей – планетарные силы, независимые от благодеяний с неба. Змей противостоит небесной опеке, потому что, собственно, воплощает собою саму Землю в ее самодостаточности, ведь и физически сначала образовалась Земля, а затем уже вокруг нее – атмосфера, то есть то, что мы называем Небом. Однако Змей побежден, поскольку все же Земля как планета без энергии Космоса существовать не может, а Зевс эту энергию собою воплощает, как бы концентрирует в себе, чтобы передать всем живым существам на Земле. Или же, если перевести в философский план, материя сама по себе не может существовать – без духа. Правда, она постоянно напоминает о себе (Пифон дышит из глубин) – с той энергией, которую заложил в нее дух. Видимо, подобное противостояние избавляет мир от застоя и способствует развитию.

Таким образом, змей прежде всего ассоциируется с землей, сами эти слова – родственные. Безусловно, "змей" – эвфемизм. Как считает израильский ученый Ариэль Голан, первоначальное название животного – "гад". У древних ханаанцев, живших на земле Палестины в добиблейские времена, был бог Ваал-Гад (собственно, тот же самый Велес). От "гада" происходит славянское слово "гадать", то есть быть прозорливцем, как Змей в египетском папирусе о путешественнике. Но есть еще одно название – "уж" (белорусское и украинское "вуж",

иранское “az”, армянское “iz”). А. Голан соотносит слово с русским «ужас», что означает «большой страх» [24, 78–79]. Но мог ли безвредный уж вызывать ужас? Значит, дело в том, что он был похож на того, кто “большой страх” действительно внушал. У западных славян, кстати, сказочный змей назывался Яжа, что близко и к “ужу”, и к мифологическому белорусскому Ящеру. Еще одно название – Цмок (Смок) (от “смоктать” – сосать) – характерно для белорусского, чешского, болгарского языков [100, II, 334].

Безусловная хтоническая природа Змея определяет соотнесенность его с подземным миром умерших. Змееподобный бог Велес и был славянским царем мертвых. Связь с подземным миром обусловила антогонизм Змея и Солнца. У южных славян Змея поглощала Солнце, кусала его в глаза. У других славянских народов Солнце страдает от магического страшного взгляда Змеи: у белорусов и поляков оно потухает и уменьшается. Вот почему убитую змею нельзя вешать на солнце, иначе солнце будет багроветь, болеть и плакать [100, II, 334]. С другой стороны, в египетской “Книге мертвых”, которая рассказывает о путешествии Солнца и вместе с ним человеческой души, Солнце, прежде чем вырваться утром из недр земли, обязательно поглощается Змеем Апопом и медленно, с большим трудом, продвигается через его гигантское тело. Вот откуда, по нашему мнению, важнейший сюжет в инициальных обрядах, который сам В.Пропп – выдающийся российский исследователь сказок. – не мог понять, а только констатировал: неофит глотается каким-то чудовищем (именно змееобразным), из пасти которого выходит уже в новом качестве. Проще говоря, путь Солнца и души человека под землею (в потустороннем мире) происходит через змею как через своеобразный проход, потому что непосредственно через почву не пробиться. А значит, хотя Солнце и Змей – антагонисты, но тем не менее один без другого они существовать не могут. Герой-Солнце – всегда победитель, потому что оплодотворяет косную материю, но, с другой стороны, Солнце не возродится, не пройдя через тело Змея, а это говорит о какой-то общей первопричине, которая этот антагонизм породила.

Природа мифологического Змея во всем амбивалентная. Он огненный, но он же связан и с вечно переменчивой стихией воды (в которой змеи меняют шкуру). Академик Б. Рыбаков считал волнистую линию на неолитической посуде символом одновременно и воды, и змеи [94, 213]. Образ Змеи (Змея) развивает тему рождения и смерти, заключенную в архетипе водного хаоса, который хранит в себе идею плодородия. Потому часто Змей связывается не только с подземным

миром, но и с Мировым Океаном, вообще водной стихией. Между тем, неоформленная стихия воды связывается и с разрушением, потому Змей, который ее воплощает, все же всегда представляется ужасным чудовищем. Бог-громовник Зевс или солнечные боги, начав бой с Мировым Змеем и другими порождениями беспорядочного Хаоса, чтобы создать свой оформленный мир, продолжают борьбу уже как покровители созданного гармонического Мироздания, побуждая Змея постоянно отдавать принадлежащие ему потаенные ресурсы (ту же воду).

Таким образом, в контексте космогонии Змей – как бы Первоначальный Океан, из которого все возникает и в который все возвращается, первобытный недеферренцированный Хаос, остающийся на периферии нашего организованного мира [98, 138]. Змея (Змей) может быть опорой для Мироздания, поддерживать его или окружать, делаясь Ураборосом – символом цикличности. Разные мифологические змеи (Вритра, Крак) контролируют силу воды, окружают ее собою или поглощают, короче, как говорится в мифах, – “закрывают” воду. Само слово “Вритра” означает “затор”, “препятствие”. В южнославянских топонимических легендах со змеей связано происхождение извилистых речек. И в Беларуси есть несколько речек с ласковым названием Змейка. Не говоря уже о многочисленных гидронимах, образованных от слова “уж”. В Польше верят, что дождь на землю посылает змея. Наиболее известный миф в Литве – про Эгле, королеву ужей, – девушку, вышедшую замуж за короля ужей. Действительно, у всех славянских и балтских народов существуют поверья о Змеином царе или царице, или Царе-Уже. Классик белорусской литературы Максим Богданович несколько раз в своем творчестве упоминал этот персонаж, указывая на главную его примету – золотую корону или рожки. На Беларуси верили, что Змеиный царь живет под белым камнем (аналог бел-горюч камня Алатыря) или в болоте. Владение его короной или рожками дает человеку счастье, исполнение всех желаний, власть, защиту от змей и болезней, способность видеть клады, лечить людей, понимать язык животных. Таким образом, в нашем фольклоре все же остались осколки древнего мифа о связи змей с чем-то очень ценным, первосущностным.

Огонь, вода и земля – стихии, с которыми более всего связан змей. Но осталась еще воздушная стихия, а в ней – Воздушный Змей или его женская ипостась. У славян считалось, что Воздушный Змей происходит от животных, переживших свой срок: от сорокалетнего ужа или ящерицы, или семилетнего петуха. В других поверьях такой

Змей рождается в результате половых контактов мифологических существ, например, Змея и самовилы (русалки) или от женщины и Змея, или связи мужа и жены, которая произошла в ритуально запрещенные дни. Воздушным змеем у болгар делается и так называемый “посмъртничета”, то есть ребенок, рожденный после смерти своего отца.

Воздушный Змей рядом своих характеристик все же отличается от Огненного Змея. Беременность женщины, вынашивающей такого монстра, длится неестественно долго – 15–20 месяцев. Дитя-“змей” рождается с крыльями и почти сразу начинает ходить. В принципе это оборотень, потому что его вид меняется в зависимости от того, на земле он или в воздухе. Главная функция – способность воздействовать на атмосферные явления (в то время как у Огненного Змея основная функция – эротическая). Можно полагать, что Воздушный Змей символизировал в одних случаях радугу, в других – вихрь. И в таком случае выступал как посредник между Землей и Небом. Впрочем, когда-то и он играл космогоническую роль. Известен миф о сотворении мира доэллинского населения Греции – пеласгов: Земля-Эвринома кружилась в стремительном танце, в результате чего образовался вихрь – Змей, от которого она зачала жизнь. Миф явно свидетельствует о первых этапах формирования Солнечной системы и Земли в результате вращения пылевидного облака.

Центральная ось, что соединяет Землю и Небо, Землю и Подземный мир, как известно, – Мировое Древо. Во многих мифологиях Змей непосредственно связан с этим глобальным образом. Змея, обкрутившаяся вокруг дерева или иного “осевого” символа, означает пробуждение динамической силы, дух всего, что растет. Западные мифологи считают, что Космическое Древо символизирует мужское начало, а Змея – женское [53, 215]. Но нам представляется, что Древо Жизни, обвитое Змеем, который символизирует зло или, во всяком случае, силу, противоположную Божественной (так в Библии), указывает на тесную связь между жизнью и смертью, которая является истоком всего зла.

Действительно, библейская традиция наложила приметный отпечаток на символику змеи у многих народов Евразии. Змей становится безусловной персонификацией зла, в борьбе с которым Добро и может проявиться в мире. Слово “зло”, видимо, родственно слову “сила”. Может быть, наши предки, создатели языка, хотели подчеркнуть нежелательность излишнего проявления энергии, которую и воплощает змея? Дьявол, в виде змея искусивший Еву,

отделил от Бога себя и человека, положил начало небесной битве Добра со злом и борьбе человека за свое существование: отделенные от Бога, изгнанные из Рая, Адам и Ева с того времени самоуверенно выживают за счет собственных ресурсов. Но ресурсы, в конце концов, будут исчерпаны (уже кончаются). И это значит, что дьявол проиграет борьбу с Богом, а Адам и Ева не овладеют земными богатствами, потому что отделили себя от Бога (Природы). Возможно, образ дьявола отражает и потребность человеческого разума иметь перед собой образ врага ради динамики мышления.

Чрезвычайно интересно отношение к змеям в Китае. В одной из самых известных старинных повестей – "Белая змейка" – рассказывается о девушке-змее – оборотне. Все время она появлялась на пути героя, становясь его то возлюбленной, то женой, и всегда неизменно принося несчастья. И все же он вновь и вновь попадает под ее власть, не в силах расстаться с ней, как и несчастные женщины-солдатки и вдовы в славянских преданиях не могли освободиться от Огненного Змея, часто являвшегося в виде умершего мужа или красивого парня. И все же в китайской повести есть существенное отличие от славянских былей – неприкрытая жалость к несчастному созданию – этому самому оборотню: девушка-змея действительно любила героя. И все же самой своей природой несла ему зло – словно такова вообще женская сущность... Так же и в классической поэзии: "Я знаю – // Змеи впереди меня // И яростные тигры // Позади" (Ду Фу), то есть на жизненном пути встречаются постоянные препятствия, события и люди, несущие неимоверные сложности.

Все же на Востоке, да даже и в Средиземноморье, со змеями связаны женские инициальные союзы и, стало быть, многочисленные обряды. Так, Клеопатра совсем не случайно умерла от укуса аспида – именно только так и должна была умереть царица божественного происхождения. В романе «Саламбо» французского классика Гюстава Флобера героиня – царевна Карфагена – держит у себя удава, за которым трогательно ухаживает и по состоянию которого судит о грядущих событиях. По известному в древности преданию, которое вошло и в литературные произведения, царь Македонии Филипп порвал с женой Олимпиадой, матерью Александра, потому, что увидел в ее спальне огромную змею. Известный советский писатель Иван Ефремов в своем историческом романе «Таис Афинская» описал очень архаический, именно инициальный, страшный обряд «Поцелуй змеи».

Змея как универсальный символ интересовала многие философские школы, например, гностиков поздней Античности и

раннего Средневековья, и особенно адептов секты так называемых наасенов (ад naas – змея), которые считали “змею” существующей во всех предметах и существах. Это сближает их с индийскими йогами с их верой в змею Кундалини – образ внутренней силы. Действительно, Кундалини, которая якобы лежит в самых нижних отделах спинного мозга, но поднимается даже к голове, раскрывая третий глаз, может пониматься как сила, восходящая от области, что контролируются половыми органами, до уровня мысли [48, 198]. Вот почему фрейдисты рассматривают Кундалини как символ сублимации. Но все же более вероятна другая версия: змея – злая, греховная природа человека, которую он должен преодолеть в себе. Именно так можно понимать и образ белой змеи в мудрой китайской повести.

Вообще же, К.Г. Юнг был прав, когда считал змею архетипом, – это значит, универсально-глобальным символом, который выявляется у всех людей на подсознательном уровне и продуцирует из себя другие символы, близкие по смыслу к первооснове. Действительно, змей – тот бог ранних космогоний, который стал отправным пунктом для разных духовных и психологических интерпретаций. Змей – в высшей степени сложный, амбивалентный, противоречивый образ. Как существо убивающее, он означает смерть, но поскольку периодически меняет кожу, – жизнь. Это и связь с солнечным началом, и тьма, добро и зло, мудрость и слепой эротизм, лекарство и яд, охранитель и разрушитель. В целом змея – проявление силы, энергии на любом уровне, исток всего потенциального как в материальной сфере, так и в духовной. Она может быть культурным героем, как Кадм, и мифическим предком, как наги у многих дравидских племен Индии. Она всегда связана с Великой Богиней – Землей-Матерью и потому несет плодородие, а на уровне психологическом означает коварство, хитрость, грех. Справедливо пишет известный румынский мифолог Мирча Элиаде (правда по другому поводу): “Что разделено и антагонистично в космической реальности, то соединено, обобщено в божестве” [123, 284] – в данном случае в таком исключительно сложном образе, как Змей.

ЛОШАДЬ (КОНЬ)

История лошади – едва ли не единственное подтверждение эволюционной теории Ч.Дарвина, да и то с большими оговорками.

Пятьсот миллионов лет тому назад Земля выглядела совсем иначе, чем сегодня. Климат был теплый, суша и океаны имели совсем другие очертания, и везде росли тропические влажные леса. По тем

болотистым лесам бродило маленькое существо, похожее на небольшого барсука – эогипус. Был он горбатенький, как сказочный Конек-горбунок, и полосатый, а на ножках имел по три пальца. Ничем этот зверек не напоминал современного коня.

Но изменялся климат, а с ним – и фауна. Через несколько этапов развития эогипус превратился в утонченного гипериона, который бегал уже на одном пальце – так удобнее, а похож был на ослика. Неисчислимые стада гиперионов заселяли степи Евразии и Америки – кости их находят чуть ли не по всему миру [31, 66–68].

И дальше с предками лошади происходили довольно загадочные процессы. Так, археологи фиксируют остатки лошадей буквально богатырских – больше самого огромного современного тяжеловоза, и одновременно попадаются другие – меньше самого маленького пони. Пожалуй, можно говорить о расах лошадей, как и о человеческих расах (хотя в наше время это не совсем политкорректно). Непонятные природные катаклизмы привели к тому, что в Африке сохранились только зебры и ослы, а в Америке лошади вообще полностью исчезли и снова были завезены ужо испанцами в XVI столетии. Интересно, что в мифах индейцев сохранились какие-то смутные воспоминания о лошадях, хотя ученые утверждают, что те вымерли еще до появления в Америке человека.

В результате длительных и необычайно сложных трансформаций природа в конце концов вылепила удивительно гармоническое создание – буквально произведение искусства – лошадь, и жизнь ее на тысячелетие соединила с жизнью человека.

Палеолитические люди лошадь, как и быка-тура, очень часто рисовали. Целое стадо древних лошадей изображено в пещере Ласко в Испании (20000 лет тому назад). Ростом те лошади были невысокие, коротконогие, темно-гнедые, с небольшой головой и могучей шеей. Все их современники – мамонты, пещерные медведи, шерстистые носороги, саблезубые тигры – давно исчезли с лица земли. А вот лошади сохранились. Когда сравнили найденные в шахте останки древней лошади с современной якутской породой, оказалось, что они ничем не отличаются друг от друга. Толстая шкура, длинная шерсть, умение копать (копытить) снег позволили современнику мамонтов дожить до XXI столетия [2, 10–11].

Особенно обращает на себя внимание то, что лошади якутской породы – лесные, живут в тайге, хотя обычно считается, что биология лошади лучше приспособлена к существованию в степи. Именно степная дикая лошадь *тарпан* встречалась еще в XIX столетии на территории Украины: это было животное пепельно-серого цвета, с

темной полосой по хребту, а на ногах – с поперечными полосами, как у зебры. Возможно, что от каких-то лесных лошадей (типа якутских) и от тарпанов происходит та древняя белорусская порода, о которой напомнил широкой публике классик белорусской литературы Владимир Короткевич в своей знаменитой повести “Дикая охота короля Стаха”: “Это были настоящие полесские дрикганты, порода, от которой сейчас ничего не осталось. Все в полосах и пятнах, как рыси или леопарды, с белыми ноздрями и глазами, которые отливали в глубине красным огнем.” [49, 183]. Возможно, именно на таких лошадях завоевали наши предки индоевропейцы колоссальные просторы Евразии. Но сохранились легендарные кони только у нас, в полесских болотах, потому что Полесье – вообще как бы “консервы” всего природного и культурного европейского мира – от растительных форм до обрядового фольклора.

Кстати, и в Китае часто встречается пегая, или пятнистая, лошадь под названием *тангум*. По росту китайская лошадь невелика – очень похожа на якутскую, но чрезвычайно сильна. Северные китайцы, монголы и манчжуры издавна разводили лошадей и очень ценили их. Известный английский путешественник Джон Генри Грэй, посетивший Китай в середине XIX века и оставивший подробное описание страны, отмечал, что в каждой конюшне был устроен жертвенник в честь Мавана – Царя лошадей. В больших и малых городах обязательно существовали храмы, посвященные этому божеству [27, 462]. Сегодня чрезвычайно пышно отмечается в Китае Новый год. Среди персонажей праздника – домашний божок Цзао-Ван, который именно в эти дни отправлялся на небо, чтобы доложить Небесному Владыке о делах в данной семье. Божка задабривали жертвами: курили перед его изображением свечи, ставили кушанья. Задабривали и лошадь домашнего духа, на которой он ездит на небо: “для нее ставили два блюдца – одно с водой, другое – с мелконарезанным сеном. На сено обычно клали шнурок красного цвета из хлопчатобумажных ниток – узду для священной лошади” [98, 27]. И божку, и животному воздавали, по существу, одинаковые почести. И это очень характерно для архаичных верований.

Приручение дикого коня было делом необычайно трудным, на него понадобились столетия. Ученые предполагают, что сначала приручили осла, потом верблюда, и только в последнюю очередь – лошадь. Однако когда и где это произошло – трудно сказать. И все же важное доказательство – самые древние (IV тыс. до н. э.) ритуальные могильники с конем на правом берегу Днепра – указывают на Украину как на место укрощения тарпана. Сегодня уже не

оспаривается тот исторический факт, что территория Молдовы и Украины – одна из прародин индоевропейцев, откуда она расселились как на запад, так (во II тыс. до н. э.) и на юго-восток – в Иран, Индию. Причем все переселенцы двигались на лошадях и гнали их перед собою: в стадах, принадлежащих арийцам, лошади составляли до 80 %. Это говорит о колоссальной важности животного для тогдашнего человека. Но исследователи категорически утверждают: приручение лошади могло произойти только у оседлых народов. Значит, не кочевник оседлал коня, а конь приучил человека кочевать, путешествовать, заселять все новые и новые территории.

Известно, что арийцы принесли с собою в Индию систему каст (варн), то есть, говоря упрощенно, сословий. Основных каст было три (уже в Индии добавилась четвертая). Люди, принадлежащие к той или иной касте, отличались своим внешним видом, поведением, цветом одежды и мастью лошади. Брахманы (жрецы) одевались в белые одежды и ездили на серых (сивых) лошадях, кшатрии (воины) – на бурых, а вайшьи (пастухи, ремесленники) – на каурых (типа наших дрикгантов). Отсюда становится понятной известная формула русских народных сказок, которую использовали герои для вызывания волшебного коня: “Сивка-бурка, вещий каурка”. Одни сказочный персонаж – чудесный конь -- воплощал силу всех трех каст, иначе говоря, мощь всей общины! Может, потому он так много и умеет в сказках?

Но значение лошади и в реальной жизни тяжело переоценить. Ее использование буквально изменило ход человеческой истории. Раньше каждое племя сидело на месте, только постепенно отселяя от себя молодых людей, а если и передвигалось, то на медлительных быках-волах. Лошади же позволили по Великой Степи, что раскинулась от Алтая до Дуная, пробегать буквально сотни километров за считанные дни. История спорта подтверждает наше соображение. Так, в 1935 г. на конях ахалтекинской породы туркмены прошли от Ашхабада до Москвы, а это 4300 км, за 84 дня. Пустыню Каракумы (360 км) они пересекли за три дня. Но это рекорды. А вот из нашей белорусской истории известно, что после взятия полоцким князем Брячиславом (отцом знаменитого Всеслава Чародея) Новгорода (между Полоцком и Новгородом шла постоянная борьба за волоки на знаменитом пути “из варяг в греки”) киевский князь Ярослав Мудрый бросился за полочанами и настиг их на реке Судоме. От Киева до Судомы приблизительно 800 км. А прошли этот маршрут киевляне за семь дней. Значит, делали в день километров по 110-115, причем не по вольной степи, а по лесному, речному,

болотистому краю (Интересно, что хотя Ярослав как будто бы победил Брячислава, но почему-то отдал ему Витебск и Усвяты, города, которые как раз и контролировали спорные волоки). Известно, что конное войско Чингисхана тоже двигалось с невероятной скоростью. Можно полагать, что и древние племена киммерийцев, скифов, аланов, готов, благодаря лошадям легко передвигались из Центральной Азии или даже Алтая в Европу. Вообще огромная равнина Евразии в IV–I тыс. до н. э. играла роль своеобразного этнического и культурного котла, из которого равномерно, через каждые 300–500 лет, выплескивались людские волны и расселялись в основном на Западе, в Европе, в Передней и Малой Азии. Только изредка наблюдалось обратное движение: те же арийцы, если считать, что в Индию и Иран они пришли именно из Украины, а не из "котла" (есть и такая гипотеза, причем очень авторитетная); однажды с территории современной Франции на восток Европы пришли галлы, создав Галицию; в VI столетии и славяне – с запада и юга на нынешние Украину и Беларусь (хотя можно полагать, что они вернулись на свою прародину, пройдя по кругу за несколько тысячелетий половину континента). Но сама возможность таких больших путешествий обусловлена именно приручением коня.

К сожалению, с ним, видимо, связаны и первые серьезные войны между народами. Самый известный в истории случай – гибель Трои из-за Троянского коня. Не зашифрована ли в этом глубоком символе роль коня вообще в войнах? Настоящей революцией во II тыс. до н. э. оказалось использование колесниц, причем, где возникли они – неизвестно (приписывают тем же арийцам), но имелись буквально во всех державах того времени от Египта до Китая. Колесница была чудом искусства, но проблема заключалась в том, чтобы совместить в ней скорость и способность к маневру с огневой силой и безопасностью воина-колесничего. Египетские фараоны решили задачу по-своему, например, в бою при Кадеше самый, пожалуй, известный из всех фараонов Рамсес II, привязав вожжи к поясу, освободил таким образом руки для оружия – лука, при этом мчался на легких тонконогих (показано на фреске) конях невероятно быстро. Его противники хетты пошли другим путем: они использовали колесницы как своеобразные танки, которые могучей организованной атакой прорывали оборонительные линии египтян, а из оружия использовали не луки, а копья. Интересно то, что и фараон, и царь хеттов (как предполагают, индоевропейского народа) одинаково были уверены в своей победе (как позже – Брячислав и Ярослав Мудрый). Кстати, именно хетты впервые создали уникальный научный труд –

“Трактат Кикули” – о дрессировке лошадей; и сегодня специалисты по коневодству пользуются некоторыми терминами и приемами воспитания лошадей, взятыми из Кикули. Правда, произведение посвящено коням, предназначенным именно для колесниц [69, 98–99].

Воины-всадники впервые возникли якобы у скифов, которые и жили в тех местах, где приручена лошадь. Персидский царь Дарий II в V ст. до н. э. с огромным войском до 700000 человек вошел в Скифию. Но вынужден был позорно бежать оттуда: скифы ни разу не вступили с персами в серьезный бой, но постоянно, с невероятной быстротой, стремительно, по-партизански, нападали, и, не давая врагам опомниться, так же мгновенно исчезали. Скифы словно срослись с конем. Есть версия, что греки придумали образ кентавра, впервые увидев именно скифа. Кстати, “скиф” – греческое название (от собственно скифского “скит” – скиталец, кочевник), сами же скифы называли себя “сколотами” – от “кола”, “колеса”. Конечно же, колесо изобрели задолго до скифов, но кто знает, от какого народа скифы происходят, и не их ли предки как раз колесо придумали?

Колесницы, а потом и кавалерия сделали войну, можно сказать, одним из наиболее популярных занятий мужчин на протяжении тысячелетий. Да и феодализм как общественный строй возник тогда, когда всадник оказался сильнее, чем десять человек пехоты. Потому в европейских языках “кавалер” или “рыцарь”, то есть феодал, и означает “всадник”. В античную эпоху всадник якобы не имел особых преимуществ, потому что, как предполагают исследователи, современное седло и упряжь возникли примерно на рубеже нашей эры. Однако в это не очень верится: стремена могли тогда делать из веревок, и они просто истлели в земле. Во всяком случае, у римлян конница была, и очень мощная. Есть всякие и другие версии, связанные с исторической ролью лошади. Например, такая. Именно в Западной Европе феодалы представляли большую опасность не только на войне, но и в мирной жизни как захватчики и разбойники: по археологическим данным, на запад от Дуная крестьяне пахали на медлительных волах и не могли противостоять конным бандитам. А вот на восток от Эльбы, то есть у славян, феодализм так, по большому счету, и не укрепился: крестьяне работали на лошадях, и рыцари преимуществ над ними, собственно, не имели [50, 107].

Что касается китайцев, придумавших свой знаменитый календарь, то они всегда интересовались лошадьми (хотя и не вывели ни одной породы), потому что по северной границе их страны постоянно передвигались неспокойные монголо-тюркские племена,

которые возили с собою свои юрты и гоняли неисчислимые стада лошадей, верблюдов и овец с гор на равнины, и обратно. Можно предполагать, что именно защищаясь от конницы кочевников, и построил император Цинь Шихуанди Великую китайскую стену. В гробнице этого императора, найденной в 1974 году и сегодня считающейся одним из чудес света, оказались скульптуры не только целой армии глиняных воинов, но и колесницы, и отдельно лежащие, с изумительным мастерством изваянные, лошади. С тех пор изящная скульптурка словно летящего коня стала своеобразным символом Китая. В классической поэзии Китая конь тоже встречается часто. Один из распространенных мотивов – вернувшийся к дому без седока конь как символ поражения в войне. Часто в войне именно с кочевниками-захватчиками.

А на другом конце Евразии, на границе с “варварами”, так же, как и китайцы, побаивались кочевников греки, но не могли сдержать устами Гомера своего восхищения перед благородными животными и теми, кто их разводил: в “Илиаде” и “Одиссее” поэт называет троянцев “укротителями коней”, Фракию – “кормилицей коней”, Фессалию – “родиной людей-коней”. И правда, совсем не варварами были соседи греков: те же скифы создали богатую и гордую цивилизацию, воспитали отважных конных воителей, ювелиров и шаманов – проводников с помощью лошадей душ в царство мертвых. Они же серьезно занимались и селекцией лошадей, передав эту науку германским племенам готов, а через них – современным европейским народам. Замечательными коневодами, согласно Геродоту, были и венеды – безусловные, как утверждают современные ученые, предки славян [51, 314].

Западные ученые высказывают гипотезу, что кони от времени приручения и до позднего Средневековья использовались – по причине своей высокой цены – только для путешествий и в военном деле, а не в сельском хозяйстве [50, 16]. Возможно, это как раз особенность Западной Европы с ее полюсами бедности и богатства. А вот наши предки – еще, видимо, праславяне – пахали на лошадях, и этим объясняется демографический взрыв III–II тыс. да н. э., который и дал возможность предкам расселиться по огромной территории (еще в X веке славянские племена занимали пол-Европы). Использование коня в сельском хозяйстве – это улучшенное во много раз земледелие, а значит, лишнее продовольствие и соответственно рост населения.

О том, как высоко ценился конь, который буквально определил и экономику, и политику архаической и классической эпох, свидетельствует сохранение в истории памяти о некоторых из этих

животных. Например, о прославленном коне Александра Македонского Буцефале. Почти анекдотический случай произошел во времена римского императора (явно полусумасшедшего) Калигулы, который сделал своего любимого коня сенатором (!).

Таким образом, ни одно домашнее животное не оказало такого многообразного и богатого влияния на человеческую цивилизацию, как лошадь.

Именно по этой причине конь вошел в культуру многих народов мира. В мифологии он двухобличный: с одной стороны, это образ героический, солярный, с другой – погребальный, хтонический.

Конь уже у III–II тыс. до н. э. широко использовался в Месопотамии, например, во дворцах ассирийских царей многочисленные высокохудожественные рельефы представляют бои на колесницах и охоту на лошадях. Но определенно сакральное значение конь приобретает у индоевропейских народов, которые его и приручили. Можно считать, что функциональный и сакральный аспекты коня развивались параллельно. О том, что этот процесс мог происходить необычайно быстро, свидетельствует практика американских индейцев. Сначала они остерегались необычных животных, завезенных испанцами, но довольно быстро научились на конях ездить – во многом даже лучше европейцев. Конь сразу же вошел и в круг наиболее почитаемых существ. У индейцев с культом коня связан не только шаманизм, личные духи-покровители, но и таинственные инициальные союзы [102, 159]. И все же в первую очередь речь должна идти о тех народах, которые укротили диких лошадей в Европе – индоевропейцах.

Арийцы-индоевропейцы принесли в Индию не только систему каст, существующую до сегодня, но и священные книги – Веды, в которых изложен арийский пантеон. Один из главных небесных ведийских богов – Сурья (Солнце) – не только перемещался по небу на колеснице, запряженной семеркой огненных коней, но и сам мог быть таким конем. Братья-близнецы Ашвины, чрезвычайно функционально близкие к греческим Диоскурам, каждое утро и вечер объезжали мир на колеснице, являясь по существу утренней и вечерней звездами. Бог ветру Ваю-Вею (у белорусов Подвей) тоже мчался на легкой колеснице. Можно полагать, что это был сословный, кастовый бог – покровитель кшатриев, которые свой стремительный бег на конях отождествляли с ветром. На санскрите – языке арийцев – “конь” – “арван”. Возможно, от названия коня и народ сам себя назвал арийским (хотя объяснений этого названия множество). Если в

поэзии индоевропейских народов конь ассоциировался с ветром, то в китайской – с облаками (что вообщем-то близко): “Их борзые кони // несутся, как облака” (Бо Цзюйи).

В религии иранцев – зороастризме – Космос представлялся колесницей, запряженной четверкой лошадей, которые воплощали собою четыре натурфилософские стихии – землю, воду, огонь и воздух (или же стороны света). Колесница делает циклические обороты, а колесничим выступает бог времени Зарван. В конце каждого цикла кони перестают слушаться Зарвана и начинают драться между собою, пока не побеждает один из них – огонь. Тогда случается планетная катастрофа.

У других индоевропейских народов кони в мифологии тоже представлены необычайно широко. Так, у хеттов, которые первые из индоевропейцев создали империю (на территории современной Турции) и, возможно, первыми стали ковать железо, главным богом считался Пирва (у восточных славян ему соответствует Перун), который ездил на белом коне Само имя Пирва, вероятно, означает “первый” (и в то же время “огонь”, отсюда «пиротехника»)).

Скифы – лучшие в мире всадники – ведут свое происхождение, согласно Геродоту, от могучего греческого героя Геракла. Однажды Геракл, гоня коней Гериона, оказался в незаселенной тогда местности около Черного моря. Он заснул, а кони тем временем пропали. В поисках их Геракл попал к Ехидне – химерическому существу, наполовину прекрасной девушки, наполовину змеи. Коней забрала она и за возвращение их потребовала от Геракла специфическую плату. Став возлюбленной Геракла, Ехидна через некоторое время отдала ему его табун. От прославленного героя женщина-змея родила трех сыновей, младший из которых – Скиф – и стал первопредком скифов. Тот же Геродот оставил описание скифских поминок. Если умирал царь, скифы убивали пятьдесят лучших его лошадей и пятьдесят слуг, затем укрепляли покойников на конях: мертвые всадники на мертвых лошадях охраняли могилу царя [28, 187].

Наравне со скифами таким же могущественным народом были кельты, которые во II тыс. до н. э. овладели Западной Европой, а в конце I ст. да н. э. – начале I ст. н. э. переживали расцвет, особенно на Британских островах. Духовный мир кельтов необычный и во многом таинственный, но мифологические персонажи изучены хорошо, потому что о них писал еще Юлий Цезарь, а в X–XI ст. кельтские предания оформили письменно в виде книги саг (“Эдда”), где, кстати, упоминается наш Полоцк.

У кельтов большим уважением пользовались женские богини, в частности богиня- покровительница лошадей Эпона. Когда Цезарь завоевал кельтскую Галлию, его легионеры были очарованы образом Эпоны и в дальнейшем римляне часто воплощали ее в изобразительном искусстве. [28, 38]. На юге Англии, на склоне меловой горы около Вентэджа, до нашего времени сохранилось огромное (110 м) стилизованное изображение коня, который, возможно, символизировал богиню [91, 11].

Странно то, что у кельтов, сохранивших, видимо, многие элементы матриархата, даже за военное дело отвечало божество в женском облике – Маха, которая однажды, беременная, обогнала в беге королевских лошадей. Она же прокляла североирландский город Ольстер. Не потому ли там уже на протяжении десятилетий тянется религиозное противостояние, льется кровь – сбывается проклятие богини? Кельты изображали лошадей на монетах, на многочисленных высокохудожественных изделиях из металла, в скульптуре.

Истоки германской культуры, как и кельтской, скифской, – в городской цивилизации юга Средней Азии: как раз оттуда индоевропейские и тюркские нашествия волнами (именно благодаря коню) накатывались на северо-запад Европы. Верховный бог скандинавов и германцев Один (недавно знаменитый норвежский путешественник и ученый Тур Хейердал доказал, что Один происходил с Кубани и был предводителем кочевых племен, которые останавливались на юге России по пути из Средней Азии, видимо, надолго) владел черным конем Слепниром, у которого было восемь ног [71, II, 456]. Советские исследователи наивно объясняли многоножие волшебного коня стремлением творцов образа – древних германцев – передать скорость. На самом деле, это связано, возможно, не только с земной, но и с хтонической природой Слепнира, на котором можно было путешествовать в потусторонний мир – Хель. Бог Один стремил к Мировому Древу – ясеню Игдрасилю, на листьях которого записаны священные руны – вся мудрость мира. Само название Иггдрасиль означает “конь Ига”, а “Иг” – “ужасный” – одно из имен Одина (всего у него было двенадцать имен). Почему древо названо “конем”? Наша теория: это связано с Космосом, ведь Мировое Древо – Ось мира. На небе в звездную ночь можно видеть колоссальное черное пятно – туманность в виде головы коня (есть и созвездие – Малый Конь): как раз космический черный конь, возможно, впечатлял и волновал древних людей. Может быть, бытовало представление, что Земная ось, продолжаясь в Космосе, упирается в этого черного коня?

В поздних германских преданиях Один стоит во главе Дикой охоты, в которой бог руководит кавалькадой душ умерших. Видимо, этот миф и стал толчком для создания известной повести белоруса Владимира Короткевича “Дикая охота короля Стаха”.

Этнически близки к белорусам балты. Их бог-громовник Перкунос мчит по небу в огненной колеснице, запряженной белым, черным и даже красным конем. Но у балтов был специальный бог лошадей Усиньш. Он едет на девяти конях или же его конь бежит одновременно по девяти дорогам. Усиньш выращивает и воспитывает лошадей, он сам – конь. Видя хорошего коня, латыши и литовцы вскрикивают: “О, Усиньш!” День почитания балтского бога совпадает с нашим славянским днем Святого Юрия, когда первый раз весною выгоняют домашнюю живность на луг. У балтского конского бога есть два сына с красными головами: один – пастух, другой – землепашец. Недаром Усиньшу жертвуют два куска хлеба и недаром крыши домов украшают с двух сторон конскими головами. [28, 67]. Дети Усиньша напоминают арийских Ашвинов и греческих Диоскуров, что говорит о древности всех этих образов, пришедших из одного арийского источника.

В литовских мифах говорится, что конь создан из солнца. Действительно, Усиньш близок к солнцу и почитается как охранитель огня. Он считается сыном небесного бога Диаваса (от имени которого происходит и Зевс). Усиньша связывают с золотой росой, медом и пивом. Он возрождается каждую весну и каждый день. Видимо, в древности он выступал как бог утренней зари, соответствовал египетскому Гору и иранско-славянскому Хорсу. Косвенно об этом напоминает его имя, близкое к латышскому aust, литовскому austi – “днеть”, латинскому austra – “восход”.

О космической роли коня напоминает поэзия Сергей Есенина:

В холмах зеленых табуны коней
Сдувают ноздрями златой налет со дней.
С бугра высокого в синеющий залив
Упала смоль качающихся грив.
Дрожат их головы над тихою водой,
И ловит месяц их серебряной уздой.
Храпя в испуге на свою же тень,
Зазастить гривами они ждут новый день.

Однако самый известный у Сергея Есенина – жеребенок, воплощение патриархальной Руси, стремящийся догнать поезд – символ городской цивилизации:

Милый, милый, смешной дуралей,

Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

(А через сто лет после Есенина вот так же, очень вероятно, и людей заменят на роботов).

Богато была разработана мифология коня у античных греков. Еще доолимпийский бог солнца Гелиос мчался по небу на четверке огненных крылатых лошадей, которые воплощали четыре стороны света или четыре поры года. Только однажды Гелиос доверил колесницу своему сыну Фаэтону, и тот не справился с управлением, едва не погубив землю, когда излишне близко приблизился к ней. Современные ученые связывают миф с какой-то космической катастрофой, что сожгла поверхность Земли: возможно, с взрывом планеты Фаэтон, которая размещалась между Марсом и Юпитером и от которой остались осколки – пояс астероидов. Трагедия сына Солнца привлекала многих художников: Леонардо да Винчи, Тинторетто, Микельанджело, Рубенса, Пуссена, в XX ст. – Пикассо. А река Эридан, в которую, по мифу, упал убитый молнией Зевса Фаэтон, это Западная Двина [3, 18].

Поэтическо-трагический миф о Фаэтоне напоминает, что кони – не только носители света, друзья, сподвижники людей, – у них множество и других функций, в том числе связь с миром умерших. В Греции кентавры (наполовину люди, наполовину кони) играли роль учителей в инициальных союзах юношей, вводя последних в мир мужества и мудрости. Миф о кентавре Хироне, наставнике Ахилла, парадигматический. Но напомним, что во время инициации, как правило, страшной, мучительной, юноша как бы умирал и, очнувшись, чувствовал себя рожденным заново. Потому конь и был связан с потусторонним миром: он – атрибут подземных богов или иногда даже образ, который принимала душа покойника. Реально же дело, видимо, заключалось в том, что во время инициации юноши должны были продемонстрировать прекрасное умение обращаться с лошадью. В своем романе “Честь имею” известнейший русский советский писатель Валентин Пикуль, славившийся своей эрудицией, рассказывает, что от всех, кто учился в Академии Генерального Штаба императорской России перед первой мировой войной требовали виртуозного владения кавалерийскими навыками, и это в эпоху, когда ход войны уже начали определять машины.

Хтонические персонажи нередко тоже связаны с конем. Медуза, которую победил герой Персей, на некоторых античных рисунках представлена с конской головой и крылатым телом. От ее

союза с Посейдоном родился крылатый конь Пегас. Происхождение Пегаса от морского бога доказывает, что в греческой мифологии конь связан со стихией воды. Само имя крылатого коня происходит от слова “pegai” – морская вода. А известно, что морские божества типологически близки к хтоническим.

На Пегасе герой Беллерофонт победил ужасную Химеру, затем женщин-воительниц амазонок и попробовал даже подняться на Олимп. Боги за нахальство покарали бывшего героя сумасшедствием, а Пегас стал возить самого Зевса, причем конь приносил верховному богу громы и молнии. У некоторых древних писателей Пегас считался конем богини утренней зари Эос. Возил он на своей спине и девять Муз: богини искусств любили Пегаса за то, что от удара его копыта открылась чудесная криница – Иппокрена, от которой получили вдохновение многие поэты древней Греции. Вот почему Пегас стал воплощать творческий порыв, символизировать высокий мир поэзии.

У соседей греков – этрусков – был не один крылатый конь, а два. Возможно, с ними и связаны близнецы Ашвины и Диоскуры. Сначала мифологические кони – самые гордые существа на свете – были абсолютно свободны: они носились в небесном просторе, часто взмывая очень высоко. Да и сами боги – как Сурья или Усиньш – часто превращались в коней. Только позже небожители стали запрягать непокорных животных, причем не только языческие боги, но и христианские святые, например, Георгий Победоносец, который явственно связан с солнечным культом. Святые и герои всегда ездили на белых лошадях, которые символизировали победу в яростном бою, может быть, и над собой, своей телесной природой.

Белый конь принадлежал и славянскому богу Световиту, чей храм находился в святом городе Арконе на острове Рюген в Балтийском море. Четырехликий бог с высокой горы наблюдал за четырьмя сторонами света и каждую ночь выезжал на коне для борьбы с врагом – видимо, богом ночи Чернобогом. С помощью божественного коня и гадали, и предсказывали будущее.

Архетип космического коня выступает опорой народного мироощущения и неисчерпаемым источником духовных сил. Недаром этот образ так широко вошел в фольклор и художественную литературу.

Он же стал неотъемлемой частью народного искусства, повседневного быта. Конские головы (сначала черепа, а затем вырезанные из дерева скульптурки), укрепленные на краях крыши, как бы уносили дом в космическую даль: вся композиция символизировала солнечную колесницу, как полагают исследователи,

пришедшую к славянам еще от скифов. Солнце присутствовало тут же, на фронтоне, в виде, например, розетки, а конскими головами украшали, кроме верха избы, и посуду, и ложки, и другие предметы; подкову вешали на дверь; часто кони в стилизованном виде узнаются в орнаменте. Свою машину водители и сегодня называют «мой железный конь»

Но особенно богато кони представлены в сказках. И хотя считается, что сказки создавались на основе мифов, далеко не просто расшифровать их сложный код. Безусловно, могут быть прямые космические реминисценции. Например, в одной из польских сказок Солнце едет в алмазной колеснице, запряженной двенадцатью золотогривыми конями (сивками), что соответствует двенадцати месяцам года. Таким образом, сказка закономерно дополнила многообразную нумерологическую символику, характерную для мифологемы коня у индоевропейцев: кони воплощали триколор (белый, черный, красный цвета), четыре поры года и четыре натурфилософские стихии, части суток; семь направлений света (четыре основных плюс зенит, надир и центр) и девять небесных сфер (у балтов).

Однако в большинстве случаев конь выступает не как нумерологический символ, а как важнейший персонаж сказки и иногда в сюжете действует даже более активно и продуктивно, чем персонаж-человек, что и делает сказку одним из наиболее таинственных жанров словесного художественного творчества.

Но прежде чем говорить о роли коня в сказках, отметим функцию сказки как таковой. Сказка – связка. Рассказывать сказку – значит, в первую очередь связывать, составлять слова и предметы, ими обозначаемые. Сказка устанавливает разнообразные отношения и связи, не случайно такое большое значение здесь имеет продвижение в пространстве – дорога, встречи на ней. А где дорога – там лошадь. Правда, в довольно значительной части белорусских сказок (по расчетам молодой исследовательницы Славяны Шамякиной, до четверти), герой путешествует пешком. Значит: либо эти сказки такие древние, что сложились еще до приручения коня, либо на их персонажей не возлагались те задачи, которые решались с помощью коня. А важнейшая из этих задач – борьба с противником – хтоническим существом (Змеем, Цмоком) и путешествие на тот свет для того, чтобы вернуть с помощью коня наивысшую ценность – чаще всего любимую женщину [120, 24–30].

В китайских сказках и старинных повестях герои так же, как и в сказках европейских часто путешествуют на лошадях. И здесь так же роль лошади очень велика. Так, в сказке «Химеры Пэн Хайцю» из «Рассказов Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина герой превращается в лошадь, причем все понимает, но не может говорить. Это живо напоминает подобное превращение – в осла – героя «Золотого осла» древнеримского писателя Апулея. В сказке народа чжуань «Волшебная парча» сказочная лошадь – каменная, и оживить ее можно, вложив в пасть собственные зубы. Образ довольно необычный. Вероятно, каменность лошади и возможность ее оживления от зубов (кости) указывает на ее принадлежность к хтоническому миру.

Конь, как полагает израильский исследователь А.Голан, сам по себе – из хтонического мира, его порождение: “Конь не только “переносил” умершего на тот свет. Он, как и его предшественник олень, представлялся представителем потустороннего мира” [24, 49]. Ученый обращает внимание на демонический характер коня в ритуалах. Действительно, на Купалье полешуки сжигают в костре череп коня как воплощение “видмы”, смерти. В Литве сохранились древние надмогильные сооружения в виде головы коня. Буквально у всех индоевропейских народов конский череп выступал в виде строительной жертвы – закладывался в фундамент при строительстве зданий. Но он же, череп, – и оберег. В архаической украинской сказке “Кобиляча голова” в избушку к девочке постучалась конская голова. Последовательно выполняя все просьбы головы – вплоть до прохождения через ее уши – девушка превращается в красавицу и приобретает богатство [75, I, 119–120].

Влезать и вылезать через уши коня (реже – коровы, в результате чего изменяется вид и статус героя) – один из самых распространенных сказочных мотивов. Он, возможно, связан с инициацией, которая означает смерть и новое рождение, причем символично это выявлялось в прохождении через тело хтонического существа, каковым мог быть и конь: есть свидетельства, что на местах инициаций строились избушки в виде коня. Да и сооружения в Литве, которая дольше всех в Европе оставалась языческой, напоминают об этом. Но откуда вообще взялась мифологема умирания как прохождения через чье-то тело – чаще змеиное? Скорее всего, тут играл роль снова-таки солярный культ, результат наблюдений за солнцем, которое, опустившись вечером на западе, ночью должно было продвигаться сквозь враждебную для него среду,

как сквозь чье-то тело – длинное, значит, змееподобное (у древних египтян – через тело змея Апопа). Нельзя не удивиться связи коня и змея. Например, в русской сказке Змей Горыныч ездит на волшебном коне, который предупреждает монстра об опасности со стороны героя-богатыря, а в Хорватии царя змеев называют Kacji Konj ("змеиный конь") [100, II, 591].

Хтоническую природу коня отмечают многие исследователи. В сказках она подтверждается через многочисленные элементы повествовательной структуры, например, имеет значение то место, где находит герой богатырского коня: в горе, в склепе или пещере, привязанном на двенадцати цепях; часто герою дарит волшебного коня его умерший отец из могилы (здесь напомним, что скифов хоронили вместе с лошадьми). Известный российский исследователь фольклора В.Пропп обратил внимание на то, что в некоторых деталях сказка сохраняет более архаические черты, чем греческая религия. В сказке коня дает покойник, в античной мифологии даруют лошадей уже всегда боги [86, 173]. В.Пропп имел в виду, что культ предков более древний, чем пантеон. Это действительно так. Тем и ценны сказки: они донесли до нашего времени те верования, которые еще не сложились в застывшие персонификации, но, тем не менее, выявились в сложной системе символов.

Главная наша мысль: конь играет важнейшую роль в цикле смерть – возрождение – бессмертие. Обычно исследователи приводят несколько иную формулу: рождение – смерть – новое рождение. Мы же акцентируем внимание на бессмертии – вечности. Причем в пространстве сказки ни один из трех названных элементов не может быть изолированно рассмотрен в отрыве от остальных – иначе перевернется система ценностей. Только имея в виду это условие, функции коня в качестве существа солярного и хтонического, триумфального и похоронного, божественного и инфернального не будут противоречить друг другу.

Таким образом, герой получает коня из могилы. Очень часто конь белый: это означает, что он утратил телесность — на таком коне ездит в Апокалипсисе сама смерть (впрочем, и триумфаторы всегда ездили на белых конях). И А. Голан, и В. Пропп считают белого коня душой покойника. Значит, конь даруется отцом, и конь, как можно предполагать, сам – отец (его душа): герой путешествует на собственном отце, потому и получает от коня помощь (в египетской религии от уже мертвого Осириса рождается бог утреннего солнца Гор) [120, 34–36]. Но принцип мифологического мышления обязательно требует противоположного качества-функции: конь

связан не только с прошлым, но и с будущим, часто или сам пророчествует, или участвует в предсказаниях, являясь их объектом. В сербском эпосе вещий конь предсказывает смерть своему хозяину Марку Кралевичу. В “Повести временных лет” (под 912 годом) волхв предсказывает смерть князю Олегу от его коня, и князь (между прочим, сам «вещий», то есть вещун-предсказатель) вынужден отказаться от животного-друга; через много лет Олег смеется над пророчеством, наступая на череп своего коня, но из того выползает змея и кусает Олега, от чего он и умирает (снова связь коня и змеи). Из позднейшей истории известно, что в Пскове погиб конь Ивана Грозного, и жестокий царь, увидев в этом знак-угрозу собственной жизни, даже отказался от покарания псковичей. В сказках конь всегда предупреждает героя об опасности и дает советы, как достичь желаемого.

С конем, как мы видим, не случайно связан круг, колесница: он замыкает собою круг времени. Отсюда естественна связь с вечностью, бессмертием. Кроме того, необходимо помнить, что мифологизированный конь имеет отношение и к солнцу, и к преисподней. Солнце и преисподняя сами связаны между собою неразрывно. Конь – атрибут солнца (или само солнце): он является связным между нашим светом и тем светом по той причине, что так путешествует солнце – и по небу, и под землею. Тридесятое царство в сказках – область испытаний и трансмутаций, смерти и воскрешения. Во многих сказках герой – аналог солнцу, в потустороннем мире он должен приобрести себе новое тело и новую душу, знание имен и таинственного языка, способность перемещаться по воздуху и владеть огнем, находить тех, кто очутился в иномире (мать, жену, сестру, невесту) и возвращать их в мир живых. Вот это, пожалуй, самая таинственная функция жанра! Сказки – остатки каких-то далеких-далеких чудес, в которые сам рассказчик уже не верит, но по которым сильно, мучительно тоскует – иначе сказки не дожили бы до нашего времени. Действительно, если герой или его конь (это может быть одно и то же – вспомним Сурью) – Солнце, то понятно, почему он возвращается с того света: солнце каждое утро неизменно встает над горизонтом (английское “horse” – “конь” соответствует славянскому богу утреннего солнца Хорсу). Но что символизирует та женщина, с которой вместе возвращается герой? Собственную его душу, которую можно приобрести, обогатить, очистить в подвиге, сделать бессмертной только во время сложных испытаний? Или же этот образ имеет отношение к какому-то космическому объекту (Луне)? Но иногда герой возвращается из тридесятого царства с добытым там

конем (он – высшая ценность), которого как раз и можно рассматривать как душу героя – тут выстраивается мифологически стройная цепь: герой – душа – конь – солнце. Возможно, образ любимой (или матери) героя в сказках – это символ какого-то высшего состояния человеческого существования, который, согласно платоникам, не смерть, но отличается и от жизни в нашем привычном понимании – потому действие и происходит на том свете? (Это состояние – любовь или что-то другое?) А может быть, бег коня в сказках – это полет мысли, которая возвращается с наивысшей ценностью – новым образом, новым пониманием мира, постижением сути, потаенной природы вещей? Недаром в Китае крылатый конь носит на спине Книгу Закона. Вот почему он и был взят в Зодиак. Таким образом, с мифологическим конем связано множество вопросов.

ОВЦА / КОЗА

Зодиак – слово греческое, его буквальный перевод – “круг животных”. Но более точное и символически более правильное значение слова “зодиак” – “круг (пояс) жизни”. В этом понятии заключен глубокий смысл. Зодиак – извечный путь Солнца, Луны и планет, с которыми неразрывно связана вся жизнь Земли в целом и каждого живого существа в отдельности. Разные народы приближали Зодиак также и к образу великой и священной Небесной дороги: китайцы, например, называли его Желтой дорогой, а вавилоняне – Дорогой Солнца. Созвездия Зодиака в их символическом значении словно вобрали в себя всю историю человечества и его культурное богатство. Древняя символика Зодиака тесно переплетена с мифологическими, религиозными системами, с художественными традициями, философскими взглядами и оккультными знаниями разных народов.

Ранние христиане верили, что Бог создал мир и придал движение небесным сферам с их светилами весной, когда Солнце находится в созвездии Овна. Потому, хотя Зодиак – круг, в котором нет ни начала ни конца, счет зодиакальных созвездий люди западной культуры начинают с Овна: он – первый среди мистически-небесных животных. Именно по этой причине Овен – один из астральных символов Христа, которого называют Агнец Божий. В первые века христианства Пасху отмечали не только как Воскрешение Бога, но и как весеннее Сотворение мира, о чем говорил Кирилл Туровский в своих Словах-проповедях.

В эпоху Античности, когда греческая наука оформилась в дефинициях и терминах, вобрав в себя весь эзотерический опыт Востока и Запада, точка весеннего равноденствия находилась в созвездии Овна, а именно ее медленное перемещение определяет прецессионное движение – главный принцип небесной механики. Но это значит, что ученые Античности, как задолго до них египтяне, индусы, вавилоняне и китайцы, прекрасно знали о прецессии (круге, очерчиваемом земной осью), в результате которой Звездный Глобус делает полный оборот за 25920 лет. Чтобы знать и учитывать прецессию – важнейший для Земли небесный закон, необходимо было наблюдать небо как минимум пятьдесят тысяч лет, – и это одно из самых неопровержимых свидетельств существования человеческой цивилизации задолго до начала ее официальной истории.

О Сотворении Света именно весною писали многие писатели-гении, владевшие, несомненно, какими-то тайными знаниями: Данте в “Божественной комедии” (XIII ст.), Фирдоуси в “Шах-Намэ” (XI ст.), Джеффри Чосер в “Кентерберийских рассказах” (XIV ст.).

Платон в своем известном диалоге “Тимей” сообщает, что Демиург (то есть бог-первотворец) из двух первосущностей – каких-то космических веществ – составил что-то типа буквы Х – косого креста. Во многих древних орнаментах концы такого креста закручивались подобно рогам барана, например, в ионических капителях колонн античного архитектурного стиля. У хеттов такой же иероглиф являлся символом неба. Он генетически связан с египетским иероглифом, который тоже означал небо, поставленное на столбы (вспомним столбы Воаз и Иахин храма Царя Соломона в Иерусалиме, которые символически поддерживали Мироздание). Знак барана на верху колонны – символ Мирового Древа, вершина которого упирается в небо. Таким образом, двухволютная капитель ионической колонны символически означает Небо, или Мир, созданный под знаком святого барана – Овна.

“В Египте считали, что образ Овна принимает сам бога Солнца Амон. Его рисовали человеком с овечьей головой. Во время праздника Солнца под утро, когда Амон поднимался над горизонтом, из самого древнего храма Амона – Карнакского – выносили статую божества. Люди полагали, что в этот день оно высказывает свою волю” [115, 112]. И сегодня к храму в Карнаке (городку на месте прежней столицы Египта Фивы) подводит величественная аллея сфинксов с головами баранов. Вообще же, как нам кажется, вся эзотерика, связанная с Овном, пришла в Грецию из Египта, наследника какой-то архаической и намного более развитой, атлантической или азиатской,

цивилизации. В эпоху египетского Нового царства Амон-Ра в образе барана получил необычайно широкое распространение (оно и понятно, поскольку Солнце в этот период во время весеннего равноденствия находилось именно в знаке Овна). Так, один только фараон Рамсес III приказал построить шестьдесят пять храмов в честь Амона-Ра. Другие боги, например, Хнум, тоже имели головы баранов.

В 332 г. до н. э., когда Александр Македонский, начиная свои завоевания, высадился в Египте, оракул Амона провозгласил македонского царя сыном бога, потому Александр выбрал своей эмблемой два рога барана – как главные атрибуты Амона. Вот почему в Азии Александра назвали Искандером Двурогим [20, 220]. Правда, рогатые головные уборы украшали многих богов, например, именно рогатая тиара у ассирийцев являлась наиболее характерным божественным атрибутом. Семитский Ваал-Баал-Бел (аналог нашего Велеса) тоже представлен в скульптуре с явными рогами барана [40, 132].

По мысли известного английского исследователя Захария Ситчина, слова “аминь” (“амен”), которое заключает каждую христианскую молитву, происходит от имени бога Амона. В его честь названа и столица Иордании Амман, и химическое вещество аммиак, и ископаемые моллюски амониты с раковиной, закрученной, словно бараний рог, и Амонов рог – извилина в человеческом мозгу, которая отвечает за память [99, 50].

По многим древним верованиям, Сотворение Света произошло после того, как Верховное Существо принесло в жертву какое-то другое существо, заколов ее ножом, спалив на костре или разрубив на части. Из частей тела жертвенного животного и образовался мир. Архетип этот необычайно древний и устойчивый, запрятан глубоко в подсознании; он основан на объективном круге превращений вещества, когда каждый материальный объект фактически жертвует собою ради того, чтобы движение жизни не прервалось: минералы отдают себя растениям, растения – животным, животные – человеку, а человек, безусловно, Богу. В этом – значение известной мифологемы из Ветхого Завета, когда Авраам приносит в жертву своего сына Исаака, хотя непосредственно на Алтаре Бог заменяет человека ягненком. Некоторые исследователи уверены, что данная притча и символизирует начало эры Овна в космической истории Земли [70, 43].

Незадолго до рождения Христа точка весеннего равноденствия перешла в созвездие Рыб, но значение Овна, как и до того значение Тельца, и связанных с космическим движением реальных животных,

не стало меньше: за тысячу двести шестьдесят лет они прочно вошли в историю культуры. Греки еще во II тыс. до н. э. придумали очень красивый миф об аргонавтах, которые путешествовали за Золотым Руном. Руно, конечно же, связано с Солнцем, потому что плыть за ним нужно было к сыну Солнца Ээту в Колхиду (нынешняя Абхазия), а она, по словам английского исследователя и писателя Роберта Грейвса, являлась самой далекой из известных грекам стран на Востоке [25, 435]. Объяснение довольно наивное: эллины помнили и о более далеких территориях (той же Гиперборее), а Кавказ в их мифологии имел, видимо, другой смысл, о котором мы сегодня и не догадываемся (недаром на Кавказе был прикован принесший людям огонь Прометей и к кавказской горе Арарат прибило ковчег Ноя), а Золотое Руно – не только Солнце-Овен, солнце, начавшее собою новую космическую эру, но и что-то тайное и очень ценное, скорее всего – священное знание. Может быть, рунами была записана информация об определенных космических процессах, потому что можно почти не сомневаться, что быки, на которых Ясон вспахивал поле – символ предыдущей космической эры Тельца, а дракон, стерегущий Руно, – созвездие Дракона, размещенное как раз в центре неба, на полюсе эклиптики. Возможно, дракон, “скрутившийся в тысячу колец”, воплощает то самое космическое кольцо, по которому движется Солнце и вся Солнечная система в своем прецессионном движении.

В некоторых странах, например, в Великобритании, Орден Золотого Руна и сегодня – самый почетный. Им отмечают не только профессионалов в какой-то сфере, чаще всего финансовой или политической, а, можно сказать, “жрецов”, посвященных, тех, кто определяет направление развития финансовой системы мира или идеологии, кто, проще говоря, руководит массами, воплощает собою власть. Не случайно Овен – первый знак зодиака – в традиционной медицине соответствует голове. Еще одно наращение смысла – относительно как раз человека, награжденного орденом, – “голова” державы (а может, и мира).

Овечка имеет отношение и к другим богам. Мусульманская и монгольская культуры во многом буквально “овечьи”. В Дагестане родился баранчик, на спине которого было отчетливо видно слово “Аллах” (Сообщение по телевизионной программе ОНТ 20.10.2002. г.).

В Индии один из самых почитаемых богов – Агни – превращался в барана или ездил на нем. Кстати, и имя “Агни” близкое к “агнец”. Более того, Агни (огонь) сам был в некотором смысле и крестом, потому что представление о боге сливалось с представлением о том приспособлении, с помощью которого жрецы разжигали

жертвенный огонь. Приспособление представляло собою палочки, одну из которых крутили в отверстии другой до того момента, пока конструкция не загоралась. В мистериях некоторых народов, например, фракийцев, к священному дереву в сакральную ночь весеннего равноденствия даже подвешивали ягненка. Тут связь между пасхальным жертвенным агнцем и распятием Иисуса особенно явственная и отчетливая. Крест в соединении с небесным огнем – Солнцем – есть и на небе. Каждый год весною Солнце продвигается из южного небесного полушария в северное, проходя один из небесных крестов – точку весеннего равноденствия: пересечение эклиптики с небесным экватором. Этот переход и есть настоящий славянский Великдень, или еврейская Пасха. Действительно, с образом зодиакального Овна связаны и иудейская, и христианская Пасхи, и Новый год (Новруз) у большинства мусульманских народов. Вот почему овечка или баранчик были лучшими жертвами Богу – об этом неоднократно упоминается в Библии и в Коране. У многих европейских народов (чехов, словаков, болгар) сохранилась традиция на Пасху обязательно иметь на праздничном столе ягненка – можно даже из сахара или крема, а не настоящего – важен символ.

Таким образом, понимание Христа как “Агнца Божьего” имеет безусловную космическую природу, о чем свидетельствуют многие факты из культуры древних народов.

Анализ кодов, связанных с тем животным, которое символизирует год, не может обойтись без поиска оснований включения того или иного существа в вавилонско-античный зодиакальный круг или в китайский народный календарь. Действительно, с Овном связано нахождение точки весеннего равноденствия в определенную историческую эпоху, которая началась приблизительно за 1260 лет до нашей эры, и по этой причине Овен является первым из знаков Зодиака. Но сами же знаки получили названия намного раньше, и вот тут возникает вопрос: почему из тысяч разных животных люди выбрали именно эти двенадцать? Почему мышь, а не красивая белочка, почему свинья, а не могучий носорог, почему овечка, а не гордый олень в китайском календаре, или почему рак, скорпион – не очень приятные существа – в западном зодиаке? Понять это – значит постичь логику и мироощущение наших далеких предков.

Одно из объяснений лежит, как будто, на поверхности: сами очертания определенных созвездий были похожи на тех или иных животных. Но, во-первых, конфигурация звезд тоже меняется (как раз в результате прецессии), во-вторых, видение тех или иных

виртуальных существ на небе – все же вещь очень субъективная – как заставить поверить в нее весь народ?

Что ни взять в качестве допущения – это обязательно будет формальное объяснение, потому что нам недоступно главное – *целостность мифа*, на основе которого и назывались созвездия.

Стоя на позиции снова-таки примитивно-рациональной, можно предположить, что зодиакальными созвездиями стали тотемы наиболее могучих и влиятельных племен определенных регионов Азии. Однако известно, что медведь был тотемом большого народа *ся* [96, 263], именем которого даже назван один из периодов истории Китая [54, 34], тем не менее медведь не входит в зодиакальный круг китайского календаря.

Обычно материалисты, воспитанные на марксистской философии, призывают исходить из реальных качеств и функциональной роли соответствующего животного. С этой точки зрения, самые важные биологические особенности овечки следующие: пластичность, стадная форма существования, потребление дешевых кормов, динамизм и плодовитость, быстроспелость, слабое развитие высшей нервной системы, тонкое реагирование на стрессовые факторы [56, 107]. В этой характеристике сразу чувствуется взгляд хозяйственников, заинтересованных только доходом и абсолютно равнодушных к тому существу, которое они собираются разводить. Потому что, действительно, как могут совмещаться слабое развитие высшей нервной системы и в то же время склонность к стрессам?

Наши предки более внимательно относились к поведению и характеру существ, с которыми жили рядом. Недаром животные так широко включены в культурный контекст, по-разному и очень богато представлены в искусстве, чаще всего выступают в виде глубоких и многозначных символов. А символ всегда видит в объекте что-то самое существенное, важное, выражает фундаментальную связь разных форм и явлений природы между собой. По теории символов, овца в Китае – жизнь в одиночестве; в христианстве овечки – верующие в Христа, те, кто восприняли слова Его апостолов [63, 221]. На космологическом уровне овцы – традиционный символ космических сил, которые выражают состояние, промежуточное между хаосом и порядком [53, 352]. В белорусском фольклоре овечки – звездочки, а Месяц – их пастух: этот мотив своеобразно соединил христианское представление об Иисусе – добром пастыре, и осколки древней астрологической науки. Белорусский образ помогает понять образ китайский: чаще всего живут в одиночестве пастухи, недаром месяц – всегда один. По свидетельству Д.Г. Грэя, “поскольку овца –

самое кроткое из всех животных, китайцы утверждают, что лучшие пастухи – люди тоже кроткие, притом старше среднего возраста. Овцам очень вредно, когда их ведут вперед неделикатно…” [27, 452]. У русского поэта Сергей Есенина Месяц не пастух, а наоборот, ягненочек: «Ягненочек кудрявый – месяц // Гуляет в голубой траве», но в данном случае это собственная творческая находка, полностью, однако, обусловленная мифологичностью сознания поэта.

Существует мнение, что овца – второе животное после собаки, прирученное человеком. Произошло это, безусловно, не в эпоху мезолита, как пишут энциклопедии (это значит, шесть-восемь тысяч лет назад), а как минимум на порядок раньше. Во всяком случае, встречалось в прессе сообщение, что на территории Ирана найдено поселение палеолитических людей, которому двенадцать тысяч лет, и в нем – огромное количество костей овец. В хозяйстве овечка, конечно же, очень экономичное домашнее животное: не требует особого ухода, а дает мясо, молоко, шерсть, шкуру. Целые цивилизации были основаны на разведении овец, например, тюркская, семитская, монгольская. В результате на сегодняшний день существует сто пятьдесят пород овец [1, 322]. Такое большое количество – как раз, мы полагаем, свидетельствует о давности приручения животного. Специалисты-биологи, кстати, говорят о былой, очень древней, родовой связи барана и козла; вот почему и год 2003, а также будущий 2015 – не только годы овцы, но и козы.

Этруски, которых сегодня все чаще называют не только первопредками римлян, но и славян (южных), гадали о будущем по костям животных, в частности, по лопатке барана, причем процент угадывания был необычайно высок. До нас дошла бронзовая модель овечьей печени из Пьяченцы, разделенной на шестнадцать зон с именами богов, которые отвечают за разные природные стихии и части тела, органы человека. Этруски вынесли науку (именно науку) гекатоскопию с Востока, где (на территории Месопотамии) найдено около четырехсот таких же моделей печени. Метод гадания основывался на теории, что перед каким-то социально-политическим событием или природным катаклизмом печень овцы в определенном месте приобретала некоторую физиологическую аномалию, и уже делом жрецов, учившихся по бронзовым моделям, было определить, что же должно произойти [77, 180–184]. Подобная магическая практика, которая требовала безусловного, хотя и очень своеобразного, с нашей точки зрения, профессионализма, значит, точного знания объекта, тоже дает основание считать овцу наиболее рано прирученной из всех домашних животных. Ее

многофункциональность начала отождествляться – согласно целостности мифологического мышления – с многофункциональностью огня, а огонь – брат Солнца. Собственно, солнце – и есть огонь (плазма). Потому годовое движение Солнца и оказалось частично связано с тихим, безобидным животным.Астрологи говорят, что созвездие Овна символизирует победу разума над стихийными силами [17, 418]. Не знак ли это памяти о приручении дикого барана муфлона, а значит, укрощении человеческим разумом стихийных сил природы? Но снова-таки – объяснение излишне приземленное.

Обычно астрологи выводят характер человека из размещения звезд, созвездий, планет на небе. Так, Симеон Полоцкий, который, являясь православным священником, тайно интересовался астрологией, в составленном им гороскопе предсказал неукротимый темперамент и необычную судьбу будущего царя Петра I. Но вдруг все наоборот: прослеженные на протяжении столетий закономерности рождения людей с определенными чертами характера, близкими к нраву того или иного животного, начали проецироваться на ту область неба, которая календарно “отвечала” за их рождение, потому соответственно её и назвали? Например, люди Овна сильные и прямодушные; для них характерны потаенные душевные силы, уровни еще не выявленных знаний, умение абстрактно посмотреть на все феномены мира [6, 281]. Правда, сложно заметить все это в конкретном животном – овце, но это нам – сложно, а люди прошлого умели более глубоко постигать сущность вещей и их связи между собой. В астрологии, как бы к ней не относиться, наиболее ярко выразился универсальный принцип взаимодействия микро- и макрокосмоса. По этой причине и в искусстве овца (баран) показаны очень широко.

В эпоху палеолита скульптурные и графические изображения барана на стенах пещер составляли примерно 7% от общего количества отображенных животных. В исторически обозримый период образ барана в разных формах чаще всего встречается у кочевых народов Евразии. Так, одна из самых древних архитектурных форм, которые сохранились и до нашего времени, – юрта – по конструкции гениально простая и рациональная. Но хотя ее планировка представляет собой единое архитектурно-художественное целое, она условно разделяется на отчетливые функциональные зоны, которые определяют и организовывают ритм будничной жизни людей. Зоны как раз соответствуют двенадцатилетнему циклу календаря животных, или восточному Зодиаку. В частности, зона овцы – сразу у входа слева, где сохраняют верхнюю одежду.

Юрта – жилье без углов и фактически без мебели, потому важнейшее значение в ее украшении имеют ковры, кошмы, подстилки. Да и сама юрта сделана из войлока, скаченного из шерсти овец. Одна из самых характерных черт ткачества у монголов, казахов, киргизов, других народов Средней и Центральной Азии, – орнамент в виде стилизованных рогов барана [42, 80–86]. Для белорусов такой орнамент нехарактерен, что говорит о минимальном участии тюркских народов в нашем этногенезе, хотя овечка и появилась на территории Беларуси более тысячу лет назад [127, I, 22]. В Украине и России, где степи занимают обширную территорию, безусловно, она поселилась раньше.

На самой архаической (эпохи неолита) керамике Китая, где и возник Зодиак зверей, изображение барана встречается довольно часто, но в более позднее время, в эпоху Шан, когда здесь изготавливалась лучшая в мире бронза, баран как декоративный элемент в посуде встречается уже редко, намного чаще – дракон, феникс, тигр, олень [84, 68–86].

Олени из золота – наиболее распространенный образ и в вещах так называемого скифского звериного стиля. Но присутствуют у скифов среди многочисленных представителей фауны и овцы. Наиболее яркие примеры – золотые пекторали (нагрудные украшения), найденные в скифских курганах. Так, в пекторали, откопанной в 1868 году в кургане Большая Близница на Таманском полуострове, элегантные козочки и баранчики пасутся среди цветов и пальметок, окантованных двумя золотыми скрутами [32, 11]. Еще более изящную пектораль нашли в Украине в царском кургане Толстая Могила в 1971 году. Три яруса этого шедевра ювелирного искусства представляют мифологическо-философскую модель мира. Посредине верхнего яруса, который показывает жизнь людей, двое мужчин шьют из шкур барана тулуп, а рядом юноши доят овец [72, 19–20]. Необычно сложная композиция, исключительно оригинальная по своей пластике, имеет, безусловно, символическое, еще не разгаданное, значение.

В современной Украине, для которой характерна необычайно богатая по формам и раскраске керамика, широкой популярностью пользуется поливная посуда в виде толстеньких присадистых баранчиков. Традиция таких изделий идет, как доказал академик Б. Рыбаков, еще из Триполья (V–IV тыс. до н. э.) [94, 154].

В античной Греции на острове Делос, где родились боги-близнецы Аполлон и Артемида, находился огромный алтарь по названию Кератон, составленный из рогов баранов, козлов, быков [20,

218]. Само название Кератон как-то соотносится со словом “корона”. Похоже на то, что первыми коронами богов, а позднее и царей, были именно рога.

В античной вазописи и фресках Овен представлен довольно широко. Так, в разрушенном извержением вулкана Везувий (79 г. н.э.) городе Геркуланум неплохо сохранилась фреска на сюжет “Фрикс на золоторунном Овне стремится спасти сестру Геллу из глубин моря” [61, 179]. Именно Фрикс доставил в Колхиду Золотого Овна, руно которого подарил царю Ээту.

В космическую эру Овна овечка, баранчик (особенно белые, значит, чистые и невинные) – самая желанная жертва для богов. Потому в разных мифологических системах постепенно складывается однотипный образ животного, для которого характерна незлобивость, прямодушие, беззащитность, мягкость, пассивность, терпеливость, простота, нежность, любовь, жертвенность. Наиболее ярко-образно эти черты овечки воплотил известный греческий баснописец Эзоп (VI ст.да н.э.) – сам в юности пастух – в своих необычайно глубоких по смыслу и остроумных притчах, например, “Волк и ягненок”.

Правда, разные мифологии разделяют биологический вид по половой примете: мужской (баран) и женской (овца). Баран воплощал собою плодовитость и связь с солнцем, но иногда он наделен и отрицательными чертами, в частности, глупостью. В образе овцы подчеркиваются черты невинности, нежности, беззащитности (неслучайно для сатанинского опыта современной науки – клонирования – первоначально избрана именно овца по имени Долли). Те же черты еще более ярко выявлены в маленьком ягненке. “Невинный ягненок” – часто говорят о тихом, излишне скромном и пассивном человеке; в последнее время все чаще говорят с иронией, забывая, что ягненок (агнец) – символ Спасителя и Жертва Искупления.

“Стадом глупых баранов” считают электорат (так теперь называют народ) российские власти и буржуазные СМИ, которые как раз своими феноменально низкими по качеству информационными материалами и дебилизируют население. В своем презрении к простому человеку они неоригинальны: искаженно-примитивно повторяют мысль немецкого философа Фридриха Ницше, который большинство людей называл безмозглыми овцами, послушно следующими за пастухом – сверхчеловеком. К сожалению, мысль безумца (и при этом гениального мыслителя) определила социальную психологию XX и начала XXI столетий. Но появилась и контридея. В недавнем модном романе в общем-то очень среднего бразильского

писателя Паоло Коэльо “Алхимик” герой – пастух Сантьяго – в поисках своего жизненного предназначения многое понял, наблюдая поведение именно овец: они владеют особой мудростью, всегда находя – только благодаря своей интуиции – все, что им нужно, – еду, ночлег, отдых. Так и человек, доверяя не разуму, а своей интуиции (сокровенная мысль и Льва Толстого), пойдет именно по тому Пути, который предназначен ему судьбой. Автор говорит, что овечки научили героя языку, который “понятен всем, языку, на котором разговаривает Мироздание” [59, 98]. Между прочим, так же и пастух Эзоп, наблюдая, казалось бы, примитивных животных (он тоже пас овец), уже в юности выхватывал наблюдательным глазом важные для себя детали. Гениальность его заключалась в том, что он писал совсем маленькие произведения с длинным, почти неисчерпаемым смыслом, умея во всем видеть лукавую аналогию.

Библейский Давид, будущий царь, основатель государства Израиль, тоже в юности был пастухом – как и все первопредки еврейского народа. Потому очень часто они представлены в окружении овец или с ягнятками на руках. Так, в мозаиках знаменитой византийской церкви Святого Виталия в Равенне (VI ст.) на первом плане сцены “Троица” около стола, за которым сидят три ангела, стоит ягненок, оглядываясь на гостеприимного Авраама: животное будто напоминает, что его сын как жертва Богу был когда-то заменен баранчиком, и с того момента началась новая эпоха в истории человечества. В миниатюре IX ст. из Парижской Псалтыри на тему “Давид поет псалмы” израильский царь окружен овцами и козами [65, 63, 113].

На портале знаменитого Шартского собора во Франции Иоанн Креститель предстает с овечкой на руках: возможно, это символ его собственной жертвы или, скорее всего, напоминание о том, что он первый назвал Христа Агнцем [108, 214]. Овечки почти всегда присутствуют в теме “весть пастухам” (например, в рисунке известного русского художника XIX ст. Александра Иванова “Явление ангела, извещающим пастухов о рождении Христа” [30, 39]) и в вифлеемских сценах: “Рождение Христа”, “Святое семейство” “Поклонение волхвов” (например, на фреске великого Джотто “Поклонение” [74, 18]). Овечка – пожалуй, самый популярный персонаж из животного мира в христианском искусстве. Иногда Агнец аллегорически заменен облаком, как в гениальной “Сикстинской мадонне” Рафаэля, репродукции с которой висели в комнатах как русского гения Льва Толстого, так и белорусского Максима Богдановича.

Агнец как символ Христа – один из любимых и наиболее частый образ на протяжении всего существования христианского искусства. Он обусловлен словами того же Иоанна Крестителя, который, увидев Христа, подходившего к нему, промолвил: “Вот Ангел Божий, который берет на себе грех мира” [Иоанн, 1:29]. Христос Спаситель в образе Доброго Пастыря (с ягненком на плечах) часто встречается в искусстве раннего христианства (в частности, катакомбном), но в искусстве эпохи Возрождения сюжет используется редко. При этом Ренессанс более сложно интерпретирует тему. Например, крупнейший нидерландский живописец XV столетия Ян ван Эйк в грандиозном Гентском алтаре пять нижних створок полностью посвятил главной теме произведения – “Поклонение Агнцу”. Тут предстает широкая панорама, персонажи которой, кажется, представляют весь земной мир, а в центре на возвышении – Золотой Агнец с нимбом [41, 130].

Светский вариант темы пастушества – так называемая *пастораль* в музыке, изобразительном искусстве и в поэзии, которой отдал дань и Симеон Полоцкий (“Беседы пастушеские”). Гениальный русский поэт Сергей Есенин сознательно создавал себе имидж пастушка (например, соответственно одеваясь), потому что именно пастухи первыми узнали о рождении Бога. В картине художника-символиста Всеволода Борисова-Мусатова “Дафнис и Хлоя” (1901 г.) – по мотивам одного из самых известных в мире античных пасторальных романов – участники любовной сцены (а пастораль – и есть показ любви на лоне природы) предстают в окружении овечьего стада [125, 67]. Овечки – обязательный элемент идиллического пейзажа, начиная с эпохи барокко.

Из сказочных мотивов, связанных с бараном, только немногие, по мнению авторов энциклопедии “Мифы народов мира”, сохраняют связь с мифологией (например, добыча бараном или козлом огня, превращение героя в барана); большая часть мотивов имеет отношение к теме содружества зверей (баран и козёл, баран и кот, баран и птица, двенадцать баранов и т.д.), к теме барана и волка [71, II, 238]. Однако, тут, как нам кажется, заключена ошибка, вызванная непониманием самой сущности сказок, в которых все сюжеты и мотивы – насквозь мифологические, а потому аллегорический смысл присутствует и в сказках о содружестве зверей. Возможно, в данном мотиве имеются в виду отношения социальных групп, каст-варн, выраженные через образы тотемных животных. Или же, скорее всего, они имеют космогонический смысл, потому что созвездия в далекие времена у наших предков назывались иначе; сохранились же

немногие – тот же Овен, а другие названия остались в сказках и загадках.

О глубине символизма, заключенного в традиционном мотиве, говорит актуальность небольшой сказки белорусского писателя Дмитрия Беспалого “Как волк овечкой прикидывался”: ее можно с полным правом приложить к взаимоотношениям, скажем, некоторых российских олигархов. Сюжет сказки следующий: волк, одевшись в овечью шкуру (“волк в овечьей шкуре” – не только мотив сказок и басен, но даже крылатое выражение), чтобы полакомиться бараниной, сам делается, находясь в овечьем стаде, жертвой другого – более сильного и наглого волка, да еще и от пастуха получает палкой по спине [44, 64–65]. Сюжет, действительно, поучительный.

В народной культуре – поверьях, приметах, заговорах – овечка встречается довольно часто. Например, в Англии, начало капитализма в которой даже связано с овцами (“огораживание”), считается удачей, когда, отправляясь в далекий путь, встречаешь овечье стадо. Или, чтобы повезло в жизни, необходимо носить с собою маленькую косточку из овечьей головы. Для вылечивания ребенка его проводили через овечье стадо, причем обязательно на рассвете [126, 294] (естественно, поскольку овечка связана с солнцем, его энергией, целительной силой).

Поскольку пасхальный ягненок – сакральная еда, нельзя обойти тему барана как пищи. На праздники как белорусы, так и русские выпекают баранки (от “баран”) и козули (от “козы”), которые имитировали закрученные рога или фигуры животных. Обычно авторы книг по белорусской кулинарии приводят не более десяти-двадцати рецептов национальных кушаний из баранины [36, 30–32]. На самом деле их, конечно же, намного больше, хотя баранина все же не совсем соединяется со славянскими пищевыми традициями – кислой капустой, солеными огурцами, картошкой. Да и запивать баранину необходимо не водкой, а горячим зеленым чаем или холодным красным вином, что также пока глубоко не укоренилось. И все же плов и шашлык стали очень популярны и у славян. Правда, плов мы так и не научились готовить: получается просто каша с мясом. А вот шашлыки прочно вошли в быт городского населения, особенно когда оно выезжает на природу. Причем славяне готовят все же по-своему, а не по-кавказски: грузины маринуют мясо в гранатовом соке, а мы – в уксусе, луке, перце. Но часто и баранину, которая все еще остается некоторой экзотикой, заменяем банальной, но такой родной свининой.

Вопрос пищевых пристрастий – необычайно важен в определении этнического самосознания. Система питания белорусов строилась на преимущественно растительной (вегетарианской) еде, хотя более ценными и всегда престижными считались мясные кушанья. И все же не баранина. Даже на Пасху у нас преобладает свинина. Основания для этого серьезные. Как мы полагаем, белорусы происходят преимущественно из евразийского (индоевропейского) суперэтноса, семейные роды которого издавна занимались обработкой земли и разведением свиней, быков, коров, позже лошадей. Реликтовые же периферийные предэтносы – всегда собиратели, а не производители, и разводили овечек и коз, досматривать которых намного легче, чем перечисленных выше животных. Безусловно, в историческое время многие этносы перемешались между собой, но традиции, которым многие тысячелетия, чувствуются и сегодня. Потому и важно время от времени всматриваться в определенные культурные явления (а домашнее животное – тоже такое явление), чтобы возвращаться к нашим извечным традициям.

Когда мир входил в новый, 2003 год, находящийся под покровительством овцы, СМИ на постсоветском пространстве упорно провозглашали год козы. Биологически коза и овца довольно близки, но по психологическим, так сказать, характеристикам – абсолютно разные. А что же по мифологическому наполнению?

На одном из шумерских изображений у растения, символизирующего, скорее всего, Мировое Древо, стоит человекообразное существо с козлиными рогами, ногами и бородой – очень похожее на греческого бога Пана, каким он изображался на вазах и других дошедших до нас многочисленных предметах. Возможно, в Шумере и Вавилоне таким представал Энкиду – противник, а затем побратим Гильгамеша в знаменитом “Эпосе о Гильгамеше”, первом в мире литературном произведения. Но очень похоже на то, что в Шумере, как позже и в Греции, в Зодиаке был Козерог, и именно он изображен у Мирового Древа, имеющем смысл космический. В античном мире Козерог – это козел с рыбьим хвостом. Как раз это обстоятельство побуждает нас искать его истоки в шумерском зодиакальном круге, так как в мифологии Шумера демиург – культурный герой Оаннес – человек-рыба по облику, бог, вышедший из моря и дарующий людям различные цивилизационные блага. Возможно, в какой-то период он слился с другим богом, имеющем облик греческого Пана, то есть козлоподобным.

Пан, бог Природы (и его месопотамский прототип), видимо, первоначально означал *всё*, то есть объединял в себе все потенции Космоса. Античные авторы и видели именно Пана в созвездии Козерога. Это созвездие – необычайно важное в Зодиаке, так как в нем находится знак зимнего солнцестояния: для жителей северного полушария созвездие занимает самую низшую позицию, и Солнце, находясь в нем, также внизу – в преисподней. Однако с 25 декабря, со дня зимнего солнцестояния, Солнце возрождается, поднимается все выше, и день прибывает хотя бы на минуты – "на воробьиный скок", как говорят белорусы. Поскольку преисподняя в древнем мире часто ассоциировалась с водой, то понятно, почему у Козерога рыбий хвост: Солнце в преисподней-воде путешествует на существе-рыбе.

Встает вопрос, почему же бог, означающий весь Космос, изображался козлоподобным или просто в виде козла?

Можно предположить, что козел заменил собою оленя с его солнце-возрожденческой функцией. Олень – существо тотемистическое и связан с солнцем еще, возможно, с эпохи палеолита. Ведь недаром рождественский Санта-Клаус разъезжает на оленях. Когда-то небесный олень нес на своих рогах солнце. У китайцев олень символизирует Шоу-Синя, бога бессмертия, и означает счастье. Имел олень такое важное значение потому, что, как нам кажется, именно на оленях уходили с замерзающей после всепланетной катастрофы родины гиперборейцы. Олени их несли на юг – туда, где тепло, где солнце, где ждало возрождение. Потому и стал олень тем созвездием, в котором возрождается солнце. Однако в иных широтах олень был заменен другим животным – в чем-то похожим, но более плодовитым, сексуально активным, – козлом.

Возможно, эта замена произошла в Китае, где "козел" является омофоном от "ян", то есть понимается как мужской принцип, совмещая в себе все, что с этим принципом связано: добро, созидание, правду, свет и т.д.

В Китае традиционно разводят коз, причем особенно ценят черных. Именно их приносят в жертву душам умерших. В XIX веке коз запрягали в маленькие экипажи, в которых сидели дети богачей [27, 454].

В Индии на козле, как и на баране, путешествует один из самых авторитетных богов – Агни. Тоже понятно почему: у Агни функции многообразные: это и земной огонь, брат Солнца, и огонь космический, воплощающий какие-то энергии.

Правда, у евреев козел как будто низведен с высот, ведь на козла символически переносили все человеческие грехи. Это было

важным ритуалом, происходившим раз в год. Обремененного грехами всей общины козла направляли к пропасти, куда он и сваливался. Козел заменял собою царя, которого необходимо было принести в жертву ради благоденствия его подданных. Отсюда происходит выражение “козел отпущения”. Однако козел был избран в качестве жертвы не по причине своей нечистоты (евреи – чрезвычайно щепетильные в еде – как раз употребляют козлятину), а совсем наоборот – светлости, жизненной силы. Видимо, он и способен был вместить в себя все грехи человеческие.

Козу приносили в жертву и на русские Святки – белорусскую Коляду. Это как раз то, что объединяет козу и овечку – жертвенность. Из той же серии присказка о козлике, которого съели в лесу серые волки, и знаменитая сказка о сестрице Алёнушке и братце Иванушке. Космический смысл, связанный с Солнцем и семью звездами Плеядами, видят некоторые исследователи в известнейшей русской народной сказке “Волк и семеро козлят”. Возможно “Сказка о козе лупяной”, где действует коза, заяц и пчела, – осколок мифа о солнечном затмении.

На Беларуси во время Коляд ряженые обязательно водили медведя или козу, как символ плодовитости, – иногда живых, но чаще сделанных из соломы. Очень часто, в том числе в наше время, кто-то из молодежи соответственно переодевается и надевает маску козы. Колядовщики, заходя во дворы жителей своего села, поют:

Дзе каза ходзіць, там жыта родзіць,
Дзе каза хвастом, там жыта кустом,
Дзе каза рогам, там жыта стогам,
Дзе каза нагою, там жыта капою…

«Коза» в домах крестьян вела себя особенно активно – пела, плясала, пыталась «забодать» детей, заглядывала в углы, где могли храниться продукты. И в наше время колядовщиков одаривают очень щедро (в Беларуси традиция развивается – ряженые уже ходят не только по домам, но и по аудиториям и кафедрам университетов). Колядовщики-ряженые воплощали собою души предков, прежних хозяев определенной территории, а коза исполняла роль медиатора – связного между миром живых и миром мертвых.

В Сербии выпавший внезапно на Благовещенье снег называли «бабиными козликами». Рассказывают, что весенней порой какая-то баба выгнала на лужок козлят, однако пошел снег, подул северный ветер, и баба с козлятами окаменела. Причем баба посередине, а два козлёнка – вокруг нее. Предполагают, что баба воплощала собою лунарное божество, а козлята – серпы месяца, светлый и темный.

Превращение светлого месяца в темный, то есть смену фаз, иногда понимают как окаменение, или, как в данном случае, скорее оледенение.

Колядование и «бабины козлики» – обряд и осколок мифа, оставшиеся с языческих времен, в которых коза играет важную, ответственную и совсем не негативную роль. Однако в христианстве коза (и особенно козел) – воплощение греха, нечистоты, дьявола. Из истории известны еретические секты, которые кощунственно поклонялись козлу. Потому замена в христианских странах добропорядочной овцы на похотливую и наглую козу как символ года можно рассматривать в плане одной из тех атак на христианство, которые наблюдаются в последние годы особенно часто.

ОБЕЗЬЯНА

Интерес современных белорусов и вообще европейцев к восточному народному календарю отвечает некоторым важным психологическим потребностям западного человека. Возможно, тяге к экзотике, а также тоске по природе, ощущению необходимости большей близости к ней. И тут не имеет значения, что некоторые животные в Европе и, в частности, в Беларуси, не водятся. Человек XXI столетия владеет достаточной информацией о той же обезьяне – предмете разговора в данном эссе. Наша задача поэтому – привести данные не совсем известные и, главное, интересные и ценные для размышлений мыслящих людей.

На тему происхождения человека от обезьяны есть такой юмористический афоризм: “Человек гордиться своими предками, а обезьяна – потомками”. Дарвинисты по-прежнему держат людей под гнетом этой – на первый взгляд научной – истины, хотя она противоречит Библии и принижает человека как венца Творения. Правда, раньше ученые видели наибольшую близость человека к шимпанзе, а сегодня нашли другого “родственника” – обезьяну баноба, живущую в Заире. У этого вида длинные прямые ноги, высокий лоб, маленькие уши и губы розового, как у человека, цвета; баноба легко учатся, миролюбивые, не любят шума, уважают своих самок и почти во всем подчиняются им [105, 18]. И, как всегда, главный “аргумент” – идентичность генов человека и баноба – якобы 98 %. Но у кота и человека тоже почти похожие гены. Скорее всего, у всех живых существ на Земле большинство генов похожи, а генетики скрывают от широкой публики этот факт, не объясняют его. Как свидетельствуют самые современные исследования немецких ученых,

более важным оказывается не похожесть генов, а особый процесс, происходящий в клетке, который называется *сплайсинг*, – он принципиально отличает человека от обезьяны [67, 2–14].

Если же и появляются научные данные, которые противоречат дарвинизму, они носят косвенный и несколько двусмысленный характер. Так, в южноафриканском научном журнале “Джорнал оф сайенс” появилась статья ученого-палеонтолога Р. Кларка, который изучал находки австралопитеков, найденные в южноафриканских пещерах в Стеркфонтэйне. Он полагает, что предок современного человека австралопитек сошел с дерева и... сразу начал шагать прямой походкой на двух ногах, а не на суставах пальцев четырех конечностей, как это делают человекообразные обезьяны. Отсюда делается вывод, что мы с обезьянами не родные братья, а, так сказать, двоюродные, но все равно, и предки человека, выходит, жили на деревьях.

Пытаясь доказать, что эволюция происходила именно по Ч.Дарвину (который сам, кстати, сомневался в своей теории), антропологи идут даже на подделки и фальсификации, как не раз уже случалось с останками так называемых первобытных людей. Ученые договорились между собой, что переходное звено между обезьяной и человеком появилось в Африке, как утверждал Ч.Дарвин, и с того времени подгоняют под эту теорию все находки (да и сами находки сложно идентифицировать). На самом деле, переходного звена между обезьяной и человеком до сих пор не обнаружено. Неандерталец не является предком современного человека, хотя возможность смешивания неандертальцев и кроманьонцев не исключена – они жили практически одновременно, однако структуры ДНК их различны. Есть и другие данные, противоречащие дарвинизму. Так, непонятно, почему вообще обезьяны или предки человека сошли с деревьев, где им было так удобно и безопасно, а сойдя, сразу встали на две ноги в то время, когда четырехногий бег легкий, быстрый и используется всеми наземными обезьянами? В чем причина утраты людьми шерсти на теле, потому что даже в тропиках по ночам холодно, и все обезьяны сохраняют шерсть, а вот на голове у них длинные волосы, в отличие от человека, не растут? Есть вопросы и насчет костей, бицепсов, зубов, бороды, но ученые дают на них ответы настолько невразумительные и наивные, что даже у филологов они вызывают ироническую усмешку, поскольку противоречат не только науке, но и здравому смыслу.

Давно стоило бы внушать детям в школах, что люди происходят от людей, как и утверждается в Библии (сведения,

приведенные в Библии, уже не раз подтверждались). Более того, возможно, и обезьяны происходят от людей, как утверждает российский ученый Александр Белов в книге “Антропологический детектив” [10, 281–302]. По его мнению, в результате ухудшения природных условий некоторые популяции людей деградировали, одичали и превратились в обезьян. К сожалению, деградация повсюду и всегда происходит намного быстрее, чем эволюция.

Доказательством происхождения именно обезьяны от человека является похожесть на детей только что рожденных детенышей человекообразных обезьян. В Индонезии мошенники пользовались этим и продавали маленьких орангутангов под видом человеческих детей зарубежным бездетным семьям. Делалось это просто: у обезьянки брили рыженькую шерсть и обсыпали тельце тальком. Есть и собственно любители экзотики, уверенные, что из обезьяны можно воспитать человека. Действительно, в детском возрасте орангутанги легко приучаются чистить зубы, есть ложкой за столом, самостоятельно одеваться и смотреть телевизор. Но у взрослых обезьян все культурные навыки почти полностью утрачиваются; были даже случаи, и довольно частые, нападения взрослых особей на своих приемных родителей. Да и вообще человекообразные обезьяны далеко не безобидны. Немецкий (чешского происхождения) ученый-зоолог, известный исследователь диких животных, пропагандист охраны природы, автор более двадцати книг Бергнард Гржимек писал, как в Африке гориллы убивали пигмеев. Правда, и пигмеи из мести охотились на горилл [26, 206].

Все безуспешные попытки научить обезьян говорить, ходить на двух ногах, чистить зубы продиктованы не благородной целью очеловечить животное, а скорее желанием доказать нам всем, что мы в самом деле происходим от обезьян, а потому нечего ожидать от человека каких-то высоких порываний духа. Но доказательства дарвинистов в XXI веке уже не срабатывают. Конечно, теория происхождения обезьяны от человека также излишне экстравагантна, но мы привели ее, потому что она ничуть не хуже теории Ч.Дарвина, при всем уважении к нему. И то, и то – именно теории, то есть гипотезы, которые требуют очень весомых доказательств.

Отрицание теории происхождения человека от обезьяны не противоречит идее о необходимости изучения обезьян и их реакций на различные явления, их способов организации стада, поскольку это помогает разобраться и в сознании людей, в психологии, скажем, толпы. Впрочем, так же интересно изучать стадо, скажем, зубров или стаю волков. Для науки все животные, и в том числе, конечно,

обезьяны – очень ценный объект исследования. Не удивительно, что они первыми летали и в космос. Причем в США запускали противных мух, мышей и вот именно обезьян, а в СССР – благородных собак. Первым среди обезьян полетел в космос шимпанзе Хэм, запущенный американцами в 1961 году в ракете “Меркурий”. В 1969 г. обезьяна Бони после полета на орбиту погибла. И тогда конгресс США запретил космические эксперименты с приматами. В СССР обезьяны начали летать в 1989 году, когда уже стало правилом и стилем жизни во всем ориентироваться на США (“синдром обезьяны”) – даже когда в самой Америке явление перестало существовать. От шимпанзе в СССР отказались, потому что они слишком большие и менее устойчивы к воздействию неблагоприятных факторов среды. Потому летали только макаки-резусы; имена им давали по алфавиту, причем придумывали имена дети сотрудников российского космодрома Плесецк.

Сегодня в Новой Зеландии принят закон, который приравнивает права человекообразных обезьян к правам человека. Запрещено проводить над ними научные эксперименты, и в зоопарках их должны держать в больших вольерах за стеклом, а не за решеткой. Казалось бы, такой закон должен вызвать иронию. Наоборот. В Англии, например, предложили сделать закон мировым и распространить его на всех обезьян. Но почему только на обезьян? По большому счету, этот закон стоило бы распространить на всех без исключения животных: все их виды имеют право на защиту, уважение и любовь уже хотя бы потому, что человек в XX–XXI столетиях оказался намного сильнее «братьев меньших», овладел планетой, испоганил ее своей индустрией и лишил многие создания их привычного окружения. Но, с другой стороны, новозеландская инициатива принуждает задуматься о нашей собственной судьбе. Не то ли ожидает нас – всех, кто не имеет отношения к “золотому миллиарду”: много демагогических разговоров о “правах человека”, а жить придется фактически, как в зоопарке, – только без решеток, но за стеклом, то есть все более прозрачно для чиновников. Вот уже и в школах устанавливают видеокамеры наблюдения. Пошалите уже, деточки!..

Обезьяны – теплолюбивые существа, и распространены они главным образом в странах с тропическим климатом. В Индии их более шестидесяти миллионов – в основном макаки-резусы. Именно обезьяны как бы мстят человеку за поврежденную им природу. Они постоянно портят урожай на полях, в садах и огородах, грабят склады, часто забираются в жилые дома, крадут вещи, мелких домашних животных и даже детей. В повести-сказке Р.Киплинга

“Маугли” все звери в джунглях живут в добром согласии между собой, кроме обезьян, – они противостоят звериной общине своей наглостью и нежеланием подчиняться лесным законам. Но “Маугли” – произведение об Индии, созданное западным человеком. В самой Индии обезьяны – священные существа. Можно предполагать, что пиетет к животным, которые в бытовом плане наносят людям только вред, обусловлен колоссальной популярностью в народе литературного эпоса “Рамаяна”, в котором главному герою царевичу Раме в преодолении зла и возвращении любимой жены Ситы помогал царь обезьян Сугрива. Царь дал в помощники Раме своего главного советника и министра – самого мудрого из обезьян Ханумана, сына бога ветров Ваю. Интересно, что хотя действие “Рамаяны” происходит на индийской почве, но сначала войско обезьян должно было искать Ситу на севере. Сугрива довольно красочно описывает будущий поход: сначала нужно преодолеть область тьмы (регион полярной ночи), за которым посреди Океана находится Царство Света с золотой горой Меру посередине. Правда, войско все же отправилось на юг, поскольку, как выяснилось, злой дракон Равана отнес Ситу в свою державу – на остров Ланки (нынешний Цейлон). К войску обезьян по дороге присоединились и медведи. Пройдя через всю Индию, звери все вместе вышли к океану. Казалось, преодолеть его невозможно. Но Хануман умел летать быстрее мысли. В одно мгновение он, говоря по-современному, телепортировался на остров в сад Раваны, где тосковала Сита, и пообещал ей быстрое освобождение. Повырывав с корнями деревья в саду, он, бегая по городу, своим хвостом поджег все дома и исчез, прежде чем демоны смогли что-то предпринять. Поскольку Хануман – сын бога ветра, то и действовал он, судя по описанию в эпосе, как ураган. В конце концов, обезьяны помогли Раме перебросить каменный мост через море к острову Ланки (действительно существующую цепь островов под названием Адамов Мост) и победить чудовищ [29, 108].

В другом национальном эпосе Индии “Махабхарате”, который рассказывает о борьбе за власть над страной двух кланов двоюродных братьев Кауравов и Пандавов, тоже действует Хануман – уже как царь обезьян. Причем он обладает волшебной способностью почти неограниченно увеличивать размеры своего тела. Особенность довольно необычная и не встречается в других литературных эпопеях и сказках. Хануман помог Пандавам, и те победили. Хануман (естественно, его изображение в дереве или в камне) всегда помогал и помогает всем бездетным женщинам Индии, которые мечтают

забеременеть. Не только в Индии – и в других странах обезьяна символизирует сексуальность.

Из “обезьяньей” линии индийских эпосов сегодня выводят разные увлекательные теории. Например, о происхождении древней арийской цивилизации с севера, из легендарной Гипербореи. Якобы вели соотечественников в Индию через Сибирь Рама вместе с Хануманом. И вот уже известный индийский гуру (учитель) и риши (мыслитель) Сатья Саи Баба сообщает российским паломникам о своем мистическом видении около села Окунево Омской области глубоко под землей руин древнего храма Ханумана. Действительно, район деревни Окунево необычный: все время здесь наблюдаются таинственные свечения, столбы света, шаровые молнии. Ясно, что все это связано с глубинными разломами земной коры: планета здесь как бы сбрасывает лишку своей энергии. Но почему место оказывается известным индийскому философу и почему оно касается Ханумана? [90, 357–362]

В Индии Ханумана называют “алмазным телом” и связывают с ним искусство йоги. Отсюда можно сделать вывод, что в образе Ханумана воплощен представитель какой-то другой человеческой расы, другого вида человека разумного, который когда-то существовал на Земле и создал иную цивилизацию – скорее всего не техническую, а биологическую, что развивала не средства труда, как наша, а возможности самого человека (изменение молекулярной структуры тела, умение летать, практика йоги). Возможно, Хануман – неандерталец, ведь это тоже род homo sapiens.

В городе Айодхи – одном из семи священных центров всех индуистов, потому что здесь родился Рама, – находится и храм под названием “Цитадель Ханумана”. Своими башнями и мощными стенами храм и в самом деле напоминает крепость. По преданию, храм стоит на месте дворца, в котором воспитывался Рама, а потом жил вместе с Ситой. В храме помещены многочисленные скульптуры Рамы, Ситы и Ханумана. Одна из скульптур последнего украшена огромным сапфиром. Вокруг храма – настоящий город обезьян. Храм, помещения и парк вокруг него каждое утро аккуратно моют, но уже вечером они настолько изгажены обезьянами, что людям пройти невозможно [29, 98].

В Индии множество храмов, вокруг которых живут обезьяны, – и в городах, и в деревнях. Часто это целые комплексы с дворцами и бассейнами, где обезьяны – единственные жители и полные хозяева. Население страны чрезвычайно заботливо к животным, но обезьяны относятся к людям неприязненно – бросаются в них орехами,

каштанами, палками. Обезьяны – священные животные благодаря Хануману. И все же они не почитаются в той степени, как корова, которую индусы буквально обожествляют, – не почитаются, безусловно, из-за своего отвратительного характера и враждебности к человеку.

В древнем Китае обезьяна тоже была священным животным. И здесь также был царь обезьян по имени Сунь Укун, который родился из яйца на горном пике. Будучи уже взрослым, царь обезьян жил среди людей и приобрел все их привычки, одевался и разговаривал, как обычный человек. Потом он общался с бессмертным духом, который научил его летать по воздуху и перевоплощаться в 72 различные формы. Победив на своей родной горе злых духов, угнетавших обезьян, Сунь Укун составил из своих соотечественников войско и обеспечивал мир в регионе. У него было множество приключений и путешествий – даже в преисподнюю. Царь обезьян стал героем популярного китайского романа XIV века «Путешествие на Запад». Как видим, своими необычными способностями Хануман и Сунь Укун где-то оказались близки, хотя их приключения довольно сильно отличаются.

В китайской классической поэзии ее золотого века – эпохи Тан – обезьяны упоминаются очень часто, когда необходимо создать атмосферу мучительно проводимой ночи, – обезьяны кричат тревожно и страшно: «И лишь крик обезьян, // Вечерами, среди тишины, // Угнетает прохожих, // Бредущих под ясной луной» (Ли Бо); «Одна обезьяна вдруг вскрикнет средь ночи в порывах осеннего ветра, // И даже тому, кто совсем не грустит, она оборвет нутро» (Дай Шулунь); «Путь проходит водою, // извиваясь, тысячи ли, // Да еще обезьяны // где-то так тоскливо кричат, // Но опальный чиновник // свои слезы выплакал все, // И его не встревожит // обрывающий сердце крик» (Лю Цзуньюань). Причем если лай собак вселяет отраду в сердце, как бы приобщает к миру людей, возвращает надежду, то крик обезьян – отчуждает, повергает душу в тоску.

О происхождении обезьян разные народы рассказывают странные вещи. Например, у народов Тибета и у бушменов Африки распространены легенды об обезьянах как одичавших потомках каннибалов. У африканского народа бамбути существует поверье, что шимпанзе – древнее племя людей, изгнанное другими племенами в лес за свой злобный нрав и одичавших там. Да и разум приматов значительно преувеличен. Им, конечно же, далеко до дельфинов, а также, как нам кажется, до слонов.

И все же и обезьяны способны удивлять. Так, в Японии обнаружили феномен, который назвали «эффектом сотой обезьяны». Однажды на острове Хонсю обезьяна не стала есть батат грязным, а помыла его в реке. Через месяц все обезьяны на острове, как бы далеко друг от друга они не находились, стали мыть бататы.

В фольклоре многих народов обезьяна также предстает умным и находчивым существом. Например, в японской сказке “Печень живой обезьяны”. Странно, что и в эфиопском фольклоре есть подобный сюжет (сказка “Обезьяна и бегемот”), только здесь для вылечивания морского существа (у японцев дочери дракона, а у эфиопов жены бегемота) требовалась не печень, а сердце обезьяны. А в индийской сказке сердце обезьяны должен принести своей жене дельфин. Сходство мотивов удивительное. Возможно, оно связано как раз с памятью о былом каннибализме некоторых групп людей, которые и воплощены в образе обезьяны. И хотя в упомянутых сказках сюжет строится как раз на желании других животных съесть обезьяну или ее органы, это можно считать обычной сказочной трансформацией. Сама обезьяна сначала поддается на обман, но потом всех неизменно обманывает. В амхарских (эфиопских) сказках обращает на себя внимание не только хитрость обезьян, но и их постоянное желание всех ссорить между собой.

Цейлонская сказка “Обезьяна и царевич Бридош” сюжетно полностью идентична европейской “Кот в сапогах”, только природные и бытовые реалии, естественно, другие. Интересно, что такой же сюжет есть и у китайцев – “Господин персикового дерева”, правда, здесь герою помогает не кот или обезьяна, а лиса. Кто у кого позаимствовал? Нам кажется, что данный сюжет, как и предыдущий, возник в Индии – мировом генераторе фольклорных мотивов.

В храме первого сёгуна (военного властителя Японии) Токугавы в городе Нико всех посетителей неизменно привлекают три деревянные скульптуры обезьян с закрытыми глазами, ушами и ртом. Они означают: “Не вижу плохого, не слышу плохого, не говорю о плохом”. Сначала под этими образами понимались разведчики, посланные богами для получения известий о человеческих поступках. В дальнейшем в Японии обезьяна стала означать сознательное уклонение от зла, мудрую осторожность [43, 52]. В западной традиции, наоборот, она же воплощает любознательность и болтливость. Правда, здесь отличают просто обезьяну и обезьяну человекообразную. Последняя – своенравна, гонорлива, часто предстает шутом. В христианстве обезьяна – неизменно отрицательный персонаж и символизирует хитрость, похоть, грех,

непристойность, легкомыслие, любовь к роскоши, дьявольское отродье (по аналогии: антипод Бога – дьявол, антипод человека – обезьяна).

Но это не только христианская точки зрения. У всех народов Европы обезьяна в теории символов еще с эпохи Античности, то есть во времена языческие, воплощала бесстыдство, нахальство, злобность, низшие инстинкты. На всех произведениях живописи она предстает как карикатура на человека и в то же время как животное. Часто художники ее изображали с яблоком в зубах, что символизировало грехопадение Адама и Евы, то есть пробуждение в них животной природы [63, 219–220].

Поиск аналогий в символизме, сравнение разных национальных традиций относительно животных углубляют смысловое наполнение каждого из образов китайского Зодиака, более полно очерчивают место того или иного животного в символической картине мира и, безусловно, добавляют нюансы в понимании самого человека. Символика каждого животного отражает мир потаенных инстинктов, подсознательные глубины психики. Мы позволим себе высказать мнение, что символически каждое животное – это соответствующий пласт, уровень структуры бессознательного в человеческом мозге.

В китайской традиции обезьяна – воплощение внешней некрасивости – символизирует мошенничество, низшие силы, неосмысленную активность [53, 344]. Почему же в таком случае она включена в Зодиакальный круг? Можно предполагать, что в образе – подобно образам многих других мифологических существ – соединены два аспекта. С одной стороны, неосмысленная сила – опасна, потому что направлена на разрушение, но с другой стороны – она иногда добротворна, если неожиданная. Вот почему в Китае та же обезьяна может обеспечить крепкое здоровье, успех и защиту. Этим она похожа на некоторых славянских мифологических персонажей, например, домового. В целом на Востоке символика этого животного противоречивая. Она воплощает как положительные, так и отрицательные стороны человеческого поведения. То есть образ амбивалентный, а значит, в наибольшей степени мифологический.

Еще в XIX веке в Китае был распространен любопытный обычай. Многие крестьяне держали в загонах с домашним скотом обезьяну, предполагая, что она может уберечь животных от любых болезней [27, 449].

В Древнем Египте обезьян ценили: негры с юга Нубии платили дань могучей египетской империи павианами. Обезьянам здесь приписывали способность понимать человеческую речь, они были

одомашнены, собирали для хозяев финики. Странно, что хотя египетский бог Тот обычно представлялся человекообразным с головой ибиса, на рисунках его изредка можно видеть и в образе павиана, который сидит за спиной писаря и наблюдает за его работой.

В древнеамериканских культурах так же, как и в Китае, обезьяна являлась календарным символом. Считалась она богом танца. Характерно, что и у ольмеков обезьяна, как и бог Хануман в Индии, имела отношение к ветру. В процессе периодических катастроф, о которых живописно повествовали древнеамериканские мифы, так называемая Вторая Эра (или Эра Ветрового Солнца) завершилась страшными бурями и потопами. Люди той эпохи превратились в обезьян. Как нам кажется, это символ человеческой деградации, неизбежный после природного катаклизма.

Интересно, что белорусское слово “малпа” (“обезьяна”) не имеет соответствий в других европейских языках, разве что в английском – “ape” [113, I, 584]. Если выводить этимологию из родного языка и считать слово композитумом, то здесь нельзя не увидеть морфему “мал” (“малый”) и морфему “па” (“маленький папа”). Если же принять версию об общности белорусского слова и английского, можно сделать вывод, что обезьяна была известна еще кельтам, которые участвовали в нашем этногенезе и, пройдясь по Европе, осели на Британских островах.

Образ обезьяны в художественной литературе Европы не отличается особенным разнообразием. Выделяется новелла немецкого писателя-сказочника XIX столетия Вильгельма Гауфа “Молодой англичанин”, где в гофманском духе, а значит, саркастично, автор издевается над пошлым буржуазным обществом, для которого образцом аристократизма и утонченности стал одетый в одежду орангутанг, принятый за англичанина. Образ обезьяны интересен в детской литературе: “Таинственный остров” Жюль Верна, “Волшебник Изумрудного города” Александра Волкова, “Доктор Айболит” Корнея Чуковского, “38 попугаев” Георгия Остера. В белорусской литературе животное не пользуется особым вниманием.

Мотивы необычной величины обезьян или дружбы человека и обезьяны, или экспериментов над обезьянами очень широко эксплуатируются в современном развлекательном кинематографе – достаточно назвать мировые блокбастеры типа “Тарзана”, “Кинг Конга”, “Могучего Джо Янга”, или “Планету обезьян”, или советскую замечательную комедию “Полосатый рейс” по сценарию известного писателя Виктора Конецкого. Более широко, чем обезьяны, в кино

представлены, пожалуй, только волки и собаки. Оно и справедливо: все же собака, а не обезьяна десятки тысяч лет прожила рядом с человеком, делила с ним радость и горе, дружила с ним и помогала ему. Собаке и большая честь.

ПЕТУХ

Петух является единственным представителем птичьего царства в китайском календаре животных.

Люди издавна обожествляли птиц, потому что наблюдали их преимущественно над собой, в воздушной стихии, в небе, которое всегда связывалось с богами. Но птицы не могли не удивлять наших предков и по другим причинам. Позвоночные, как и звери, птицы имеют по две ноги, чем принципиально отличаются от животных. У них развитой мозг и органы чувств, особенно зрение и слух, – для людей также необычайно важные. Некоторые птицы даже умеют говорить по-человечески (попугаи, вороны, скворцы), и, как сегодня замечено, говорить сознательно, а не просто повторять механически; у них зафиксирована склонность к счету, что свидетельствует о развитии левого – аналитического – полушария коры головного мозга. По скорости передвижения и преодоления больших пространств птицы стоят на первом месте среди позвоночных существ. Это всегда вызывало зависть со стороны человека и, в конце концов, тоже подняло его в небо с помощью придуманных технических устройств, внешне похожих на птиц (самолеты), но, конечно же, далеко не таких совершенных. Сложность различных явлений, связанных с размножением, исключительно своеобразное при этом поведение (“аристократизм” ухаживания, брачные танцы, самоотверженная забота о птенцах) тоже не могло не вызвать удивления, восхищения, а, возможно, даже и людского подражания. Для птиц характерны и сложные формы группового поведения, групповой ориентации и сигнализации, что обеспечивает им высокую эффективность размножения, успешное добывание еды и защиту от врагов [34, VI, 5–32]. Это еще один судьбоносный для человека как социального существа пример. Тем более, что высокая экологическая пластичность птиц облегчает им контакты с человеком – они легко приручаются.

Быстрота и свобода перемещения, притом, что по ориентации в пространстве птицам нет равных среди земных наземных существ, давали и дают им большое преимущество в мире. Человек всегда мечтал быть свободным, как птица. Именно в процессе наблюдения за птицами у людей возникла идея отделения духовного начала от

земного, материального. Вот почему и душа человеческая в Древнем Египте, Индии, Персии, у европейских народов всегда представлялась в виде птицы. Кроме того, птица символизирует дух воздуха, знак божественного присутствия, возможность общаться с богами и подниматься над будничностью, обыденностью, всей жизненной суетой.

Птицы, с одной стороны, чудесно приспособлены к экологическим изменениям, например, понижение температуры, ухудшение погоды вызывает их быстрое перемещение – перелеты и перекочевки; с другой стороны, птицы необычайно консервативные в отношении местонахождения; жизнь каждой из них неразрывно и тесно связана с тем относительно небольшим пространством земной поверхности, где она появилась на свет, иначе говоря, белорусское понятие “родны кут” (“родной угол”) имеет прямое и непосредственное отношение к птицам, учит и людей патриотизму, любви к отчему дому.

Один из крупнейших философов Античной Греции Демокрит (VI ст. до н. э.) считал, что птицы научили человека также и некоторым видам художественного творчества – строить дома, петь, танцевать.

Не удивительно, что в мифологии птица – центральный персонаж. В многочисленных мифах птицы играли важную роль в сотворении мира или же управляли природными стихиями. Птицы-змея Кецалькоатль в мифах народов Мексики соединяла в себе небесную и земную власть. Но в большинстве мифов мира небесная и земная сфера разделены, и в таком случае широко представленная в иконографии борьба птицы и змеи отражает фундаментальный конфликт между светом и тьмой, духом и материей, солярными силами и хтоническими. Как раз петух во многих мифологических системах – воплощение солярного божества.

В предыдущих разделах, посвященных животным китайского народного календаря, мы пытались доискаться причин, по которым то или иное животное было включено в зодиакальную систему и в дальнейшем – уже в наше время – приобрело популярность не только на Востоке, но и в западном мире. Такой же поиск необходим и в отношении петуха. Претендовать на воплощение солнца могли бы и некоторые другие птицы: даже в семье тех же куриных есть более блестящие, красивые, гордые – павлин, фазан, цесарка. Но китайцы выбрали петуха. Значит, их выбор обусловлен и другими факторами, чем всего только внешний облик птицы.

Все куриные происходят из юго-восточной Азии. Причем, по мнению авторов энциклопедии “Жизнь животных” [34, VI, 311], приручение курей в Индокитае шло не ради яиц, а в спортивных целях, из-за бойцовских качеств птицы. Версия, как нам кажется, спорная. Но в миграциях птиц, их приручении, появлении на территории Европы вообще много загадочного, непонятного, даже таинственного. Специалисты-ориентологи как-то лукаво обходят эти вопросы. Потому приходится выстраивать собственные версии.

Логика подсказывает, что чем более оседлая (то есть не перелетная) птица и чем более она приучена к человеку, тем раньше она появилась в определенном регионе. Обычные домашние куры распространены практически по всему миру. Можно предполагать, что на территорию современной Беларуси, шире – Восточной Европы, курей принесли еще *бореалы*, аборигены Европы, которые шли на север вслед за отходящим ледником. Значит, непосредственно у нас куры могли появиться практически сразу после Потопа (ясно, что ледник оставлял после себя массы воды). Однако приручили куриных, по нашей собственной версии, намного раньше – это совершили люди допотопной цивилизации, суперцивилизации.

После катастрофы ее население в небольшом количестве уцелело на территории Индии, в Гималаях, других высоких горах. Какие факты свидетельствуют в пользу данной гипотезы? Чем дальше изучаешь мифологию народов мира, тем более начинаешь верить, что мифы в зашифрованном виде рассказывают о действительных исторических событиях – кстати, это еще знаменитый Конфуций, пророк китайского народа, утверждал. Возможно, человечество возникло очень рано и эволюционизировало в своей истории не однажды, не раз создавало высокую культуру, цивилизацию, но почти полностью гибло в результате очередного крупного планетарного катаклизма. Наиболее древние предания, дошедшие до нас, рассказывают о периодических уничтожениях человечества через определенные промежутки времени, возможно, связанные с прохождением Солнечной системы в опасных зонах Галактики. Так, в индийских Ведах, в которых изложены, как предполагают многие ученые, самые архаические мифы человечества, говорится о неисчислимых веках существования людей. Самая маленькая единица времени Кали-Юга в человеческой цивилизации, согласно Ведам, равна периоду в 4320000 лет. Если исходить из такого продолжительного существования культуры, то ясно, что и домашние животные рядом с людьми жили издавна и были, скорее всего, не приручены, а выведены с помощью генетики.

Пусть речь идет даже не о миллионах лет, а всего только о тысячах, все равно курей можно считать едва ли не самыми первыми поселенцами людских усадеб. Об этом свидетельствует не археология, поскольку куриные косточки не могут сохраняться в земле тысячи лет, а, как ни парадоксально, фольклор, в частности, так называемые кумулятивные сказки.

Данные произведения, глубокий архаизм которых не вызывает сомнения, построены по принципу присоединения одно к другому действий, личностей, предметов, примет, проще говоря, последовательности перечисления, описательного способа показа (типа “Колобок”, “Теремок”, “Репка”). Петушок и курочка являются типичными героями кумулятивных сказок, причем, как нам кажется, самых древних. Встречаются они у всех народов Европы. Так, в “Сказках братьев Гримм” есть несколько рассказов о путешествии петушка вместе с курочкой на тележке. Сюжеты – разнообразные: ясно, что немецкие исследователи поместили в сборнике несколько наиболее характерных произведений и при этом с наиболее оригинальными фабулами. В одной из сказок (“Компания оборванцев”) Петух мастерит возок из ореховой скорлупы, и к нему с Курочкой во время поездки подсаживаются разные лесные жители, а далее они все вместе – пассажиры на диво безразмерного возка – мстят злому человеку [15, I, 66–67]. Часто встречается сюжет о смерти Курочки на Ореховой горе, где она подавилась орехом. Петушок жену пытается спасти, предпринимает разные попытки, но Курочка все же умирает. Снова-таки ее везут на тележке, на которую подсаживаются все большие по размерам звери. Наконец просится подвести совсем маленькое существо – блоха, и когда она усаживается, возок не выдерживает перегрузки и тонет в болоте [15, I, 359–361]. Новейшей по фабуле, хотя тоже с кумулятивными чертами, является широкоизвестная сказка “Бременские музыканты”, где Петух венчает собою пирамиду из животных, напугавших разбойников [15, I, 145–148].

Исследователи-фольклористы и теоретики литературы (А.Веселовский, В. Пропп, А. Бройнтман) полагают, что кумуляция представляет собой синкретический тип мышления, который предшествовал образному параллелизму. Но нам кажется, что такого рода сказки – осколки каких-то сложных поучительных текстов, которые отшлифовывали мышление детей, в том числе, и через парадоксы (блоха, которая перегружает возок). Так, можно полагать, что в возок последовательно подсаживались животные, которых приручали (или создавали) в определенном порядке вслед куриным. В

последовательности сказочных событий таинственный код бытия словно дешифровался, алгоритм делался более прозрачным, раскладываяь на какие-то постоянные элементы. Сказка – по-своему очень совершенная система, которая в простой и символической форме давала глубокие знания о первоначалах бытия. И то, что в онтологических по существу произведениях действуют Петух и Курочка, не может быть случайным.

Глубокие исследователи – братья Якоб и Вильгельм Гримм – поместили в сборнике и сказку, в которой по существу нет сюжета, не происходит ничего существенного: Петух уговаривает Курочку залезть на стол и поклевать крошки на нем, за что их обоих бьют. В научных комментариях к сказке современные аналитики высказали осторожное мнение, что тут наблюдается стремление передать “язык” петуха и курицы [15, II, 328–329]. Как нам кажется, объяснение неудачное, как и все наблюдения и соображения, связанные с героями – петухом и курочкой (мы их даже не приводим). Упомянутая сказка “Хлебные крошки на столе” является осколком какого-то сакрального текста. А самих персонажей наказывают, как мы полагаем, потому, что они нарушили табу: у многих народов, в том числе и у восточных славян, ни в коем случае не позволялось курам ходить по столу – месту в доме сакральному, аналогу алтаря в храме. Причем стол как алтарь – явление, безусловно, еще дохристианское, глубоко древнее. Не случайно и то, что Петух Курочку уговаривает (провоцирует): действительно, курице, в отличие от петуха, отводилось место исключительно на земле, и она должна была это хорошо знать и помнить, петух – больше связан с верхом. Хотя иногда и он – четко амбивалентный: у белорусов петуха до его семилетнего возраста старались непременно зарезать, поскольку считалось, что он после семи лет обязательно снесет яйцо. А это очень опасно, поскольку нарушает фундаментальные законы природы. В одной из новелл классического произведения белорусской литературы начала XIX века “Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах” Яна Борщевского из яйца, снесенного петухом, вылупляется цмок (дракон). Цмок – существо нечистое: он может некоторое время исполнять желания хозяина, но в конце концов обязательно забирает у него душу. У украинцев демонический (значит, необычный) петух называется “царик”. Он начинает петь еще в яйце, а когда вырастает, почитается во всей округе. Именно он первый оповещает о рассвете, и его боятся злые духи – нечистики. “Царика” как раз ни в коем случае убивать нельзя [35, 303]. В Сербии верят, что петух может быть

“змеем”. Такой петух поражает могучей силой и во время грозы сражается с душами самоубийц, вызывающими тучи [101, 307].

По причине своей исключительности, магической значимости петух – лучшая жертва природным стихиям, персонифицированным в образе духов и богов. Черного петуха белорусы приносили в дар водяному. И сегодня на Полесье режут петуха на месте будущей бани – жертвуют духу места. Последними словами философа Сократа, осужденного афинянами на смерть, было обращение к ученику: “Помни, что мы обещали Асклепию петуха!”. Мудрый Сократ даже в последние свои минуты был верен народной традиции.

Далеко не все, касающееся петуха, поддается объяснению. В совсем непонятной немецкой сказке “Ханс-Ёжик” похожий на ёжика мальчик сбежал из дома и все время жил на дереве, неизменно сидя на петухе [15, II, 96–101]. Петух тут, судя по всему, солнце, а кто же мальчик-ёжик? Уж не комета ли, которая вошла в пределы Солнечной системы? Мы хотим сказать, что объяснения сказок о петухе и курочке могут быть и космологические. Космическую роль петуха лучше всего чувствуют поэты. У Сергея Есенина: «С шеста созвездья // Поет петух». Необычайно тонкий в описаниях природных явлений выдающийся русский поэт-натурфилософ Николай Заболоцкий в стихотворении “Петухи поют” также почувствовал в пении петухов таинственный разум созвездий, а земным фокусом Великого Ковша (Большой Медведицы) посчитал каждую петушиную душу:

На сараях, на банях, на гумнах
Свежий ветер вздувает верхи.
Изливаются в возгласах трубных
Звездочеты ночей – петухи.
.....
Здесь, в деревне, и вы удивитесь,
Услыхав, как в полуночный час
Трубным голосом огненный витязь
Из курятника чествует вас.

Сообщает он кучу известий.
Непонятных, как вымерший стих,
Но таинственный разум созвездий
Несомненно присутствует в них.

Ярко светит над миром усталым
Семизвездье Большого Ковша,
На земле ему фокусом малым

Петушиная служит душа.

.....

По древним космогоническим представлениям наших предков Мир создан из огромного Космического Яйца. На небе среди звезд украинцы видели и Квочку, которая снесла то самое Яйцо – это созвездие Плеяды (у русских – Стожары, у белорусов – Ситко, т. е. Сито). Но логика жизни требует, чтобы, кроме Курицы, был и звездный Петух. Он не зафиксирован; скорее всего, о нем забыли, да несколько тысяч лет назад и конфигурация звезд была другая. Но почему-то кажется, что таким созвездием мог быть теперяшний Крест (созвездие Лебедя), хотя Николай Заболоцкий называет даже Большую Медведицу – а это ведь самое приметное созвездие северного полушария неба. В пользу нашей версии говорит теория известного израильского исследователя А. Голана, который считает крест очень древним символом, обозначавшим огонь. А петух тоже символизировал огонь.

Космическая роль Курицы и Петуха – тема, которая требует специального исследования. А вот о связи петуха с рассветом, солнцем и светом говорят мифы всех народов, за исключением, может быть, кельтов и скандинавов, где петух является вестником преисподней. Не случайно и в “Сказках братьев Гримм” – сказках европейских народов, в этногенезе которых участвовали кельты и скандинавы, петух часто связывается, хотя и косвенно, со смертью. Но и солнце у германцев – чаще всего Черное Солнце – Подземное, которое графически представлялось в виде свастики, повернутой в обратную по ходу часовой стрелки сторону. Именно такую свастику избрали своей эмблемой нацисты.

Более явственно небесно-солнечная символика петуха просматривается в сказках восточнославянских народов. В широко известной сказке “Кот, петух и лиса” хитрунья поет под окном, вызывая выглянуть Петуха, после чего его и крадет [75, I, 48]. С окном всегда было связано солнце: и на небе, согласно верованиям наших предков, оно выглядывает из окошка. В семантике Дома окна воплощали связь домашнего космоса с космическими стихиями и объектами, прежде всего Солнцем и Месяцем. Они вошли и в орнаментику наличников, чрезвычайно богатую во многих регионах Беларуси и России [117, 5– 28].

В вариантах сказки о петухе и лисе Петух с Котом живут у Деда с Бабой (символы человеческих предков) или вместе с Бараном, причем Кот неизменно во всех вариантах выручает Петуха из беды, отбирает у Лисы. Лиса здесь – хтонический персонаж, воплощение

тьмы, зла, а Кот, как мы полагаем, довольно позднее замещение Белки, которая была связной между разными уровнями-сферами на Космическом Древе. Правда, невыясненным остается вопрос, почему такая замена произошла.

В сказке “Медведь и Петух” из дому сбегают Вол, Баран и Петух и поселяются вместе в лесу [75, I, 78]. Вол (бык), баран и петух – животные все солярные, причем Петух, который играет главную роль в сюжете, воплощает собой утреннее или, скорее всего, весеннее солнце. В популярной у всех восточных славян сказке “Зимовье зверей” именно петух является притягательным кушаньем, лакомством для лесных зверей (как и Колобок в одноименной сказке).

У белорусского, русского, украинского народов, как и у других этносов Европы, встречаются сказки кумулятивного характера, типа “Смерть Петушка”, “Кочет и Курица”. Здесь гибнет именно Петушок, и Курочка, чтобы спасти его, бросается за водой; ее добывание, в свою очередь, требует обращения к определенным существам и ряда соответствующих действий, которые вытекают одно из другого, цепляются одно за другое. Сказка ясно свидетельствует о связи всех предметов и явлений в мире, а это целиком укладывается в рамки мифологического мышления. Возможно, перед нами – своеобразный тест, который вскрывает потаенную структуру во внешне, казалось бы, хаотических явлениях.

В сказках более позднего времени петух демонстрирует свою воинственность. Так, в “Козе лупяной” он прогоняет нахальную Козу, которую можно рассматривать как замену Дракона – посланца потустороннего мира. Возможно и другое объяснение: Коза – солнце ущербное, которое исчезает во время затмения, и на смену ему появляется новое, активное, молодое – Петух. В “Лисе и Зайце” с косой на плечах Петух выгоняет из зайчиковой избушки Лису, действуя активнее и боевитее, чем все лесные звери. Действительно, у античных греков петух сопровождал воинственных небожителей – Ареса и Афину. Но был он атрибутом и других богов – Аполлона (воплощения Солнца), Персефоны (символа возрождения природы весною), Гермеса (вестника богов), Асклепия (медицины). Петух – бдительный, нетерпимый ко злу, стоит на защите справедливости, добра и здоровья (по всей Европе когда-то верили, что лекарство подействует, если давать его больному во время пения петухов). В Китае, где и ввели птицу в зодиакальный круг, петух считался символом смелости, отваги и мужества. В ночь на Новый год петуха ощипывали и вывешивали на ворота – таким образом хозяева защищали себя от злых духов [124, 664]. А японская народная

архитектурная форма, которая стала вообще символом Японии – *тория* – и есть не что иное, как образная имитация насеста для петухов [79, 19]. В японских синтоистских храмах обязательно живут петухи, потому что считаются священными птицами.

В Китае слово “петух” – омоним удачливости. Красный петух отводит пожар от дома, а белый отгоняет привидения. Птицу могут приносить в жертву (как и во всем мире), но из уважения не едят. Петух является символом пяти (5 – священное число) китайских добродетелей: чувства собственного достоинства, благородства, мужества, надежности и великодушия (последнее – из-за привычки петуха предлагать найденную еду сначала курам, а потом уже есть самому). Возможно, приведенные качества и закладывались генетиками Суперцивилизации в программу создания красивой, гордой и смелой птицы. В буддизме, который возник в Индии, петух воплощал сексуальное желание, похоть, но вместе с тем являлся одним из трех эмблематических животных (вместе со свиньей и змеей), которые сопровождали человека в круге рождений и смертей [63, 244].

В классической поэзии Китая упоминание о лае собак и крике петухов создает определенную эмоциональную атмосферу – спокойствия и надежности, близости к людям, ощущения единства с ними. Эти же существа воплощают домовитость, уютность, благоденствие: “Мой маленький домик // стоит у самой деревни: // Сквозь редкую изгородь // вижу собак и кур” (Бо Цзюйи).

И все же характерно то, что в европейском регионе произведений о петухе значительно больше, чем на территории, близкой к его родине, – Китае, Японии и Индии. Кстати, и названий птицы на территории Восточной Европы много: “певень” (бел.), “петух” (русск.), “кочет” (русск.), “будимир” (укр.), “пивень” (укр.), “кур” (общеслав.), “петел” (болг.), “петао” (сербск.), “петелин” (словенск.), “когут” (польск.) [113, II, 27–28]. Наиболее древнее название, как нам кажется, – “кур”. Корень “ур” когда-то означал свет, бога неба – Урана и одновременно входил в победный крик воинов – “ура”, который буквально означал “с нами бог света”. Начальное “к” (“кур”) во всех славянских языках означает приближение к чему-нибудь. Таким образом, “кур” – тот, кто близок к свету. Можно предложить и другую версию: у древних шумеров бог неба Энлиль имел эпитеты – Кур-галь, Кур-ан (отсюда происходит, видимо, слово “курган”), что означало “Высокую гору”, “Гору Неба”. Таким образом, даже само имя существа прямо указывало на его функцию. Естественно, что и в народе его всегда считали вестником света, восхода солнца – он первый

приветствует солнце: это, видимо, и было определяющим в выборе китайцами птицы для своего календаря. Украинское “будимир” тоже прямо указывает – “будит мир”, а под “миром” понимали и свет, и социальный космос – общину, народ. “Кочет” происходит, вероятно, от звукоподражательного междометия, а белорусское “певень”, русское “петух”, украинское “півень” и похожие слова из других славянских языков имеют общий корень с “пением”. Выдающийся исследователь мифологии и фольклора славян А.Афанасьев в XIX столетии писал: “... крик петухов служит сигналом, что на небе звонят к заутрене; как скоро раздается он, черти, мертвецы, колдуны и ведьмы спешат разойтись по своим местам...” [75, I., 501]. В белорусской легенде “Туровские саркофаги” петух живет (почему-то) даже на болоте и своим пением прогоняет русалок. Проще говоря, без него невозможно обойтись в отношениях между разными мирами – миром живых и миром умерших.

Современный белорусский исследователь фольклора Алексей Ненадовец отмечает, что символика петуха связана со всем комплексом представлений: жизнь – смерть – новое рождение [78, 190]. Действительно, это так, поскольку петух – метафорическое название Солнца, а Солнце путешествует не только по небу – царству богов, но и в подземном, чужом и враждебном для него, хтоническом мире, где все же обязательно побеждает тьму и неизменно возрождается каждое утро. Более того, еще ученые-мифологи XIX столетия стремились реконструировать имя славянского бога времени. Якоб Гримм в своем классическом труде “Немецкая мифология” (1835 г.) пришел к выводу, что оно звучала как “Крет” – созвучное в первых звуках греческому богу Крону (Хроносу). Исследователи XX века окончательно установили, что имя бога времени у древних славян – Курет. Как видим, корень слова тот же, что и в названии петуха – “кур”.

Самый широкий философский простор представлений, связанных с петухом, естественно, делает его образ многофункциональным в словесном художественном творчестве, героем исключительно разнообразных сюжетов. Так, в сборнике того же А. Афанасьева “Русские народные сказки” приводится сказка, в равной степени, но в разных вариантах, характерная для русского, белорусского, украинского народов. Схема сказки такая: по дубу или по гороху (варианту Мирового Древа) Дед взбирается на небо и находит там чудесные жернова (символ Мирового Двигателя – Риты-Раты) и Петуха (символ Солнца). Боярин или другой злодей жерновцы крадет. Петух преследует его и требует вернуть чудесную вещь.

Петуха бросают в колодец – он выпивает всю воду, потом сажают в печь – он заливает ее водой, и в конце концов возвращает мельничку [75, II, 30]. Наше объяснение сказки следующее: Солнцу-Петуху не страшна вода, потому что в своих суточных путешествиях оно проходит ночью через воду (Океан), каковым часто представлялась в мифологии хтоническая сфера. Тем более не страшен Солнцу огонь, поскольку оно само – огонь. Иногда перефразой огня и является выражение "красный петух". Современный российский писатель Михаил Успенский, фантаст и юморист, проведя обратный процесс деметафоризации, в своем фантастическом романе "Там, где нас нет" персонифицировал образ "красного петуха" в реальный (и в то же время сказочно-фэнтэзийный) персонаж – Будимира. Будимир-Петух, поскольку он все же на самом деле – огонь, неоднократно спасает именно в этом своем качестве главного героя романа Жихаря – символ славянских народов – и его друга-попутчика Яр-Тура (Артура) – будущего короля английского народа [109].

Образ петуха неоднократно встречается в художественных произведениях, причем наиболее интересно – в литературных сказках. У самого жизнерадостного и разнообразного по сюжетам американского писателя XIX столетия – романтика Вашингтона Ирвинга – есть новелла в восточном стиле "Легенда об арабском астрологе", которую использовал, сильно видоизменив, Александр Пушкин в своей "Сказке о Золотом Петушке". У Ирвинга петушок, который стоял на спине барана, упоминается как одно из чудес Древнего Египта, но астролог, по заданию султана, создает все же и человекообразного железного охранника – будто бы в помощь наблюдателю-петуху. У ироничного Пушкина на вершину башни колдун поместил именно петуха-стража, потому что у всех народов Европы флюгерами были, как правило, петушки. Всемирно известный датский сказочник Ганса Христиана Андресена даже сочинил сказку "Дворовый петух и флюгерный". Впрочем, у Пушкина золотой петушок – ложный флюгер и указатель, пагубный вестник, средство связи с магическими силами, злой дух, используемый в черной магии; и само произведение, по мнению российского автора Виктора Аксючица, исследует проблему прельщения властителя магическими силами, отчего страдает народ, и держава терпит полный крах. О том же – философская повесть-сказка "До третьих петухов" выдающегося русского писателя XX века Василия Шукшина: в ней он необычайно точно в образной форме предсказал все, что произошло на рубеже столетий с нашей духовностью. Не без иронии описывает своего персонажа – Петуха – Алексей Толстой в

известнейшей сказке “Золотой ключик, или Приключения Буратино”. Мало кому известно, что все герои произведения имели здесь своих прототипов, например, образ Пьеро – это довольно злая карикатура на Александра Блока, Мальвина – на его жену Любовь Дмитриевну, Карабас-Барабас – на известного театрального режиссера Всеволода Мейерхольда и т.д. Правда, еще не все прототипы раскрыты, но можно полагать, что среди знакомцев саркастичного автора был и “Петух” – человек надменный, задиристый и глупый.

Поскольку с петухом связывают сексуальную потенцию, он встречается в заговорах на любовь, в гаданиях, в снах. Так, чтобы приворожить жениха, необходимо с печной заслонки покормить петуха. На Святки девушки часто гадали с петухом: загадывали желание на разные виды зерна и пускали птицу, смотрели, из какой кучки будет петух клевать. Существовали и другие виды гаданий с петухом. Широко распространены также приметы. Так, если петухи поют всю ночь – ожидай беды. Петухи распелись не во время – к вестям. Если курица запела по-петушиному – кто-то умрет. У поляков на свадьбу перед молодыми несли петуха как символ мужской силы и плодовитости (в одной из русских иронических сказок Петух исповедуется перед Лисою, каясь в грехе – имеет семьдесят жен). И в белорусской свадебной обрядности петух и курица используются очень широко и на разных этапах ритуала. Вообще петух воплощает солярный и мужской принципы – отсюда и определенные его функции.

В новелле “Сон” украинской писательницы XIX века Марко Вовчок молодице приснился сон о красном месяце, внутри которого белый петух крыльями махал и пел. Сон напророчил быстрое возвращение из Крыма ее молодого мужа-чумака. Если петух снится, это пророчит удачу и повышение престижа. Услышанное во сне реальное утреннее пение петухов обещают для молодежи удачную женитьбу или замужество и благосостояние в доме. Если снится, что петух кричит ночью или вечером, придется плакать, и не раз. Подобно тому, как апостол Петр вспомнил предсказание Христа, услышав петушиный крик, так и нас сон с петухом может предостеречь от ошибок и заблуждений.

В христианстве петух приветствует восход Солнца-Христа на востоке. Позолоченный флюгерный петух охраняет храмы ночью, когда молчат колокола. Он воплощает праведников, оповестивших приход Рассвета –Христа. А. Ненадовец вспоминает раннехристианскую легенду, в которой Христу во время последней вечери с учениками подали жареного петуха. “А когда Иуда ушел,

чтобы предать учителя, Христос приказал петуху идти за ним. Тот так и сделал, а вернувшись назад, рассказал о предательстве – и в благодарность попал в рай. В другой раннехристианской легенде Христос воскрес после первого крика петуха” [78, 191].

В связи с солярной тематикой, да и красотой (постава исключительно изящная, утонченная, особенно в профиль), петух – частый персонаж изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Кельты-галлы носили изображение петуха на оружии и знаменах, он вообще стал эмблемой Галлии (благодаря игре слов латинского языка, где “gallus” означал и “петух”, и “галл”). Во Франции петух считается символом независимости, свободы, но и задиристости. Француз любит отождествлять себя с петухом. Птица часто встречается в гербах не только городов и аристократических родов Франции, но и в геральдике соседних стран. В центральном зале заседаний здания ЮНЕСКО, размещенного в Париже, всю стену занимает огромный гобелен с изображением на нем петуха как воплощения солнца, света, утра, возрождения, культуры, обороны от всякого зла. Создал гобелен всемирно известный Жан Люрса, у которого многому научились признанные мастера белорусского монументального гобелена – Анатолий Кищенко и Михаил Савицкий (первый – создатель самого большого в мире гобелена, второй – академик Академии художеств СССР).

В Китае петух – один из важнейших оберегов, нередко рисуется даже на стенах домов (у нас стилизованный – на деревянных крышах). В Беларуси, России, Украине, других славянских странах петуха часто можно видеть вышитым на ручниках, но особенно часто, скажем, у белорусов, – в изделиях из соломки и в вытинанках, – характерно белорусских национальных жанрах декоративно-прикладного искусства.

Пение петуха неоднократно имитировалось композиторами-классиками. Например, Михаилам Глинкой, Петром Чайковским. В советское время популярностью пользовалась симфоническая поэма испанского композитора Лопеса Флореса “Песня петуха” – ее часто передавали по радио. В кинолентах пение петуха за кадром – знак деревенского утра, и характерно: всегда настраивает на соответствующий эмоциональный лад.

Таким образом, мудрые китайцы, когда еще в глубокой древности выбирали птицу для своего календаря, как-то очень правильно угадали необычайно широкое распространение петуха в мире и любовь к нему многих народов. Но в семантике образа петуха остается еще, как ни странно, довольно много невыясненного.

СОБАКА

“Меркнут знаки Зодиака // Над просторами полей. // Спит животное Собака…” (Николай Заболоцкий)

О китайских календарных символах – особенно о собаке – написано много. И в принципе о ней можно писать бесконечно – настолько животное интересное и как никакое другое близкое к человеку. Но несмотря на то, что существует огромное количество книг и даже целая наука – кинология [от греч. “кинос” – собака и “логос” – слово], многие проблемы, связанные с собакой, так и остаются нерешенными. Некоторые основательно утвержденные в науке теории сегодня пересматриваются. Так, долгое время считалось, что собаки происходят от волков и шакалов. Недавно выяснилось, что предок почти четырехсот пород собак – исключительно волк: из девяноста основных черт поведения собак семьдесят имеются и у волка; у шакалов с собаками общих черт намного меньше. Уточнены и даты приручения волка, ставшего собакой: раньше писали о восьми тысячах, сегодня уже идет разговор о протяженности в двадцать-сорок тысяч лет. Будет неудивительно, если и этот срок увеличится.

Но самое необычное и таинственное в происхождении собаки – сам механизм приручения волка людьми. Объяснения кинологов, что волки поселялись возле человеческого жилья, потому что там было легче найти пропитание, выглядят более чем наивными. Почему, в таком случае, волки не прибивались к человеку в историческое время, когда многие народы уже жили оседло и значительно побагатели? Домашних животных волки всегда воровали, и сейчас воруют, но совсем не желали поселяться около человека, чтобы гарантированно кормиться в поселениях. Хищники оставались хищниками, и лес для них – родной дом.

А действительно, интересно: из всех хищников вместе с человеком живут кошка и собака. Причем кошка ведет себя достаточно независимо и держит от людей дистанцию большую, чем собака. Только собаку мы считаем настоящим другом, верным и искренним. Но что вынудило сблизиться человека и волка – до такой степени, чтобы волк стал нашим охранителем и помощником? Воспитание волчат на протяжении нескольких поколений? Логично. Но все же не объясняет некоторые удивительные явления во взаимоотношениях человека и именно этого зверя. Почему психически больные ликантропией представляют себя в огромном большинстве случаев именно волками? Почему оборотень чаще всего –

волк? Почему большинство детей-“маугли” оказывались в среде преимущественно волков? Кстати, сюжет “Маугли” навеян Р.Киплингу, с одной стороны, рассказами об индийских йогах, владеющих даром отдавать мысленные приказы животным, с другой – библейским мифом, повествующем о том, что до грехопадения и изгнания из Рая Адам, а значит, совокупный Человек, жил в гармонии с животными – Божественными существами – и даже говорил с ними на одном языке.

Профессор камерунского университета Бика Акиа утверждает, что в Африке издавна встречается такое загадочное явление, как побратимство человека и какого-нибудь зверя. Известно, что европейцы в человеке различают тело и душу – материальное начало и духовное. А по мнению африканцев, человек состоит из четырех элементов. Из них три есть у всех – тело, сердце, дыхание, а четвертый – только у отдельных индивидов, посвященных-жрецов и людей-зверей: он называется “у”. Это какая-то таинственная сила, которая дается человеку от рождения и позволяет ему общаться с животным. Человек, который ощущает в себе силу “у” (откуда она генетически берется? – **Т.Ш**.), выбирает животное, отлавливает его, надрезает тело у себя и у него и смешивает кровь. (Вспомним; “Мы с тобой одной крови”, – говорит Маугли у Киплинга каждому из зверей – **Т.Ш**.). После этого у человека с животным или птицей устанавливается полная духовная связь, взаимопонимание и взаимопомощь. Так утверждает Бика Акиа. Лет двадцать назад мировая пресса много писала о судебных процессах против племен-“крокодилов” и племен-“леопардов” в той же Африке. Некоторые люди из этих племен не только дружили с явно тотемными животными, но и сами, как будто, умели превращаться в них, чтобы в животном виде убивать врагов из других этнических групп. Есть свидетельства, что и в средневековой Европе воинов-викингов учили как бы “перемещать” свое сознание в мозг птицы или зверя, либо, наоборот, “помещать” их разум в свой, чтобы установить особую связь с животными символами: тогда викинги становились особенно смелыми, бесстрашными, яростными в бою – *берсерками* (буквально – “медведь-волк”).

Приведя эти примеры, мы хотим сказать, что отношения между человеком и животным более сложные и загадочные, чем представляется нашему прагматическому, закостенелому в рациональности, скептическому разуму. Анимистическое мышление архаических людей одушевляло буквально все: космические процессы и явления, стихии, элементы ландшафта, растения, воду, землю. Но

если даже камень живой, то насколько же богатая и сложная душа у животного! Так думали предки.

На протяжении десятков лет известный русский писатель и журналист Василий Песков вел в “Комсомольской правде” рубрику о необычных способностях животных и птиц. Многие случаи, описанные им, удивительны и побуждают к размышлениям.

Например, лесники Калужской области в продолжение нескольких месяцев наблюдали медведицу, в семье которой вместе с медвежатами росла телочка, которая однажды, наверное, заблудилась в лесу и прибилась к медведям. Отношение к ней со стороны последних было очень теплое – не как к будущей еде. Правда, медведи на 80 % – вегетарианцы. Но вот в Болгарии в одном из лесных районов охотники встречали группу волков и вместе с ними кабанчика. Волки и не думали воспринимать его как потенциальную жертву. Дело, видимо, в том, что у кабанчика уже сформировалось сознание волка, и его считали братом. Но что способствовало принятию копытного в семью хищников? Возможно, в животном мире происходит не только деление на врагов и добычу, на своих и чужих. Животные способны рассмотреть существо, которому требуется помощь, и пожалеть его. Вообще, примеров сострадания и помощи со стороны животного мира, птиц – даже к своим соперникам – множество. Отсюда и вырастало, наверное, особое отношение волков к людям, возникала приязнь и дружба. Но и человек понимал: с чем он приходит в природу, то и получает в ответ. Не случайно многие святые дружили с животными. Они показывали пример истинно братских отношений живых существ на Земле. Сами животные, особенно собаки (а сначала, конечно же, волки как наиболее умные животные в лесу), знают о нас намного больше, чем мы о них: они владеют мощной интуицией, чутьем. В народе верят: добрых людей хищники не трогают. Тысячи примеров необычной проникновенности, доброты, верности, жертвования собой собак описаны в литературе. Украинский писатель-классик начала XX века Михаил Котюбинский писал, что “собака вывела человека в люди”. Даже так!

Американский ученый Т.Эндрус полагает, что животными руководят нематериальные сущности, потому и их контакты с человеком происходят не на вербальном, а на энергетическом уровне. Символисты начала XX века говорили, что все в мире наполнено смыслом, знаками которого являются, в том числе, и животные. Некоторые законы физики и биофизики, лежащие в основе этих процессов, которые мы в данной книге излагаем скорее на языке

мифологическом, чем научном, уже открыты исследователями. Так, доказано, что самые эффективные лекари – именно собаки. Присутствие собаки в доме почти наполовину снижает опасность инфаркта у пожилых ее хозяев. Кошки – также: ложатся на больное у человека место. Но собаки, в отличие от котов, лечат дистанционно: забирают негативную энергию. Академик РАН А. Скоржинский многие годы изучает воздействие собак на людей. Он объясняет положительный эффект тем, что частотные параметры биоэнергетических потенциалов людей и собак близки между собой. Потому собака и лечит, потому она и друг человека. Но выработалось ли это в процессе совместного проживания за тысячелетия, или же было изначально, потому и произошло сближение? А если, как мы полагаем, изначально, то почему именно так распорядилась Природа? Вот где главная загадка.

Возможно, приблизиться к разгадке взаимной дружбы человека и собаки помогут мифология и фольклор: в них зашифрованы многие реальные исторические события.

Авторы энциклопедии “Белорусская мифология” приводят такое древнее предание о собаке: Бог, создав человека, сделал собаку охранителем последнего. Но Бог сотворил человека без шерсти, голым, потому дьявол, напустив холод, смог добраться до человека и навредить ему. А вот собаке Бог даровал шерсть [7, 443]. В Украине такое же предание существует в большом количестве вариантов. Образ собаки в мифологии необычен уже тем, что он фигурирует во множестве сюжетов, в которых рассказывается именно о сотворении человека. Бог создал человека и собаку из одного и того же материала. Это чрезвычайно важный момент: миф подтверждает извечную близость человека и собаки, говорит о том же, о чем наука.

Правда, в Украине, как, кстати, и на Беларуси, существуют и довольно негативные предания не столько о собаке, сколько о его связи с человеком. В частности, создавая Еву, Бог взял у Адама ребро и положил сушиться. Собака схватила кость и начала грызть. Ангелы едва отобрали недогрызенное ребро. Потому изредка женщину называют “собачьим недогрызком” [35, 264].

Тем не менее, во всех преданиях и апокрифах собака извечно – с момента сотворения человека – присутствует рядом с ним. Одновременно мифы фиксируют особую близость собаки к Богу (Высшему Миру). Может, потому римский писатель Плутарх считал, что собака воплощает собою философское начало в мире. В некоторых мифологических системах (американских индейцев, племен островов Микронезии) собака – тотемный предок и демиург-

культурный герой. В частности, она создает огонь и дарует его человечеству, приобретая функции даже более широкие, чем типичный культурный герой – греческий Прометей, который всего только украл на Олимпе божественный огонь и принес его людям.

У скандинавского верховного бога Одина две собаки и два ворона живут как советчики. В сибирском шаманизме собака – посланец духов леса, что близко к теории нашего современника ученого Т.Эндруса.

Собака есть и на небе – одна из самых ярких звезд Сириус. В Древнем Египте появление Сириуса на небосклоне предшествовало ежегодному разливу Нила, от которого зависел урожай, и как раз с этого события начинался египетский Новый год. Его ожидали, к нему готовились. В сознании людей образовалась связь между священной звездой, что предшествовала разливу, и собакой, которая обычно своим лаем предупреждает о чьем-нибудь появлении. Возможно, потому Сириус (Сотис) назвали Собачьей звездой или, более точно, “Звездной Собакой”. Именно с этой звездой египтяне связывали происхождение своей цивилизации -- якобы оттуда они прилетели.

В Китае и Японии собаки -- символы защиты. В звездном зодиаке китайцев собака, как мы полагаем, охраняет всех других календарных животных.

В Персии собака тоже была священным животным. В религиозной книге зороастрийцев “Авесте” встречается даже выражение: “Разумом собаки держится мир”.

Некоторые российские исследователи (например, В. Калашников) говорят о могущественной цивилизации мудрых змеев-драконов, которые постепенно вымирали, (но существовали в отдельных экземплярах даже в историческую эпоху) и были заменены такими же мудрыми волками и собаками [45, 24]. Безусловно, речь идет о мифологических существах, хотя не исключено сохранение динозавров или, как писали летописи, “каркадилов” в глухих местах Евразии, в том числе, по утверждению академика Б. Рыбакова, в болотах Полесья. А в мифологическом сознании, как мы полагаем, сохранилось представление о преемственности цивилизаций, о некоей родственности змеев и волков. Так, первопредок сербского народа назывался Змей Огненный Вук. Наш Всеслав Чародей, который считался оборотнем, родился, согласно преданию, также от Огненного Змея. Никто из исследователей, кажется, еще не обратил внимания на то, что в волшебных сказках собаки (хорты) очень часто сопровождают змеев, подсказывая им стратегию действий. Получается, что представители молодой культуры – собаки – умнее

деградантов умирающей цивилизации драконов, хотя в Китае драконы и сегодня считаются высшими существами.

В результате почетным было вести свой род от волков и собак. Обычно такое происхождение имели боги, цари и богатыри. Например, “собачьими детьми” являлись герои ирландского эпоса Кухулин и монгол Бадангар – предок Чингисхана. Волка-собаку в древнеславянском языке называли хортом и, как нам кажется, он имел отношение к солнечному богу Хорсу. Недаром в “Слове о полку Игореве” Всеслава-оборотня и Солнце-Хорса упоминают рядом.

Белорусские мифологические собаки Ставри и Гаври тоже имели отношение к богам или же сами являлись воплощениями богов. Ход наших рассуждений таков. Ставри мы связываем со Стрибогом. Это один из самых таинственных богов, который входил в пантеон 980 года князя Владимира Святославовича. Объяснений имени Стрибога множество, но мы приведем и свое. Известно, что имя каждого из верховных богов индоевропейцев имело несколько эпитетов. Например, у скандинавского Одина их было двенадцать. То же касается восточнославянского Сварога. Его имя встречается во множестве источников, и потому существование бога в мифологии не вызывает сомнений. Стрибог, видимо, – его эпитет, под которым он и вошел в пантеон (Сварога в пантеоне Владимира нет). Эпитет имел в виду, что Сварог – отец трех богов (приставка “с” во всех древних словах раньше означала “се” – “этот”, а морфема “три” в имени – и есть цифра). Действительно, Сварожичами, то есть сыновьями Сварога, наши предки называли трех богов – Перуна, Даждьбога и Огонь, двух небесных и одного земного – иногда они отождествлялись. Возможно, в ипостаси собаки выступал и сам бог Стрибог-Сварог. Во всяком случае, определить в календаре для увековечения памяти собак специальный день, как было у белорусов в отношении Ставри и Гаври, можно только для бога – пусть и такого архаичного, как Сварог-Стрибог.

Таким образом, первые буквы имени Ставри происходят от бога Стрибога, а следующие две морфемы имеют, безусловно, звукоподражательный характер – напоминают о, так сказать, “говорении” самой собаки. Еще в большей степени со звукоподражанием связано, как можно думать, имя Гаври. Но мы полагаем иначе. Гаври мы выводим от имени Га – самой древней богини не только славянского, но индоевропейского пантеона. Имя не встречается в письменных источниках (кроме древнеегипетских) и в фольклоре – мы реконструируем его исключительно на основе лингвистических и мифологических данных, учитывая большое

количество важных слов и имен мифологических персонажей с первоначальной морфемой “га” у европейских и азиатских народов. Так, у наших соседей литовцев Габия – чрезвычайно почитаемая богиня домашнего очага, огня. Га у первославян – то же, что Гея у греков, – Великая Богиня, сама планета Земля, Мать всех других богов. Гея – жена Урана-Неба. Так и у нас Га – жена Неба-Сварога-Стрибога. Естественно, одной из ее ипостасей могла быть собака, как и у небесного бога, ее мужа. Таким образом, белорусы определенного региона (Краснопольщины) сохранили память о наиболее древних славяно-балтских богах – семейной паре Свароге и Га. Безусловно, это гипотеза, но в жанре культурологического эссе можно позволить себе высказываться более смело, чем в научной статье.

Безграничное поле для фантазии дают и сказки. Серый Волк, который упоминается во многих волшебных сказках, как нам кажется, – вовсе не домашнее животное, впервые прирученная собака, и не тотемный предок. Волк бежит, словно летит; он намного умнее героя, многое предвидит наперед, знает, например, что Ворон охраняет живую и мертвую воду. Возможно, сказочный волк – совсем и не животное, а могучий бог-оборотень, например, Купала-Аполлон. Этого бога греки часто называли Ликейским, что значит, Волчьим. У тех же греков собаки сопровождали чрезвычайно авторитетных богов – Асклепия (Эскулапа), сына как раз Аполлона, и Гермеса.

В Китае собака отгоняла злых духов. Между прочим, то же у белорусов. Белорусский исследователь А.Шамак пишет: “Собака чувствует и видит Духов. Нехороших отгоняет от усадьбы своим лаем, тем самым охраняя дом от всякого зла. Если Недобрый Дух ночью схватит в свои лапы человека, то достаточно залаять собаке, чтобы Дух сразу же выпустил свою добычу” [119, 102]. Это еще одно доказательство близости собаки к небесному миру, к добрым богам.

Нельзя обходить вниманием и веру предков в прежнее единство зверей и людей, только животные якобы отличались от людей своей «одеждой» – шкурой и шерстью. Человек и зверь легко превращались друг в друга. Об оборотнях рассказывают многочисленные былички и волшебные сказки буквально всех народов мира. И отсюда же происходит система сравнений в фольклоре и художественной литературе (человек как лев, девушка – лебедь белая и т.д.), а уже в наше время – соответствующая символическая атрибутика в обновленных народных обрядах.

У всех славянских народов чрезвычайно широко были распространены былички о ведьмах, которые превращались в свиней, собак, кошек. Способы превращения ведьм и чародеев в животных

разные, и один из них – одевание в звериные шкуры и перья птиц. Вспомним рассказ Геродота о наших предках *неврах*, которые раз в год делались волками: ясно, что в основе обряда – переодевание в шкуры зверей. А длинные рукава в одежде средневековых славянок – это, как нам кажется, напоминание о крыльях уток и лебедей. Раньше жрицы или простые женщины, которые все участвовали в обрядах, во время определенных праздников, видимо, прикрепляли к рукам птичьи крылья. Волшебные сказки переполнены образами девушек, которые превращались в уток и лебедей. Возможно, мужчины в обрядах – как раз звери (чаще волки), а женщины – птицы? А если вернуться к собакам, то необходимо отметить, что не только ведьмы принимали собачий облик, но и некоторые собаки могли ведьм легко чувствовать. Такая собака в каждом селе необычайно ценилась – в Украине она называлась ярчук (в Украине и Беларуси слово “собака” – мужского рода) [35, 266]. В предыдущем эссе мы писали и о петухах-цариках с необычными качествами, которые иногда выводились в славянских селах. Значит, не только среди людей рождаются исключительные личности, гении, но и среди животных. Это, кстати, работает на миф о цивилизации мудрых змеев, если считать, что птицы (а петух – птица) происходят от птеродактилей, то есть летающих ящеров. Отношения собак с человеком не всегда складывались просто. Обращает на себя внимание необычайно широкое распространение в сказках Европы сюжета об изгнании хозяевами старой собаки, которой помог волк. Тут смысл прозрачный, он напоминает о родственных связях животных, и не имеет значения, что повествование в значительной степени иронично по отношению к волку: сказка в каких-то моментах настолько основательно трансформирует реальность, что бывает очень трудно доискаться первоначального смысла.

В известной сказке “Никита Кожемяка” царевна попадает к дракону, но домашняя собачка носит от нее письма родителям. В большинстве сказок благодарная за свое освобождение собака помогает герою. Сказки акцентируют внимание на верности, благородстве собак – собственно на том, за что и любит человек это животное.

Широко фигурирует собака в поверьях. И не случайно. Исключительный нюх, умение предчувствовать будущее, ощущать собаками зло заставляет человека внимательно присматриваться к их поведению. Так, практически по всей Европе люди знали, что вой собаки предрекает смерть кого-то из ее хозяев. Русские, услышав скулеж, переворачивали подушки и говорили “На свою голову”, –

тогда собака умолкала. Еще одно наблюдение: если к человеку привязывается чужая собака – можно считать это добрым знаком. Существует интересное поверье и у американских водителей грузовых автомобилей: если перед капотом на дороге вдруг появляется собака, это явный знак, что нужно остановиться и отдохнуть – собака предупреждает о предельном утомлении. Психологически это легко объяснимо, но заметим, что в визуальной галлюцинации возникает именно собака, хотя более логичным было бы, например, появление лошади как транспортного, подобно автомашине, средства, да и среди предков современных американцев много ковбоев.

В сегодняшнем городском фольклоре распространяются мифы о чрезвычайно умных собаках, которые переходят дорогу только на зеленый свет светофора, легко ориентируются в метро, со все большей изобретательностью добывают себе еду и много чего подобного. Однако и ученые утверждают, что собака делается все большей интеллектуалкой. Недавно немецкие исследователи доказали, что якобы собаки понимают человеческую речь – не только интонацию, а смысл слов, и сами уже едва ли не стремятся говорить. К сожалению, их голосовой аппарат приспособлен для этого хуже, чем у котов и у некоторых птиц (у тех и других успехи в этом плане феноменальны, и о них часто пишет пресса). Значит, делают вывод ученые, животные умнеют и все больше тянутся к человеку.

Можно относиться ко всему этому с юмором. Получается, что наука недалеко отошла от мифологии. Но необходимо, кстати, сказать, что наука издавна интересовалась собаками. Еще гениальный Аристотель подробно описал восемь пород собак. Известный древнегреческий писатель Ксенофонт оставил после себя специальный труд об охоте с собаками; древнеримский поэт Гораций создал стихотворный трактат о досмотре за собаками. О них писали знаменитые греческие и римские античные авторы: Геродот, Вергилий, Лукреций, Плутарх, Плиний, Страбон [31, 75].

В художественной литературе собаку показал первый и самый знаменитый европейский поэт Гомер: в “Одиссее” именно собака узнает хозяина, который только что вернулся на родной остров Итаку после двадцатилетнего отсутствия. Всемирно известные писатели исследовали едва ли не все девяносто качеств собаки, создав ее совокупный психологический портрет. Очень часто собака играет важную роль в сюжете; помогает лучшему раскрытию образов людей, которые участвуют в ее судьбе, или даже анализу отношений в человеческом обществе; нередко собака – более верная и благородная, чем человек, – как укор последнему. Многие произведения широко

известны нашему читателю: “Слон и Моська” Ивана Крылова, “Муму” Ивана Тургенева, “Лев и собачка” Льва Толстого, “Каштанка” Антона Чехова, “Собака Баскервилей” Артура Конан-Дойля, “Трое в одной лодке, не считая собаки” Джерома Клапки Джерома, “Белый клык” Джека Лондона, “Белый пудель” Александра Куприна, “Собачье сердце” Михаила Булгакава, “Собаке Качалова”, «Песнь о собаке» Сергея Есенина, “Вот так я сделался собакой” Владимира Маяковского, “Белый Бим, Черное Ухо” Гавриила Троепольского, “Львы” Ивана Пташникова (в последнем произведении “львы” – на самом деле собаки, утратившие шерсть после катастрофы на ЧАЭС).

Неплохи успехи показа собаки и в кино: “Лесси”, “Ко мне, Мухтар!”, “Бетховен”, “101 долматинец”, “Комиссар Рекс”, “Эркюль и Шерлок против мафии” и др. Собаки оказались еще и хорошими артистами. Возможно, действительно, овладевая все большим количеством профессий, животные умнеют.

Собака – один из популярных персонажей мирового изобразительного искусства. Особенно любили изображать собаку-хорта ассирийцы и персы на рельефах стен своих дворцов в древних столицах Ниневии и Персеполе. Чаще всего это сцены охоты. Довольно часты сюжеты с собаками в мозаиках Античного Рима, которые сохранились в основном как полы домов или внутренние дворы. В искусстве Византии и средневековой Европы собака на рельефах и фресках сопровождает Христа-Пастыря. Не обходили вниманием собаку и художники Возрождения, например, Пизанелло. Особенно необходимо назвать знаменитую философскую картину Питера Брейгеля-старшего “Охотники на снегу”. С XVIII столетия в аристократических замках Европы начинают появляться портреты охотничьих собак. Развивается и скульптура. Так, царица Екатерина II устанавливала памятники на могилах своих любимых собачек. Скульптура собаки есть и в парке Радивиллов в Несвиже. Вообще памятников собаке много. Например, сенбернару на перевале Сен-Бернар – в благодарность за спасение людей, засыпанных снежными лавинами. В 30-е годы академик Иван Павлов с большим трудом добился от большевистских властей памятника собаке за ее жертвенность в науке. В XX веке собака – очень частый персонаж в анимации. Замечательный датский художник, лауреат Нобелевской премии мира, Херлуф Бидструп в серии карикатур показал визуальное сходство собак и их хозяев.

Характерно, что индивидуальные образы собак появляются в искусстве XIX–XX веков, когда обостряется внимание к личности – прежде всего, естественно, личности человека. Но художественная

литература этого времени начинает обращаться к персонажам, до того маргинальным, например, детям. И одновременно пробуждается интерес к животным – тоже именно как к личностям, которые описываются с помощью психологического анализа, а иногда даже потока сознания (“Холстомер” Льва Толстого). Правда, до XIX столетия анималистика была не меньше, а, может, и более богатая, но образы животных представали в основном в своем аллегорическом и символическом значении, имевшем истоком мифологическое сознание людей. Исключительное богатство мифологических, сказочных смыслов в образах животных, в том числе и собаки, и явилось в XIX–XX столетиях могучим инструментом психологических проекций.

Собака как зверь, прирученный первым и наиболее близкий к человеку, получила за тысячелетия целые пласты разных смыслов. Выше мы говорили в основном о смыслах положительного плана, или, лучше сказать, о семантике, связанной с жизнью. Но собака – животное и потустороннего мира.

Русский археолог М. Диков на Камчатке раскопал могилу собаки, которая была похоронена примерно десять тысяч лет назад с исключительными почестями, как знаменитая личность. Это говорит о чрезвычайно мощном культе собаки в Азии. Но в большинстве случаев собаку хоронили не отдельно, а все же вместе с человеком как верного друга, советчика и охранника. Верили, что она была необходима хозяину на том свете.

В дальнейшем вызревает другой смысл: собака, как и лошадь, проводит человека в иномир (у народов Сибири, Китая, Юго-Восточной Азии). Недаром в Греции она была близка к богу Гермесу, который занимался тем же самым: сопровождал души умерших в Аид. Одновременно формируется восприятие собаки как психопомпа, то есть жертвы – именно для проводов покойника, чтобы обеспечить ему больший комфорт на том свете, или же как “козла отпущения”, когда, “нагрузив” ее грехами, несчастную убивали (так делали индусы, индейцы-ацтеки). У персов собака сопровождает похоронную процессию [63, 308].

У древних египтян бог мертвых Анубис – с собачьей (шакальей) головой. Он не только участвует в мумификации умерших, но и помогает Солнцу, ночью продвигающемуся под землей, держаться верного пути. А значит, помогает и человеческой душе, потому что души праведников движутся вместе с Солнцем – в его челноке, и именно это – гарантия бессмертия души.

У некоторых народов собака – посредник между мирами или же охранник преисподней. Тогда он принимает чудовищные формы.

Таков в греческой мифологии Цербер с тремя головами и змеиным хвостом. Цербера вывел из Аида Геракл, и совершить герою этот подвиг оказалось труднее, чем все остальные. Три головы Цербера воплощают всепожирающее время в трех его аспектах – настоящем, прошлом, будущем. Немецкие исследователи В.Бауэр и М.Дюмоц полагают, что трехголовая собака – существо во всем противоположное богу, собственно, оно воплощает последний страх, который нужно преодолеть посвященному во время мистерии-инициации. Геракл стремится, как и каждый человек, к бессмертию, и потому старается преодолеть время. Бог преисподней Аид разрешает Гераклу вывести Цербера только с тем условием, что богатырь не будет использовать свое оружие. То есть герой побеждает время (и одновременно свое собственное подсознание) за счет собственных физических и нравственных качеств [6, 98]. Но заметим, что Геракл отводит Цербера назад в Аид, а это значит, что преодоление границы между сознанием и началом бессознательным, между нашим миром и иномиром не уничтожает эту границу вообще – она остается, и страж ее – Цербер.

Израильский исследователь-мифолог А. Голан рассказывает о широко распространенном и у древних, и у современных греков поверье, что демоническая собака съедает души умерших. Возможно, миф возник потому, что у некоторых народов собакам давали съедать тела умерших. Как только не используется собака – у нее десятки функций, оказывается, была и такая. Зато и представители потустороннего мира, пересекая границу в направлении нашей реальности, приобретали облик собаки.

У многих народов собака, как мы говорили, считалась священным существом. В Древнем Египте за ее убийство карали смертью. Тюрки, персы и китайцы в мифах вели свое происхождение от собак. Но израильтяне и арабы-мусульмане считали собаку животным нечистым. Частично это сохранилось в христианстве: собака не должна входить в храм; если собака пройдет между женихом и невестой, они поссорятся. В самом Китае в некоторых регионах сохранялись мифы о Небесных Собаках, пожирающих Солнце во время затмения [27, 216].

Все это довольно странно. Собака – символ верности, приязни к человеку; она первая, кто из животных начинал жить вместе с человеком, издавна помогает ему. И в то же время слово “собака” считается оскорблением. “Собакой-Каином” называют врага в русских былинах; “сабакам” прозвали запорожцы турецкого султана, да и сегодня ругательство осталось. Что это – влияние иудаизма и ислама

или странная трансформация мифологемы по принципу: священное – запрещенное – опасное – нечистое? Правда, в отличие от кошки, собака, действительно, не совсем аккуратна в быту. Но легко приучается к порядку. Тем не менее – как высшая степень негатива – в черного пуделя даже превращается дьявол: Мефистофель в “Фаусте” Иоганна Гёте; в виде черного собаки сатана постоянно надоедал Мартину Лютеру.

Амбивалентное отношение человека к собаке – интересная, но сложная тема. Думается, в основе здесь – как раз напластование смыслов: от происхождения (все же волк – жестокий хищник) до богов, которым собака служила, среди них – и страшные, например, собака сопровождала индийского бога смерти Яму. Не хочется об этом думать, но возможна и зависть человека к существу, которое часто оказывается более благородным и благодарным, чем он сам. Человек – противоречивый, сложный, психологически неустойчивый – переносит свои черты на лучшего из животного мира друга, унижает его, думая, что возвышает этим себя.

Есть у нас и совсем “беллетристическая” версия, но она объясняет очень многое. Собака, как, возможно, и сам homo sapiens sapiens, – генетически модифицированный объект чужих, инопланетных, технологий. Части волков была заложена программа – служить человеку. Но сам человек, который никогда не оставлял надежды приблизиться к уровню богов (слово Элохим, которое означает “создателя мира” в Библии, на самом деле, переводится не как “бог”, а как “боги”), ревниво относится к деятельности неизвестно откуда прилетевших чужеземцев. Хотя, возможно, генетическими экспериментами занимались ученые-жрецы земной допотопной суперцивилизации, известной под кодом “Атлантида”. Как бы то там ни было, человек чувствует в собаке что-то “не свое”. И все же любовь к ней побеждает.

Отвергая традиционную, часто очень надуманную, этимологию, мы обращаемся к русскому и белорусскому языкам как к истине в последней инстанции. Известно, что китайцы отличали в человеке две души: животную (подсознание) и небесно-бессмертную. Первая, предположительно, у белорусов и русских, как и у древних египтян, называлась “ка”, вторая – “ба” (о “ба” как названии души у славян писал академик Александр Веселовский еще в XIX веке). В слове “собака” приставка “со” – префикс соединения. Со-ба-ка – существо, которое заключает в себе две крепко соединенные души, как и у человека. Почему именно так – более прозрачно, чем сам себя, – назвал наш предок своего звериного друга?

СВИНЬЯ

2007 год проходил под знаком зеленой (синей) свиньи по восточному календарю. Знак свиньи ассоциируется с темным, или женским, началом “инь”. Год свиньи завершал собою двенадцатилетний цикл китайского традиционного календаря. И в других элементах и формах китайской культуры, и стран, находящихся в ее влиянии, свинье принадлежит последнее место. Так, юрта монголов, разделенная на двенадцать секторов, является как бы проекцией небесного зодиака. Каждое зодиакальное животное определяет хозяйственного значение того места, с которым его связывает традиция. Наиболее почитаемое место – прямо против входа – “мыши”: там находятся сундуки с богатством семьи. Рядом, поскольку юрта круглая, оказалось место “свиньи”: здесь размещаются хозяйственные вещи, которыми пользуется хозяйка дома. В принципе это самое “низкое” по семантике место. Но негативно народы Восточной Азии к свинье все же не относятся. Известно, что китайцы под Новый год приносили в качестве жертвы небесным богам как раз поросенка, – лучшее, по их мнению, из всех продуктов питания [47, 236].

Иное отношение к свинье у народов Западной (Передней) Азии и частично Африки. Свинья – нечистое животное в Древнем Египте, в культуре евреев и арабов. В науке прочно утвердилось мнение, что это связано с жарой, южным климатом, в условиях которого сложно сохранять мясо. Правда, у народов Полинезии и Новой Гвинеи, где климат вообще тропический, свинья, тем не менее, считается священным животным. Можно найти и другое объяснение негативного отношения к животному в Западной Азии и Египте: свиньи, вечно копаясь в грязи, распространяли вредоносные бактерии, и мудрые древнеегипетские жрецы заметили это издавна. Они учили народ с осторожностью относиться к животному, а евреи, покинувшие Египет и переселившиеся в Палестину, сохранили это недоверие, которое со временем стала религиозным догматом не только иудаизма, но и ислама.

Отрицательное отношение к свинье вообще было связано с религиозными представлениями еще с глубокой древности. Известный английский ученый-этнолог Д.Д. Фрезер (XIX–XX стст.) считал свинью сначала как раз священным животным, на мясо которого было наложено табу (запрет). Его теория утвердилась в науке. Ученые решили, что представления о “священном” и “нечистом” в архаическом мире идентичны. Поляризация понятий произошла уже

в классовом обществе. Д.Д. Фрезер пишет, что страх перед свиньей был замешан одновременно и на обожествлении, преклонении, и на брезгливости, отталкивании. С течение времени одно из противоречивых чувств победило [111, 444–445].

Мифология финикийцев и древних сирийцев тоже свидетельствует о еще двойственном отношении к свинье (кабану). Согласно мифу, дикий кабан своими клыками разодрал кору дерева мирры, из которого появился на свет маленький бог Адонис. Однако по другой версии, как раз кабан, в которого превратился бог Марс, убил Адониса – возлюбленного исключительно почитаемой богини Венеры. Можно полагать, что первоначально и бог растительности Адонис мог превращаться в свинью, потом, во времена Античности, когда произошла антропоморфизация пантеона богов, это забылось, но какая-то связь бога Адониса с вепрем осталась.

В Античной Греции свиней приносили в жертву во время самых важных для страны и самых таинственных Элевсинских мистерий, посвященных богине Деметре и ее дочери Персефоне. Тут скрыт глубокий смысл. Свинья из всех домашних животных больше всего связана с почвой, своим лычом даже содействует ее рыхлению, а значит, урожаю. Кроме того, приземленная фигура животного, его как бы притяжение к низу, способность искать подземные грибы трюфели, ясно указывает на связь с преисподней. Напомним, что Персефона – и царица Аида, владычица над мертвыми, и в то же время богиня весеннего возрождения природы. Мать Деметра и дочь Персефона персонифицируют единый природный цикл, животным символом которого была свинья. Ее связь с Аидом, которая мудрым грекам казалась абсолютно естественной, позднее трансформировалась в связь вообще с инфернальным миром. Вот почему в Евангелии рассказывается о бесах, изгнанных Христом из бесноватого человека и помещенных именно в стадо свиней.

Позднейшим преданием можно считать и мотив превращения людей в свиней за грехи. В Украине широко бытовало представление, что Христос превращал в свиней тех нетактичных людей, которые решали испытывать Его силу как Бога. В селе Терюха Гомельского района до нашего времени дожило воспоминание о ведьме, которая умела превращаться в большую черную свинью и в таком виде пугала не только односельчан, но даже представителей новой большевистской власти. Характерно, что во время фашистской оккупации Гомельщины ее боялись и немцы – приносили ей подарки, чтобы задобрить. Позднее она исчезла неизвестно куда – никто не помнит ее смерти.

Так мы, наконец, приблизились к верованиям и наших предков. Они жили не в изолированном мире: как ни странно, контакты между племенами были даже более активными, чем между современными народами при всем могуществе СМИ и разных видах транспорта. Вот почему многое, что касается других европейских (и даже азиатских) этносов, имеет отношение и к нашему, одному из самых древних среди индоевропейцев.

Но люди в Европе жили задолго до появления здесь индоевропейцев. Наиболее древние рисунки на Земле зафиксированы в Пиренеях – на территории Испании и Франции: их возраст примерно 40-20 тысяч лет, представляют они исключительно животных. Свинья (дикий кабан) в этих палеолитических галереях не встречается, тут распространены изображения зубров, туров, оленей, лошадей. Встает интересный вопрос, который, кстати, еще не возникал в научной литературе: почему среди всех животных, на которых первобытный человек охотился, нет дикого кабана? Не потому ли, что уже тогда это было сакральное существо, которое не ели? Значит, именно вепрь был тотемом-первопредком племен Западной Европы, потому что только значительно позже тотемное животное начали употреблять в пищу, как бы растворяя ее субстанцию в своей и этим подчеркивая связь с ней. Дух предка, повторяем, принимал зооморфную форму. Подтверждением тотемистичности вепря с давних времен является его почитание у кельтов – предков современных ирландцев, шотландцев, частично немцев, испанцев, французов, поляков, и, как полагают некоторые исследователи, – и белорусов. Высшего взлета культура кельтов достигла в эпоху Античности – параллельно (но самостоятельно) с культурой греков и римлян. Вепрь у кельтов был любимым объектом охоты, а также пищей богов и героев. Во Франции найдены три скульптуры вепрей из бронзы, сделанных в I ст. н. э. Они считаются лучшим образцом галльского анималистического искусства в области скульптуры [91, 8].

В мифах большинства европейских народов дикий кабан – символ военного могущества и плодовитости. В древнем германском эпосе есть описание боевого знака – головы вепря. И до сегодня такие головы – чучела украшают стены в залах средневековых замков. У германцев сохранилось также и предание о происхождении племени от двух братьев, одного из которых называли Вепрь. В текстах древней Хеттской державы, которая во II тыс. до н. э. располагалась на территории современной Турции, вепрь или свинья упоминается как одно из “животных бога”. Хетты, как предполагают, тоже были

индоевропейцы. У белорусов и украинцев вепрь именуется “дик”, то есть дикий: имя зверя – говорящее. В настоящее время диких свиней в Беларуси очень много, они часто наносят вред посевам.

В мифологии балтийских славян огромный вепрь с белыми клыками показывался из моря каждый раз, когда возникала какая-то опасность для священного города Ретры [5, I, 170]. В этом городе размещался большой храм одного из богов Сварожичей – Огня, и огромный вепрь охранял его.

В белорусской сказке о свинке – золотой щетинке (существует четыре варианта этой сказки, да она есть и у русских) герой добывает чудесное существо вместе с двенадцатью поросятами. Может быть, чудесная свинка – символ годового Солнца, а поросята – двенадцать месяцев? В таком случае свинья имеет здесь, безусловно, солярно-положительный смысл, хотя у кельтов вепрь был посвящен Луне (луна связывалась с преисподней) из-за своих клыков, которые по форме напоминали месяц. Но у славян в верованиях господствовала солнечная тематика, как и у почти всех арийцев-индоевропейцев, для которых характерен культ солнца и огня.

Все же у индоевропейских народов отношение к свинье двойственное: чувствуется влияние христианства, хотя и сохранилась довольно ощутимая языческая основа.

У всех земледельческих народов последний сноп из колосьев ржи воплощал бога Велеса и одновременно духа поля, который содействовал урожаю и являлся символом плодородия. Бог Велес известен всем индоевропейцам и, скорее всего, угро-финнам, даже провинция Уэльс в Британии – напоминание о нем. Как дух поля он у разных народов вселялся в разных существ, чаще млекопитающих: собак, волков, зайцев, коров, быков, лошадей, козлов и – свиней. Эстонцы называют последний сноп Ржаным вепрем. В Германии обязанностью человека, который первым закончил обмолот зерна, было нести чучело свиньи.

Дух хлеба в виде свиньи виделся и во время сева. Так, в Латвии в XIX столетии пахари весною угощались на поле свининой, часть которой (обычно хвост) потом зарывали в землю, что содействовало ее плодородию. Таким образом, происходила интересная трансформация: во время сева дух поля – дух плодородия – еще видится в виде конкретного животного, во время жатвы оно же – это животное – уже воплощает самого бога. Так же понимали свинью и на “щедрый вечер” (по-белорусски “щедрец”) во время Святок (Коляд). Кушанья из свинины, а часто непосредственного

голова свиньи как главное украшение стола, – безусловно, символ собственно духа урожая, а значит, богатства.

Современным людям бывает трудно понять логику, направление мышления предков. Между тем, опорой их умственных построений является универсальный принцип круга-кола (отсюда Коляда) – круга не только годового цикла, но и движения по кругу всех стихий и элементов природы. Например, жизненная сила умерших, царем которых был Велес, могла переходить в рожь (по-белорусски “жито”), ту же свинью, а потом попадала в живых людей. Таким образом, жизненная субстанция Велеса как персонификации всего мира мертвых и каждого конкретного покойника обеспечивала непрерывный сельскохозяйственный цикл. А он, в свою очередь, был связан с циклом, с кругом календарным. Потому и неслучайны ассоциации в сказках животных с небесными светилами.

Особенно хотелось бы подчеркнуть, что жизненную субстанцию тут не стоит понимать как душу в психологическом смысле слова, она не передает определенные качества человеческой личности или же личности бога. Это именно энергия, сила жизни, вечной и непрерывной, – общая и для растений, и для животных, и для людей, и для богов.

Упомянутая трансформация, цепочка превращений помогает понять еще одну особенность древнего мышления: бог Велес в принципе (как и каждый покойник) – представитель иного мира, но его инкарнации, в том числе в виде животных, принадлежат одновременно и нашему миру, и тому свету. Растение и животное соединяли их, такие разные миры.

Вернемся к еде, потому что недаром говорят: человек есть то, что он ест.

Ритуальный смысл свинина приобрела еще в глубокой древности и распространилась по всех странах Европы вплоть до Португалии. На балах феодалов в эпоху Средневековья подавались огромные запеченные туши вепрей. Археологи находят в кельтских поселениях более всего именно свиных костей. Не удивительно, что свинина является национальной едой чехов, словаков, австрийцев, немцев, скандинавов, балтов, украинцев и белорусов. Украинцы и белорусы, по мнению этнографов, особенно любят сало. А вот для традиционной культуры русских оно – во всяком случае, в XIX веке, когда делались этнографические записи, было не особенно характерно (кроме областей, на которых в раннем Средневековье поселились кривичи). Это говорит о том, что на территории России тотемных вепрей и культа свиньи не было [37, 140.]. Зато у западноевропейских

народов он сохранился. Возможно, предки кельтов в Западной Европе принесли с собою культ свиньи из Центральной Азии, потому отношение к ней в принципе, особенно у скандинавов, положительное, без противоположных нюансов, которые все же присутствуют у славян: назвать человека “свиньей” – ругательство (Тотемами у славян были другие животные: зубр, волк, лось, медведь, аист. Потому в отношении свиньи влияние христианства у нас было сильнее). В Швеции и Дании на Новый год даже выпекают огромный каравай из теста в виде вепря. Пекут его часто из зерна последнего снопа урожая. Каравай стоит на столе все время Святок. Часть его сохраняли до весны, а тогда примешивали к посевному зерну и давали есть домашним животным. Таким образом, у европейских народов дух поля, дух урожая воплощался в образе свиньи как животного, наиболее связанного с землей.

Связь растений, животных и мира предков в обрядности индоевропейцев еще раз ярко демонстрирует неразделимость древнего мышления, единство стародавнего космоса, величие языческой культуры.

Поэтизация праздничного стола с таким разнообразием кушаний, какое в наше время уже тяжело и представить, – одна из самых ярких традиций белорусской художественной литературы, потому что, воспевая мясную еду, белорусские писатели славят собственно жизнь, ее силу, огромные творческие возможности природы, а также труд крестьянина, красы и гордости, основы нации. Белорусские классики понимали важность крестьянской культуры и умели воплощать национальный космос во многих гениальных строках. Например, у Якуба Коласа:

А на стале тым – рай дый годзе,
Што рэдка трапіцца ў народзе,
Ляжала шынка, як кадушка,
Румяна-белая пампушка,
Чырвона зверху, сакаўная,
Як бы агонь у ёй палае,
А ніз бялюткі, паркалёвы;
Кілбасы-скруткі, як падковы,
Між сцёган, сала і грудзінак
Красуе ўсмажаны падсвінак,
Чысцюткі, свежы і румяны,
Як бы паніч той падзіманы.

Такой стол – апофеоз сельскохозяйственного года, песня, симфония крестьянского труда, символ богатства и счастья – не

случайно поэт тут употребляет слово “рай”. Безусловно, это материальный рай, связанный с телом. Но человек же – существо двойственное, телесно-духовное. Свинья как символ, как образ народной культуры как раз и связана с “низшей”, телесной природой человека.

Интересным воплощением в творчестве действия национальных архетипов, образов коллективного бессознательного являются прекрасные философские рассказы Бориса Саченко “Вепрь-бродяга” и Михаила Стрельцова “Копчение кабанчика”.

Все приведенные произведения свидетельствуют, что свинья в культуре белорусов – наиболее спорное домашнее животное. Отношение к ней колеблется в широких пределах.

Что же касается Китая, то отношение здесь к свинье гораздо более лояльное. Первое, что обращает на себя внимание – свинья не считается нечистой. Но это напрямую зависит от самих людей, от их аккуратности. Даже в XIX веке, по свидетельству европейского человека, свинарники в Китае поражали своей чистотой: «Животным не дают соломенных подстилок, и вымощенные плитами полы из-за постоянного мытья так же чисты, как пол английской кухни. Свинари всегда готовы безотлагательно убрать даже малейшие частицы экскрементов. Можно посетить хлев, в котором содержатся две сотни свиней, не оскорбив даже самое чувствительное обоняние» [27, 457-458]. Тот же автор отмечает, что в каждом хлеву «находится алтарь, посвященный Чжу-Лань-Ту-Ди, или Гениям свиного хлева. На стене каждого отделения в хлеву наклеивают полоску красной бумаги с четырьмя китайскими иероглифами, означающими «Да успокоятся враги лошадей, коров, овец, кур, собак и свиней» [27, 457]. Все это говорит о великом уважении китайцев к животным – и вовсе не только потому, что они обеспечивают пищу.

Современные ученые считают свинью одним из самых умных созданий. В университете штата Иллинойс в США исследователи научили свиней регулировать температуру в свинарнике. Выяснилось, что они хорошие навигаторы. Свинья, оказавшись в открытом море, чувствует землю за двенадцать километров, и этим пользуются жители островов Океании – берут свиней в далекие путешествия. Американская свинья Присцилла спасла тонувшего десятилетнего мальчика. У человека со свиньей много подобного – почки, печень, сердце. Вот почему внимание к ней всегда было пристальное, а ее образ используется в лексике, в сувенирах или как символ накопления богатства.

Литература:

1. Акимушкин И. Мир животных. – М., 1971.
2. Алмазов Б. Прощайте и здравствуйте, кони!.. – Л., 1978.
3. Арлоў У., Сагановіч Г. Дзесяць вякоў беларускай гісторыі. – Вільня, 1999.
4. Асов А. Мифы и легенды древних славян. – М., 1998.
5. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3- тт. – М., 2002.
6. Бауэр В., Дюмоц Д., Головин С. Энциклопедия символов. – М., 1995.
7. Беларуская міфалогія. Энцыкл.слоўнік / С.Санько, Т.Валодзіна, У.Васілевіч і інш. – Мн., 2004.
8. Беларускія народныя казкі, - Мн., 1990.
9. Белицкий М. Забытый мир шумеров. – М., 1980.
10. Белов А.И. Антропологический детектив. – М., 2002.
11. Белякова Г.С. Славянская мифология. – М., 1995.
12. Бирлайн Д.Ф. Параллельная мифология. – М., 1997.
13. Богданович А. Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. – Гродна, 1895, Минск, 1995.
14. Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. – М., 1980.
15. Братья Гримм. Полное собрание сказок. В 2-х тт. – М., 2003.
16. Вернер Э. Мифы и легенды Китая. – М., 2005.
17. Ветах В. Астрология и мифология. – Воронеж, 1994.
18. Волшебный жезл. Сказки народов Индонезии и Малайзии. – М., 1972.
19. Войцеховский А.И. Тайны Атлантиды. – М., 2000.
20. Генон Р. Символы священной науки. – М., 2002.
21. Геродот. История. В 9-ти кн. Кн.4. / Литературные памятники. – Л., 1972.
22. Гете И.В. Избранные произведения. В 2-х тт. Т.2. – М., 1985.
23. Глинка Г. Древняя религия славян // Кайсаров А.С., Глинка Г.А., Рыбаков Б.А. Мифы древних славян. Велесова книга. – Саратов, 1993.
24. Голан А. Миф и символ. – М., 1993.
25. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. – М., 1992.
26. Гржимек Б., Гржимек М. Серенгети не должно умереть. Гржимек Б. Не щадя сил / Пер. с нем. / Авт. послесл. и коммент. А.Г.Банников. – М., 1986.
27. Грэй Джон Генри. История Древнего Китая. – М., 2006.

28. Гудзь-Марков А.В. Пантеоны богов индоевропейцев и прапантеон. – М., 2001.
29. Гусева Н.Р. Многоликая Индия. – М., 1987.
30. Даниэль С.Б. Библейские сюжеты. – СПб., 1994.
31. Дмитриев Б. Соседи по планете. Домашние животные. – М., 1985.
32. Доманский Я.В. Скифы – кочевники, пастухи, воины // Курьер ЮНЕСКО. - № 1. – 1977.
33. Драгунов Г., Крашенинников В. Путешествие по Швейцарии. – М., 1987.
34. Жизнь животных. В 7 тт. – М., 1989.
35. Завадська В., Музиченко Я., Таланчук О., Шалак О. 100 найвідоміших образив украінскоі міфологіі. – Кііў, 2002.
36. Зайкоўскі Э.М., Тычка Г.К. Старабеларуская кухня. – Мн., 2001.
37. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991.
38. Земляробчы каляндар. – Мн., 1990.
39. Ежов В.В.Мифы Древнего Китая. – М ., 2004.
40. История религий. В 2-х тт. Т.1. – Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1992.
41. Искусство Средних веков и Возрождения: Энциклопедия / Автор-составитель О.Б. Краснова. – М., 2001.
42. Искусство стран Востока / А.Н.Анисимов, Л.Н.Гумилев, А.Н.Желоховцев и др. – М., 1986.
43. Искусство Японии / Автор-составитель Н.А. Виноградова. – М., 1985.
44. Казкі беларускіх пісьменникаў. – Мн., 1999.
45. Калашников А. Атлас тайн и загадок. Кн.1. – М., 2000.
46. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. – М., 1985.
47. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. – М., 1989.
48. Каниткар В.П., Оуэн К.У. Индуизм. – М., 1999.
49. Караткевіч У. Дзікае паляванне караля Стаха. Аповесць. Чорны замак Альшанскі. Раман. – Мн., 2000.
50. Кардини А. Происхождение рыцарства. – М., 1989.
51. Карпец В.А. Русь, которая правила міром, или Русь Мировеева. – М., 2005.
52. Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. – М., 1986.
53. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М., 1994.

54. Китай: Земля Небесного дракона / Под общ. ред. Э.Л. Шонесси. – М., 2002.
55. Китайские сказки. – М., 1991.
56. Козы и овцы: Разведение. Выращивание. Использование продукции: Справочное издание. – Ростов н/Д. – 2000.
57. Колас Якуб. Збор твораў у 14 тамах. Т.4. – Мн., 1972-1978.
58. Косарев А. Философия мифа. – М., 2000.
59. Коэльо П. Алхимик. – Киев, 2002.
60. Крапп Э. Астрономия. Легенды и предания. – М., 1999.
61. Кривченко В.И. Помпеи. Геркуланум. Стабии. – М., 1981.
62. Крук И.И. Восточнославянские сказки о животных. – Мн., 1989.
63. Купер Д. Энциклопедия символов. – М., 1994.
64. Кэ Юань. Мифы Древнего Китая. – М., 1987.
65. Лихачева В. Искусство Византии IV–XV веков. – Л., 1986.
66. Лозка А. Беларускі народны каляндар. – Мн., 1993.
67. Лозовская Е. Макс Планк, сплайсинг и футбол // Наука и жизнь. – № 10. – 2006. – С.2-14.
68. Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. – М., 1977.
69. Маккуин Д.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. – М., 1983.
70. Мамуна Н.В. Зодиак мистерий. – М., 1998.
71. Мифы народов мира. В 2-х тт. – Т.1. – М., 1980. Т.2. – М., 1982.
72. Мозолевский Б.Н. Стремление передать философскую картину мира // Курьер ЮНЕСКО. – № 1. – 1977.
73. Монте П. Искусство Рамсесов. – М., 1989.
74. Музей Метрополитен. Нью-Йорк. – М., 1983.
75. Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. В 3-х тт. – М., 1984.
76. Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы. – Мн., 1993.
77. Немировский А.И. Этруски. От мифа к истории. – М., 1983.
78. Ненадавец А.М. Святло таямнічага вогнішча. – Мн., 1993.
79. Овчинников В.В. Сакура и дуб: Впечатления и размышления о японцах и англичанах. – Мн., 1987.
80. О'Нейл Р. Люди и монстры. Необычные животные и необыкновенные люди. – Нижний Новгород, 1995.
81. Оппенхейм А.Лео. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980.
82. Панчатантра. – М., 1972.
83. Песков В. Радости на птичьих крыльях // Комсомольская правда – № 21. – 4.02.2000.

84. Погребенные царства Китая / Пер. с англ. А.Чекмарева, – М., 1998.
85. Польские народные сказки. – Л., 1980.
86. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986.
87. Прусс И.Е. Рафаэль. – М., 1983.
88. Птичка-пуночка. Чукотские и эскимосские народные сказки. – М., 1980.
89. Ренс М. Тесей. – М., 1991.
90. Речкин М.Н. Сибирь спасет человечество?! Том 1. Восхождение к истине. – М., 2005.
91. Росс Э. Кто же были кельты? // Курьер ЮНЕСКО. – № 1. – 1976.
92. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М., 1880, 1992.
93. Руставелі Ш. Візяць у тыгравай скуры. Пераклад на беларускую мову М.Хведаровіча, А.Звонака. – Мн., 1966.
94. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 1981.
95. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1987.
96. Самозванцев А.В. Мифология Востока. – М., 2000.
97. Сандулов Ю. Дьявол. Исторический и культурный феномен. – СПб., 1997.
98. Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. – Смоленск, 2000.
99. Ситчин З. Лестница в Небеса. – М., 1998.
100. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 тт. – М., 1995–2005.
101. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995.
102. Соколова З.П. Животные в религиях. – СПб., 1998.
103. Суднік С. Падарожжа ў краіну арыяў // ЛіМ. – № 35-36, 2, 9 верасня 1994 г.
104. Сысоев В. Золотая Ригма. – М., 1983.
105. Так кто же нам родственник? // Чудеса и приключения. – № 12. – 2002.
106. Топоров В.Н. Боги // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 тт. Т.1. – М., 1995.
107. Трассидер Д.Словарь символов. – М., 1999.
108. Тяжелов В.Н. Искусство средних веков в Западной и Центральной Европе. – М., 1981.
109. Успенский М.Г. Там, где нас нет. // Успенский М.Г. Приключения Жихаря: фантаст.романы. – М., 2003.

110. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.Т.2. – М., 1964–1970.
111. Фрезер Дж.Дж. Золотая ветвь. – М., 1981.
112. Чарадзейныя казкі. У 2-х ч. Ч.1. – Мн., 1973. Ч.II. – Мн., 1978.
113. Черных П.Я. Историка-этимологический словарь современного русского языка. В 2 тт. – М., 1999.
114. Царев И. Загадка Арзамасского монстра // Тайная власть. – № 7. – 1997. – С.4.
115. Цыркун К. Над нами – неба // Роднае слова. – № 9. – 2002.
116. Фицжеральд С.П. Китай. Краткая история культуры. – СПб., 1998.
117. Хмелева А.В. Родной дом. Культура резного украшения современного дома в Гомельской области. – Гомель, 1999.
118. Шалаби А. Весь Египет. – Флоренция, 1995.
119. Шамак А.А. Міфалогія Старажытнай Беларусі. – Мн., 2004.
120. Шамякіна С.В. Verbo tenus (у прасторы слова): Філалагічныя эцюды. – Мн.: РІВШ БДУ, 2003.
121. Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: около 1000 статей. – М., 2001.
122. Элиадэ М. Священное и мирское. – М., 1994.
123. Элиадэ М. Миф о воссоединении. // Элиадэ М. Азиатская алхимия. – М., 1998.
124. Энциклопедический словарь символов / Авт.-составитель Н.А.Истомина. – М., 2003.
125. Энциклопедия символизма: Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка / Кассу Ж., Брюнель П., Кладон Ф. и др. – М., 1998.
126. Энциклопедия суеверий / Сост. Э. Рэдфорд. – М., 2001.
127. Энцыклапедыя прыроды Беларусі. У 5 тт. Т.3. – Мн., 1984, т.4. – 1989.
128. Энцыклапедыя сельскага гаспадара. – Мн., 1989.

© Інтэрнэт-версія: Камунікат.org, 2011 год
© PDF: Камунікат.org, 2011 год